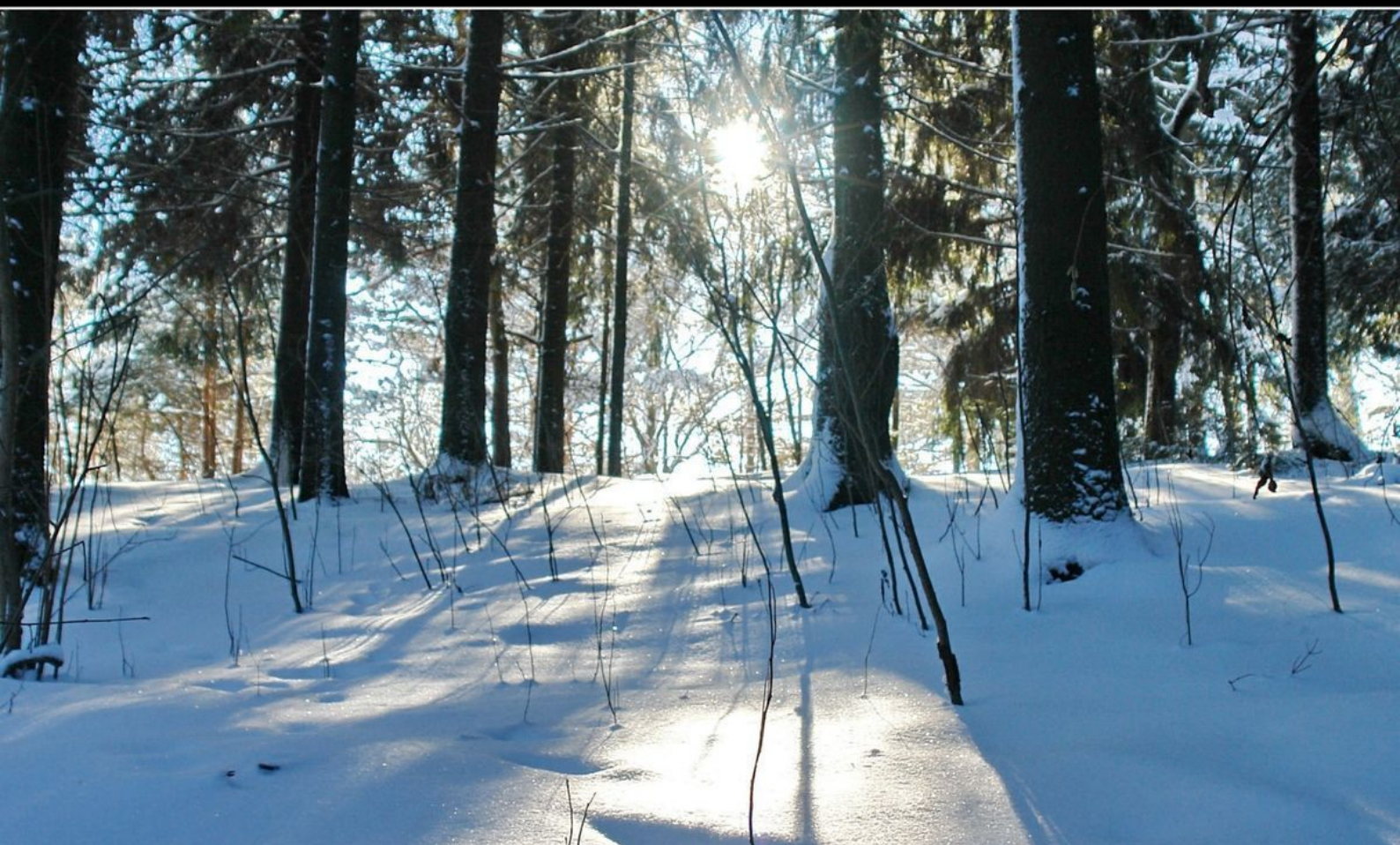

Кирилл Шатилов

*Торлон.
Зимняя жара*

Боец — Красный снег — Ложная правда

Кирилл Шатилов

**Торлон. Зимняя жара. Боец –
Красный снег – Ложная правда**

«Издательские решения»

Шатилов К.

Торлон. Зимняя жара. Боец – Красный снег – Ложная правда /
К. Шатилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900850-3

Роман-сага «Зимняя жара» — независимое продолжение цикла «Многоликий странник» о жителях страны Торлон. Здесь нет ничего от привычного фэнтези: ни чудес, ни драконов, ни колдовства. Но это фэнтези в прямом смысле слова: Торлона нет и никогда не было, он рождён фантазией, однако при этом он не сказка, а быль, которую хочется увидеть, послушать, потрогать и даже взять на память. Этот мир окутала долгая зима. Когда-нибудь она закончится, но, как говорили встарь, тьма перед рассветом сгущается.

ISBN 978-5-44-900850-3

© Шатилов К.
© Издательские решения

Содержание

Цикл	6
Часть 1. Боец	9
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Торлон. Зимняя жара Боец – Красный снег – Ложная правда

Кирилл Шатилов

Фотограф Кирилл Шатилов

© Кирилл Шатилов, 2018

© Кирилл Шатилов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-0850-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цикл МНОГОЛИКИЙ СТРАННИК¹

Из живой летописи Вайла'туна, собственноручно ведомой Скелли, главным писарем замка

3768-й день моей Службы

...Сегодня под вечер из Пограничья возвратился Локлан, сын Ракли. Вернулся он не один, а с пленной рыжей дикаркой и неведомым пришельцем, который называет себя Вилом, что-то постоянно лепечет на своем странном наречии, но почти не понимает ни языка вабонов, ни даже кенся. Удалось лишь разобрать его имя да имя той земли, откуда он будто бы прибыл – не то Антлия, не то Англия, не то как-то ещё. Вида он совсем нашего, но грязен, слаб и напуган. И это при том, что, по словам поймавшего его Локлана, пришелец сей странствовал по Пограничью с доспехами самого Дули, первого истинного героя Вайла'туна, несчётное число зим назад сгнувшего в Мертвом Болоте. Доспехи тотчас же забрал себе Ракли, но я надеюсь поутру увидеть их и удостовериться в их подлинности...

3777-й день моей Службы

...Утром пришла из Пограничья новая весть. Шеважа, эти смердящие дикари, poznали тайну Огня и спалили заставу, ту самую, которую недавно посещал с проверкой Локлан. Пришла весть эта в лице чудом спасшегося подмастерья по имени Хейзит и нескольких уцелевших виггеров, сопровождавших его. Воистину было сказано, что радость ползёт на брюхе, а беда мчит на крыльях! Как бы я хотел, чтобы если уж кто явился, так кто-нибудь иной, а Хейзит этот пусть бы сгинул в пламени следом за отцом своим, строителем Хоканом! Так ведь он ещё исхитрился придумать какой-то способ получать камни, что давно у нас истощились, из простой глины. Придумал и Ракли им соблазнил. Да так умело, что тот отряжает ему теперь силфуров немерено на постройку пекарни, а меня вынудил ещё и верительными грамотами его снабдить. Тэвил да покарает их всех за скудомыслие и непотребства!..

3781-й день моей Службы

...Воистину нет конца тому, начало чего покрыто туманом! Кто бы мог подумать, что мой предтеча, бывший главный писарь замка, этот полудохлый старик Харлин, подобно своему юному другу Хейзиту не только переживёт пожар в собственной лачуге, но и унесёт ноги в неизвестном мне пока направлении. Подозреваю, что свитки «Сид'э» он прихватил с собой. Как бы мне хотелось задушить его собственными руками! Ну да ничего, ничего, мои ищейки уже идут по следам и скоро будет уничтожен последний список...

3793-й день моей Службы

...Давеча сведущие люди мне донесли, будто бы шеважа осмелели настолько, что объявились с самыми серьёзными намерениями на окраине Пограничья и даже дерзнули открыто напасть на тун, коим верховодит этот пронырливый карлик Тэрл. А примечательней всего то,

¹ Предыдущие книги цикла: «Торлон», «Торлон. Война разгорается».

что не успели они подпалить деревянные ворота, как на них с тыла обрушился никем доселе не виданный всадник и разметал дикарей что малых щенят. После чего так же таинственно скрылся в неизвестном направлении. Остается лишь гадать, откуда он и на чьей стороне...

3799-й день моей Службы

...Локлан сбежал! Говорят, последний раз его видели на торжестве у Томлина, доверенного ростовщика Ракли. Вместе с ним ушли несколько близких ему людей, включая рыжую дикарку, которую он явно облюбовал, чужеземца Вила и кое-кого из воинов. Обиднее всего, что пропала и Орелия, дочь его слуги Олака, в судьбе которой я принимал немало участие и на которую имел свои виды. По слухам они дерзнули бросить вызов Бехеме и попытались переплыть её стремнину. Младенцы! Я буду рад, когда найдут их тела...

3809-й день моей Службы

...И первый день Зимы...

3813-й день моей Службы

...Сбылось то, на что я надеялся, но что даже не помышлял доверить этим страницам: Ракли поплатился за своё самомнение и свою гордыню. Сегодня после полудня доверенные люди Демвера Железного и Тивана схватили его и бросили в подземелье. Пусть пока там остынет. Теперь путь открыт, и никто не сможет помешать мне совершить задуманное. Осталось лишь покончить с Хейзитом и его глиняными камнями, которые не должны стать всеобщим достоянием и лишить нас многих выгод. Надо уничтожить его печь, а карьер засыпать...

3818-й день моей Службы

...Чудеса продолжают сбываться моими молитвами! Строительству печи будет не сегодня завтра положен конец под вполне простительным предлогом: не то из Пограничья, не то из верховьев Бехемы явились новые неведомые супостаты гигантского, говорят, роста и учинили на карьере резню. Нужно спасать беззащитных строителей. И Хейзита в том числе...

3820-й день моей Службы

...Хейзит сбежал из-под самого носа у Гийса, сына Демвера Железного. Ему помогли, иначе быть не может. Сдаётся мне, что сам Гийс, будь он неладен. Потому что они увели с собой и его. Прямо из таверны матери Хейзита. А её бывший воздыхатель, торговец оружием Ротрам, самолично встал на защиту и помешал свершиться правосудию. Надо будет при случае его призвать и прощупать. Если он окажется не торговцем, а торгошом, мне такой человек пригодится...

3824-й день моей Службы

...Вот уж воистину будет сказано: где убавится, там и прибавится! Я ждал, что с появления того самого Вила начнут происходить странные вещи, но кто бы мог подумать, что настолько! Следом за Вилом объявился неведомый всемогущий всадник, за ним – гиганты у карьера. Тем временем пропал Локлан, бежал Хейзит, исчез Гийс, а нынешним утром обнаружилось, что с совета в Обители Матерей так и не вернулся Сима, которого я в бодром

здравиш видел накануне. Только я получил эту тревожную весть, как выяснилась и другая пропавша, куда как более важная, тем паче что двойная: из хранилища были похищены доспехи Дули и не пришёл на обычный с недавних пор ужин в тронной зале Демвер Железный. Связано ли одно с другим? Боюсь, что да, хотя пока не знаю, каким именно образом. Предателем Демвер точно не был. Разве что судьба сына тяготила его в последние дни...

3827-й день моей Службы

...Многое выяснилось, но ещё больше покрылось мраком. Сима нашёлся! И спас его от верной гибели не кто иной, как Гийс, сбежавший от Хейзита и его семейства. Оказалось, что они встретились где-то в коридорах подземелья и ушли вместе на окраину, к самому Пограничью. По словам Гийса, он видел труп отца. По словам Симы, таковым Демвера сделал сам Гийс. Я этого пока не могу до конца осознать, но очевидно, что мальчик вырастает в большую и опасную змею, которую проще пригреть, нежели поймать. Тэвил, дай мне силы довести задуманное до конца!..²

² Подробности этих событий любознательный читатель может при желании почерпнуть из романов «Торлон» и «Торлон. Война разгорается» – <http://torlon.jimdo.com>

Часть 1. Боец

День у Валбура не заладился с самого утра.

Стоило тащиться в такую даль, чтобы увидеть на рыночной площади кислую морду Минтела, местного торговца, которому Валбур ещё до первых холодов сбавил все свои корзины в надежде выручить за них хоть сколько-нибудь лишних силфуров³ и в коем-то веке обзавестись приличным мечом. Сегодня он был вынужден убедиться в том, что корзины как лежали вдоль задней стены лавки, так и лежат, а сам Минтел по-прежнему поёт свою любимую песню:

– Плохо идут. Ручки крепкие. Все, кому нужно было, купили, а им и сносу нет. Предупреждал тебя, надо похуже было делать, чтобы отрывались или дно отваливалось. Теперь вот не берут совсем.

Валбур смотрел в вытаращенные глазки Минтела и еле сдерживался, чтобы не садануть ему кулаком по скошенному подбородку. Так бы и удавил на месте собственными руками. Разве ж можно делать для людей товар таким, чтобы его через день-другой выбрасывать? Что будет, если кузнецы станут так же к оружию своему относиться? Вышел на бой, махнул мечом – а в руке одна рукоятка осталась. Рваная корзина к смерти не приведет, да только в любом случае нерадивого плетельщика ждал бы сокрушительный удар по гордости и самолюбию. Минтел этого в толк взять никак не мог и, похоже, не пытался. У торгашей, как лишний раз мог убедиться Валбур, совесть всегда чиста. Хотя бы в силу того, что она у них напрочь отсутствует, проданная вместе с чужим товаром.

Стоило же ему пересчитать оставшиеся корзины и напомнить Минтелу, что забирал он три дюжины, а десятка уже не хватает, то есть, что неплохо было бы, однако, поделиться барышом, тот расхрабрился, наговорил ему в ответ кучу гадостей, сказал, что, мол, проданы они были за сущую мелочь, от которой до сего дня ничего не осталось, уйдя на текущие расходы, и на полном серьезе предложил возмущенному до последней крайности Валбуру, если он недоволен, забрать все оставшиеся плетёнки с глаз долой – пусть что хочет, то с ними и делает.

У Валбура давно был соблазн самому постоять на рынке да поторговать честь по чести плодами своих трудов, только вот ещё в давнюю пору он удосужился выяснить, что дело это непростое и весьма затратное. Сегодня он имел возможность в том лишний раз убедиться, покинув Минтела и найдя, не без труда, рыночного смотрителя. Тот прохаживался между рядов в сопровождении двух вооруженных охранников. Приближение не менее внушительной фигуры Валбура его явно напугало, но когда он смекнул, о чём разговор, речь его снова приобрела безразличный и надменный характер.

– С некоторых пор здешний постой подорожал, мил человек. Те цены, что ты называешь, давно уж удвоились, в лучшем случае.

– Что? Как это – удвоились? Почему?

– Да кто же их знает! Удвоились и всё тут. Все так платят теперь. Не хочешь – не плати. Охотников предостаточно найдется.

– Это с каких же пор?

Смотритель что-то невнятно кинул ему насчет смены власти в замке и с независимым видом двинулся своей дорогой.

Валбур несолоно хлебавши вернулся к заветному прилавку и застал Минтела продающим одну из его корзин. Старушка осталась покупкой довольна и недоверчиво покосилась на широкоплечего богатыря, без стеснения взявшего продавца за грудки.

– Не продаются, говоришь!

³ Серебряная монета.

– Случайно вот эту продал, – лепетал Минтел, тщетно пытаясь оторвать от ворота железные пальцы. – Один силфур, так и быть, уступлю за неё.

Валбур отпустил его, взял монетку, и потребовал ещё. Положение жалкого попрошайки приводило уважающего себя фолдита⁴ в ярость, однако он рассчитывал на причитавшиеся ему деньги, а выходило, что домой ему снова возвращаться порожняком. Не говоря уж о не купленном мече. Поэтому он вынужден был до конца выслушать отповедь вновь осмелевшего торгаша, который заговорил о том, с чего когда-то начинал свои хитрые переговоры.

– Сам видишь, Валбур, очень слабо твой товар расходуется. Цену, если помнишь, ты устанавливал. Я её само собой придерживаюсь, не падаю и не отступаю.

– Понижай.

– Я понижу, ты уедешь, народ прознает, придет, захочет вдруг купить, тут бы цену и поднять, а я не могу, не пошлю же за тобой за тридцать земель, вот и окажемся мы в убытке.

– Откуда ж убытку взяться?

– А оттуда, что продать можно было выгоднее. Но это я так, мечтаю, знаешь ли. Ничего такого не будет. Вот увидишь. Если ещё ждать вздумаешь. Хотя на твоём месте я бы поступил куда как умнее, продав мне остатки оптом.

– Это по дешёвке что ли?

– Отчего же по дешёвке? Ты сколько корзин насчитал? Двадцать две? Вычтешь ещё одну. Итого двадцать одна. За тридцать силфуров готов забрать. Поди плохо! Договорились, разбежались и спим спокойно.

– Ты спать-то погоди, приятель, – проворчал Валбур, прикидывая в уме выгоду от такой сделки. Выгода была невелика, полмеча за такие деньги не купишь, но это всё ж таки лучше, чем вовсе пустой кошель, не считая одной случайной монеты. – За сороковник давай.

– Э-э, куда хватил! Такие деньги я за них сам ещё вряд ли вырuchu.

Сторговались, одним словом, на тридцати четырех. Валбур оставил без внимания протянутую для рукопожатия влажную руку Минтела и отправился, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого рассадника головных болей, завистливых мыслей и прочих недугов Малого Вайла'туна.

Вскоре выяснилось, что глаза его глядели в сторону ближайшей таверны, куда он никогда прежде не заходил, предпочитая отойти подальше да зато понадежнее – в таверну «У Старого Замка». Но та, как он знал, вот уже некоторое время закрыта по причине скоростного бегства прежних хозяев. Ввоо причине бегства хозяев. же некоторое время хаживал, предпочитая отойти подальше да зато понадежнее – в пошлю о всяком случае, так ему рассказывал приятель Йорл, который частенько вынужден был мотаться сюда с поручениями от аола⁵ Артаима и с которым они не раз сживали там за хлебосольным столом радушной Гверны и её хорошенькой дочки, кажись, Веллы или вроде того. Толком о том, что же произошло «У Старого Замка», ни Йорл, ни кто из их знакомых не знал. По знал. ни кто из их знакомых говаривали, будто у Хейзита, сына Гверны, лучшей стряпухи в округе, были слишком тесные отношения с беглым сыном бывшего властелина замка, Локланом. Отец последнего, Ракли, ещё до зимы оказался схваченным заговорщиками из военных кланов и не то казнен втихаря, не то брошен в темницу. Локлан же, не дожидаясь, когда и его настигнет кара за бездарное правление отца, скрылся в неизвестном направлении, и все поиски до сих пор ничего не дали. Теряясь в догадках, бездельники от нечего делать пустили слух, мол, он подался на тот берег грозной и многоводной Бехемы, хотя даже ребенок знает, что на такое может отважиться разве что полный сумасшедший или настоящий герой, подобный Адану. Но и Адан, переправляясь через Бехему, не избежал её безжалостных бурунов и погиб. Как бы то ни было, Валбуру оставалось

⁴ Крестьянина

⁵ Старейшины деревни

лишь вспоминать обильные посиделки «У Старого Замка» и горевать из-за невозможности окунуться сейчас в знакомую, почти домашнюю, атмосферу.

Попавшаяся ему по пути таверна носила гордое название «Лихой воробей» и привлекала к себе внимание не только красивой резной вывеской при входе, изображавшей этого самого воробья с нагло ватно вздернутым клювом и коротеньким мечом под крылышком, но и задницами двух коней, привязанных здесь же, под ней. Кони уныло тыкались мордами в сугроб, ища недосыгаемую в эту пору траву, и раздраженно фыркали, нисколько не радуясь своим дорогим сбруям и красивым седлам. Сено из стоящей перед ними кадки они давно сжевали.

Покачав головой, Валбур толкнул плечом дверь и вошел в тепло избы.

Посетителей было немного. Правда, и такого обилия столов и лавок, которое он помнил по прежней таверне, здесь не наблюдалось. Три довольно грубо сколоченных стола возле двух окон справа да столько же слева – вот и вся нехитрая обстановка. Зато вместо лавок за каждым стояло по четыре отдельных стула со спинками. Валбур сразу смекнул, что посидеть здесь выйдет, вероятно, подороже, чем «У Старого Замка», однако он уже вошёл и обратил на себя внимание двоих длинноволосых эделей⁶, которых, судя по всему, и ждали привязанные на улице кони. Кроме того, его появление не осталось незамеченным компанией уже успевших выпить и развеселиться молодых особ обоёго пола, занимавших сразу два стола, которые они, пользуясь свободой, сдвинули торцами, и за которыми теперь слышались не столько голоса, сколько выкрики и потуги запеть что-нибудь разухабистое. Кто-то стал даже делать ему знаки, приглашая присоединиться.

Он стащил шубу с шапкой и сел у двери лицом к остальным посетителям, ожидая появления хозяйки.

– У нас для этого гвозди имеются, – сказала подошедшая к нему вскорости девица в почти чистом переднике и с ехидной ухмылкой на довольно красивом, хотя и несколько потасканном лице. – Пьём? Закусываем?

Валбур встал и набросил одежду на указанный гвоздь, торчавший из стены за его спиной. Сверху вниз посмотрел на собеседницу и ухмыльнулся. Рубаха на её груди имела не по-зимнему соблазнительный вырез чуть ли не до пупа, и в нем круглились приятные глазу формы.

– Закусываем.

– Кроку⁷ принести?

– Ну, так и быть, неси, хозяйка.

– Я не хозяйка, – с достоинством заявила девица и удалилась, повиливая не менее привлекательными выпуклостями.

Валбур выпивать не любил. Разве что за компанию с Йорлом, потому что не мог отказать другу, для которого трапеза вдали от дома всегда была неполной, если не пропустить кружку-другую. В туне⁸ же старика Артаима всякое крепкое питие не слишком приветствовалось. Настоящий фолдит должен работать, а не горло полоскать, наставительно говаривал он. На памяти Валбура было два или три случая, когда Артаим прилюдно выпроваживал человека на все четыре стороны только за то, что тот позволял себе выпить и в таком состоянии устраивал кому-нибудь неприятности. Строгость нравов всем шла на пользу. Будучи в Вайла'туне, где некоторым удавалось неплохо жить, не трудясь, Валбур искренне удивлялся, как можно тратить время и деньги на доведения себя до непотребного состояния. В туне он занимался не только плетением корзин, но частенько одалживал свои крепкие руки кузнецу, помогал плотникам, ходил на промысел с охотниками, учил малышей грамоте, а иногда, под настроение, сочинял песни, которые потом сам же пел по какому-нибудь уместному случаю под соб-

⁶ Сокращенно он «эдельбурн» – представители местной знати, потомки благородных родов

⁷ Слабоалкогольный напиток, получаемый путем добавления вина в травяной настой и дальнейшей варки

⁸ В деревне

ственное тренькание на дедовском карадоне⁹. Трудясь с утра и до ночи, он получал столько наслаждения от сознания своей нужности, что никакой крок даже в самой теплой компании не мог бы с этим сравниться.

Но после разговора с хитрым торговцем Валбур был слишком раздосадован, чтобы настаивать на своих принципах. Здесь его никто из знакомых не видел, а потому он охотно уступил предложению разносчицы и теперь ждал, когда ему принесут обещанное.

Тем временем в таверну вошли ещё четверо посетителей. Вероятно, завсегдатаи, мелькнуло в голове у Валбура, поскольку новоприбывшие не задержались в зале, где могли бы занять любой из двух свободных столов на стороне эделей, а напрямик, не раздеваясь, прошли в направлении кухни. Прошли так быстро, что никто не успел обратить на них должного внимания. Молодежь продолжала горланить, подбадривая парочку, которая слиплась в долгом поцелуе. Эдели как раз отвернулись к окну, и один из них указывал в нём на что-то второму.

И всё же Валбур заподозрил неладное. Уж слишком стремительны были их движения и слишком напряжены ссутулившиеся спины. В руке шедшего впереди он краем глаза заметил топор. Вероятно, поэтому раздавшиеся с кухни сдавленные крики не застали его врасплох. Кричала женщина. Не та, которую он ждал с кроком, потому что эта возникла в проходе, и рот ей зажимала широченная ладонь одного из незнакомцев. Он толкал её перед собой в сторону выхода, свирепо вращая глазами и держа перед глубоким вырезом на рубахе короткий нож с широким лезвием. Его дружки по очереди появились следом. Третий перебросил через плечо увесистый мешок. Последний нёс мешок полегче, однако в него вцепилась обеими руками другая женщина, лицо которой было залито слезами и кровоточило из нескольких глубоких ссадин.

Валбуру приходилось слышать о налетах, которым последнее время иногда подвергались жители Большого, а иногда и Малого Вайла'туна, однако он и предположить не мог, что это происходит так просто и буднично. Вошли, заглянули к хозяевам, схватили, что было ценного, и восвояси.

Компания замерла, забыв про целующихся. Эдели привстали на местах, но явно не от желания вмешаться, и застыли, увидев направленные на себя острия двух коротких мечей.

Девица в переднике с ужасом смотрела на Валбура. Сейчас её вытолкнут на улицу, а уж что будет дальше, это никому не известно. И уж точно он не дожждётся своего крока.

Оружия Валбур с собой не носил. Если бы он сегодня на вырученные деньги купил долгожданный меч, то едва ли с ним когда-нибудь расстался, но пока меча не предвиделось, ему оставалось полагаться разве что на силу своих кулаков.

Правда, когда насильник с девицей поравнялись с его столом, кулаками он не воспользовался. И даже не встал. Просто пнул мужика ногой куда-то в область колена, повыше кожного сапога, благо у того была короткая шубейка. Не ожидая нападения, тот охнул и подломился, напорвшись на уже взлетающий снизу кулак. Успел ли он поранить прелести девицы, Валбур не разглядел, потому что второй грабитель проявил сообразительность и бросился вперед, намереваясь покончить с наглым заступником одним ударом меча. Ему помешал падающий мешком товарищ.

Проход между столами был довольно узким, так что противники даже при желании не могли накинуться на Валбура разом. Желания же хватило только у второго и третьего. Но второй был встречен тяжеленным стулом, который в руке Валбура описал дугу под потолком и раскололся о загривок нападавшего, а третий – опрокинут ещё через мгновение уцелевшей от стула ножкой, тычок которой пришелся ему точно под ребра.

⁹ Струнный музыкальный инструмент, напоминающий лютию

Последний выронил мешок и машинально повернулся, чтобы обратиться в бегство, но споткнулся о продолжавшую вопить, теперь уже торжествующе, женщину и был схвачен пришедшими, наконец, в себя от неожиданности эделями.

На всё про всё ушло буквально несколько мгновений, так что Валбур даже не запыхался. Он пододвинул себе соседний уцелевший стул и сел почти в проходе, выжидательно глядя на то, как девица дрожащими руками подбирает с пола некогда угрожавший ей короткий нож и протягивает ему.

– Мой заказ всё ещё не готов? – поинтересовался он, шпыняя мыском ботинка начавшего было подниматься первого из громил. – Теперь уж я точно не уйду, пока не испробую твоего крока, красавица.

В таверне тем временем началось невообразимое. Протрезвевшие посетители во главе с избитой женщиной, оказавшейся настоящей хозяйкой «Лихого воробья», учинили над него-дьями достойную расправу, предварительно разбив им в кровь физиономии и связав по рукам и ногам чем попало, то есть скрученными в жгуты скатертями.

Один из эделей, седобородый, с такой же копной всё ещё вьющихся волос, в бархатном камзоле густого синего цвета, пересеченном от левого плеча к правому бедру широкой золотой перевязью, на которой висели прекрасные изогнутые ножны из черной кожи с торчащей из них инкрустированной рукояткой, подошел к столу Валбура. Большие, слегка навывкате голубые глаза смотрели насмешливо, а морщины, избородившие все лицо незнакомца, придавали его облику вид выразительный и вместе с тем почтенный.

– Вы неплохо потрудились, друг мой, – сказал эдель, без приглашения усаживаясь напротив немало смущенного таким откровенным проявлением фолдита и протягивая ему руку. – Меня зовут Ротрам. А как прикажете величать вас?

– Валбур... *vita*¹⁰ Ротрам. Рад, что вам понравилось.

– Не то слово! – рассмеялся необычный собеседник, с интересом разглядывая не столько нового знакомого, сколько его руку, которую он не спешил выпускать из своей. – Вы именно этим кулаком его уложили?

– Может, и этим, – неуверенно согласился Валбур, забирая руку и кивая разносчице, наконец-то принесшей вполне заслуженный крок. Подняв кружку, он вопросительно поглядел на Ротрама, ожидая, чтобы тот либо выкладывал, зачем пожаловал, либо уходил к себе за стол, откуда за ними с интересом наблюдал его приятель.

– Позвольте полюбопытствовать, – сказал Ротрам и пододвинул к себе трофейный кинжал, оставшийся лежать на столе, поскольку Валбур не решался вот так запросто его себе присвоить даже на правах победителя. – Хорошая работа, – добавил он, проводя по тыльной стороне лезвия пальцем и прищуриваясь. – Помнится, я когда-то торговал подобными. Берите, Валбур. Теперь он ваш по праву.

– Я знаю, – кивнул тот, по-прежнему не прикасаясь к оружию. – Пожалуй, я оставлю его этим женщинам, чтобы в другой раз им было чем защититься.

Ответ фолдита ещё больше заинтересовал Ротрама. Он положил нож на стол и пододвинул к собеседнику.

– Такими вещами не стоит разбрасываться, друг мой. Вы ведь видите, что времена нынче наступают беспокойные.

– У вас тут – может, и не беспокойные. А там, откуда родом я, таких проходимцев исстари не водится. – Валбур кивнул на пленников, которых сейчас под руки выводили из таверны подоспевшие, наконец, виггеры¹¹.

¹⁰ Вежливое обращение к собеседнику мужского пола, подчеркивающее уважительное отношение к его опытности и уму

¹¹ Общее название воинов, обычно тех, которые носят доспехи

Разумеется, говоря так, он кривил душой. Иначе, зачем бы он мечтал о хорошем мече? Нет, дома тоже не все было так просто и радужно, как он хотел внушить навязчивому собеседнику. Шеважа¹² шалили, те же виггеры чем дальше от замка, тем сильнее распоясывались, да и обнищавшие в последнее время соседи представляли собой хоть и небольшую, но реальную опасность – зависть к ближнему ещё никто не отменял.

– В таком случае, – улыбнулся Ротрам, – позвольте поинтересоваться, где же вы тогда научились столь отменно драться?

Его вежливые манеры и обходительный тон не слишком нравились Валбуру. Он подозревал какой-то подвох, однако не мог вот так просто встать и уйти. Тем более что разносчица уже подавала на стол горячее, за которое, как сообщила ему благодарная хозяйка заведения, он ничего не должен. Развалистая картошка и филейная часть барашка под рябиновым соусом вприкуску с притомившимся в рассоле огурчиком наполняли Валбура трепетным предвкушением знакомства. А этот разодетый приставала всё не собирался возвращаться к себе за стол.

– Ешьте, ешьте, дорогой друг! Не обращайтесь на меня внимания. Вы заслуживаете сытного обеда. – Ротрам оглянулся через плечо на своего товарища, который в этот момент как раз отвернулся. – А пока вы едите, послушайте, что мне есть вам сказать. – Он снова завладел ножом и стал говорить, поворачивая его и так и сяк в длинных, холеных пальцах. – Видите ли, мне как раз нужны люди, вроде вас: честные и смелые, а главное – умеющие без раздумий дать отпор любому, невзирая на лица и их число. Мне нужны бойцы. Такие, как вы, Валбур. И я готов им хорошо платить. Обеды, подобные этому, и даже лучше, вы сможете получать у меня и впредь бесплатно. Кроме того, у вас будет постоянное денежное содержание. Всё, что от вас требуется взамен, это упражняться и участвовать в состязаниях. За победы вам будут платить отдельно.

Валбур почти поперхнулся, но успел запить барашка кроком. Он уже понял, кто перед ним.

– Вербуете для «крови героев»?

– А вы быстро соображаете, – хмыкнул Ротрам, машинально стряхивая со стола крошки. – Между прочим, перед вами сидит тот, кто придумал это название. Раньше они назывались...

– ... «бои за дружину». Я слышал.

– У меня нет слов! Вы настоящая находка. Так вы согласны?

– На что?

– Ну как же, – осёкся Ротрам. – Я же вам только что всё описал. Я приглашаю вас стать моим бойцом.

И он выжидательно замолчал, глядя на жующего собеседника.

– Заманчиво, – усмехнулся через некоторое время Валбур. – Меня будут бить, а вы мне за это будете платить?

– Нет, – голос Ротрама стал неожиданно жестким. – Если вас будут бить, такой боец мне не нужен. Тогда вы вернетесь к своим делам в вашем тихом местечке, а я буду думать, что ошибся. Хотя до сих пор я не ошибался. Вы ведь наверняка слышали о последней «крови героев»?

– Она же первая?

– Не совсем. – Нахмурившееся лицо Ротрама снова прояснилось. – Было ещё одно состязание, действительно, первое, но мы тогда решили не давать ему большой огласки. Так что в чем-то вы правы. Хорошо, пусть будет первая. До вашего туна дошли вести о том, что стало с победителем?

– А почему вы решили, что я живу в туне?

¹² Рыжеволосые дикари, населяющие лесное Пограничье

– На местного вы не похожи, – пожал плечами Ротрам. – Те, кто живут в торпах¹³, обычно после рынка не задерживаются, а спешат воротиться домой. Остается то, что я и сказал. Не ошибся?

– И что же стало с победителем? – Валбур не заметил, как доел картошку.

– На полученный выигрыш он купил новый дом. Здесь недалеко, на канале. Поскольку он оказался виггером, его ждало повышение в чине. Теперь он командует полусотней.

– А такие разве есть?

– Теперь много чего есть, – хитро прищурился Ротрам. – Если в следующий раз победит фолдит, он, кроме денег, получит ещё и достойное место в замке. Не интересует?

Валбур почувствовал, что долгие уходить от ответа чревато. Вопрос задавался прямой. Нужно было говорить либо да, либо нет. Либо соглашаться на неожиданное предложение и надеяться, что тебя не обманут, либо распрощаться с давно позабытой мечтой, а заодно и с недостижимым пока мечом, который, если он захочет, мог бы быть похож на тот, что висит у собеседника на перевязи.

– Нет, – сказал он, – не интересует...

– Как знаете, друг мой, как знаете. – Ротрам оперся руками в стол и поднялся. Казалось, он был не слишком удивлен отказом. – Следующие состязания назначены на послезавтра. Будет время, загляните, полюбуйтесь. Ожидается много занятного. Удачи.

Валбур хотел в последний момент что-то добавить, задержать собеседника, расспросить поподробнее, но тот уже раскланялся и с независимым видом вернулся к своему спутнику. Они посидели ещё некоторое время, расплатились и друг за другом вышли из таверны, по очереди кивнув ему, но ничего больше не сказав.

– Вам знакомы те эдели, что сидели вон там и только что ушли? – поинтересовался он у улыбающейся ему теперь по поводу и без повода разносчицы.

– Разве вы не говорили с одним из них?

Она остановилась возле стола, вытирая руки передником. При этом грудь её находилась в непосредственной близости от носа Валбура.

– Говорить-то говорил, да только не слишком понял.

– Меня, кстати, Нидой звать.

– А я Валбур.

– Рада знакомству, Валбур. – Женщина отпустила передник и теперь разглаживала его. – О чем вы бишь спросили?

– Кто будет этот Ротрам? Ты его раньше встречала?

– Видно, что вы из дальних мест к нам пожаловали. Ротрама, почитай, все знают. Торговец он. Богатый. Оружием торгует. Говорят, в замок вхож. А он вам что, работу предлагал?

– А ты почём знаешь?

– Не знаю, догадываюсь. Вы тут такой тарарам устроили, вита Валбур! – Он почувствовал коленом прикосновение её упругого бедра. Теперь запах пережитого страха смешивался в ней с ароматом скрытого желания. – Я слышала, Ротрам сейчас бойцов для состязаний ищет, вот и подумала.

– Экая ты всезнающая! А мне до сих пор казалось, что в Вайла'туне слухи частенько и затеряться могут. Не то, что у нас, в глуши, где все про всех знают.

– Куда там! Да и потом зря мы что ли рядом с рынком стоим? Сюда кто только ни захаживает. – Передник больше не разглаживался, зато под ним обозначился приятно округлый живот. – Так вы согласились?

– На что? А, на работу? Нет, я просто так никогда стараюсь не драться.

– Вы спасли меня.

¹³ На хуторах

– На моем месте так поступил бы всякий.

– Всякие языки поприкусывали и в одно место себе засунули, – поморщилась Нида. – А вы этих вон как отделали!

– И что, частенько такие нападения тут у вас случаются?

– Да что вы! Первый раз жуть такая! Обнаглели в конец. Среди бела дня уже заваливают. Кое-что мы, конечно, слышали, но, как видите, никакой даже охраной не обзавелись. Хотя подумывали. Не хотите, кстати, с моей хозяйкой об этом потолковать? Ах да, вы ведь не любите драться! – Она заговорчески улыбнулась. – А что вы ещё не любите делать?

– Зиму не люблю, – честно признался Валбур и попытался отогнать прочь возникшее где-то глубоко внутри чувство вожделья.

Разносчица Нида ему, конечно, нравилась, но он уж слишком быстро раскис от её близости, чего прежде с ним в присутствии женщины далеко не писаной красоты и не совсем первой молодости не бывало. Видать, подзасиделся он в своем туне, отвык от того, что люди всякие бывают, а особенно отвык от соблазнов, которые дарит отдаленность дома, пусть и пустого. Потому что жил он в своей на совесть построенной избе бобылем вот уже которую зиму и ничего лучшего для себя не искал. Была у него когда-то не жена, а так, добрая знакомая, юная и ласковая, но только давно уже схоронил он её и с тех пор не помышлял ни о чем серьезном – то некогда было, то не из кого выбрать, а теперь как будто и ни к чему – к старости дорожка покатила.

Когда он упомянул про свой возраст Ниде, та недоверчиво на него глянула и хохотнула:

– Это сколько же зим вам намело, вита Валбур?

– Да вот сорок пятую доживаю. А тебе сколько? – поинтересовался он из вежливости, подозревая, что ответ будет уклончивый или изрядно заниженный.

– Скоро тридцать.

– Быть того не может! Я бы тебе не дал.

От силы двадцать девять, усмехнулся он про себя. Когда-то её ровесницы казались ему самому утерявшими привлекательность женщинами, а вот теперь он искренне готов назвать её девушкой и не прочь поддаться её откровенным заигрываниям.

– Нида! – окликнула разносчицу хозяйка. – Удели время и другим гостям.

Пока Валбур отвлекался за разговором, в таверну вошли новые посетители и сели за соседний стол. Нида вздохнула и перешла к ним, продолжая поглядывать на своего спасителя, как бы говоря: «Только не уходи, я сейчас с ними разберусь, и мы продолжим». Когда она скрылась на кухне, он встал, накинул на плечи шубу, прихватил шапку и решительно вышел на улицу.

Если бы не утренняя разборка с обманщиком Минтелом, у Валбура сейчас было бы другое настроение. Такое, что он наверняка бы не стал отказываться от заманчивого во всех отношениях предложения насчет «крови героев», и уж тем более не спешил бы расстаться с приглянувшейся ему девицей, явно готовой свести с ним тесную дружбу. Но все пошло наперекосяк, а раз так, то до самого вечера можно было расслабиться и не переживать – ничего хорошего все равно не получится. Так уж у него на роду было написано. Если с утра не задалось, весь день насмарку.

Правда, кое-чему он сейчас мог порадоваться. К примеру, что вполне сыт, притом, что в кисете на шее силфуров от этого нисколько не поубавилось. Есть на дармовщинку с непривычки оказалось весьма вкусно. А тридцать четыре монеты обладали приятной тяжестью и были всё же лучше, чем ничего. Может быть, передоговориться с другим торговцем? Свет клином на Минтеле не сошелся. Как там мать учила? Не клади яйца в одну корзину? Надо будет эту мысль при случае как следует обдумать. Интересно, а сколько можно получить за бой в «крови героев»? Стоило спросить у этого... как его... Ротрама, полагается ли награда про-

игравшему. Вряд ли, конечно. Тогда бы все, кто победней, только драками бы и занимались. А туда, похоже, не каждого допускают...

Валбур обнаружил, что снова оказался при входе на рыночную площадь.

Утренняя суэта заметно спала, теперь всё и вся двигалось неспешно и важно, если не считать вечно неугомонных мальчишек, снующих под ногами и предлагающих мелкие услуги. Они бегали стайками, редко по одному, приветливо улыбались знакомым и незнакомым и при первом же окрике бросались врассыпную. Мужчины, как правило, не обращали на них никакого внимания, женщины побаивались и поругивали.

– Могу показать вам хорошее место для ночлега, керл¹⁴, – услышал Валбур у себя прямо под рукой.

На него тарачил большущие голубые глаза крохотный мальчуган в драной шубейке и грязном платке вместо шапки. При этом он ковырял в носу розовым от мороза пальцем, удобно торчавшим через прореху в варежке.

– Лучшего места все равно не найдете. Так что, идём?

Приятно, конечно, когда тебя называют «керлом», только с чего он взял, будто ему нужен ночлег? Иногда Валбур, действительно, оставался, конечно, не в Малом, но в Большом Вайла'туне на ночь, если обустройство брал на себя вездесущий Йорл, однако сегодня он намеревался отправиться домой с началом сумерек, когда будет готов другой его приятель, Фирчар, на чьей телеге он сюда, собственно, утром и добрался.

– Ступай, малец. Палец, смотри, не отморозь.

– Не пожалеете. Идемте. Потом будет, что вспомнить?

Вспомнить? Он издевается что ли? Ростом с собаку, а все туда же...

– Тебя как зовут приятель?

Видя, что собеседник не гонит его, а даже интересуется именем, мальчонка поправил съехавший на глаза платок и прищурился.

– Том.

– Вот и послушай, Том, что я тебе скажу...

– Пошли, потом скажете.

– Мне не нужна здесь ночевка, приятель. Я скоро уезжаю.

– А сестру мою зовут Фелла.

– Сестру? – Валбур огляделся. – При чем здесь сестра?

– Она очень красивая и вам наверняка понравится.

Ну, вот теперь наконец стало проясняться, о чем идет речь. Из огня да в полымя. Только что была разносчица Нида, а теперь какая-то Фелла. Что за день такой!

– Ступай, – повторил он твёрже.

Том вздохнул, пожал плечами и уже как будто собрался и в самом деле обратиться восвояси, когда щеки его вспыхнули, большие глаза захлопали ресницами, и он крепко ухватил Валбура за рукав.

– Вон она! Смотрите, сама сюда идет!

Валбур машинально посмотрел в том направлении, куда указывал розовый пальчик и увидел торопливо приближающуюся к ним невысокую, но ладную девушку в короткой шубейке, в обтягивающих стройные ноги меховых штанишках и изрядно обтрепанных, совсем не зимних сапогах, ходить в которых можно было разве что здесь, по притоптанному множеством ног снегу. Она была с непокрытой головой, и длинные пряди роскошных, почти рыжих волос удивительно красиво обрамляли сосредоточенное, если не сказать напряженное, лицо, каких Валбур нигде ещё не встречал, разве что во сне. Твердый подбородок с ямочкой, поджатые от волнения губы, широкие скулы, бледные, отчего только ярче проступал легкий румянец,

¹⁴ Керл – вежливое обращение к зажиточному мужчине вообще, будь то торговец, ремесленник или крестьянин

не то от солнца, не то от быстрой ходьбы, прямой нос с нежными ноздрями, до которых так и хотелось дотронуться, такие же большие и синие, как у Тома глаза, и поразительно изящный разлет темных бровей, придававших всему её облику неуловимую пронзительность.

Не доходя нескольких шагов, девушка остановилась и молча погрозила Тому пальцем. Варежек на ней не было.

– Это так ты покупаешь редьку, лепешки и крок? – поинтересовалась она, по-прежнему обращая внимание только на брата, который продолжал тянуть Валбура за рукав.

– Фелла!

– Идем сейчас же домой! И если выяснится, что ты потерял те деньги, что я тебе дала...

Валбур хотел было вмешаться и хотя бы заговорить, чтобы девушка увидела его, но никак не мог найти подходящих слов. Он просто смотрел на неё, боясь предугадать, что будет дальше.

– Не терял я твоих денег, – решительно заявил Том. – И ещё нашел вот этого керла, которому нужно где-нибудь переночевать.

Фелла как будто только сейчас заметила Валбура и бросила исподлобья быстрый взгляд, словно туча приоткрылась на мгновение и обнажила синее небо.

– Не слушайте его. Он любит приставать к посторонним.

Голос был негромким, но он слышал только его. И свой, запинаящийся и почти чужой:

– Ничего страшного... я в самом деле... я искал... хотел где-нибудь переночевать...

Он заметил глаза Тома, смеющиеся, хитрые, будто спрашивающие: ну, что я говорил?

По небу побежали облака – девушка переводила взгляд с незнакомца на брата и снова на незнакомца, который сейчас почему-то больше смахивал на праздничного медведя на привязи.

Разница между тем, что Валбур поначалу подумал, и тем, что увидел воочию, был столь громадна, что самому себе он сейчас виделся эдаким несуразным жуком, которых заваливается на спину, машет лапками, трещит крылышками и никак не может перевернуться. Самое подходящее время, чтобы его придавить...

– Том, ты забыл, что сегодня вечером у нас гости? – сказала девушка, останавливая строгий взгляд на брате. – И перестань рыться в носу.

– Мои сопли: что хочу, то и делаю.

– Том!

– Фелла!

Она, вероятно, хотела бы схватить брата за руку и увести подальше, однако присутствие постороннего мешало ей это сделать, и потому до сих пор этот странный разговор не заканчивался ничем. Валбур тоже терялся, хотя поначалу точно знал, что просто оттолкнет Тома и пойдет своей дорогой. Сейчас же он безмолвно молился, чтобы мальчишка не отпускал его рукав подольше, а лучше – никогда. Теперь он понимал, зачем поругался утром с Минтелом, зачем забрел сюда, зачем дал отпор налетчикам, не согласился на предложение Ротрама и поспешил расстаться с Нидой – всё ради этой неловкой встречи. И если ему в итоге откажут...

Фелла рассмеялась. Зубы у неё были красивые, белые, правда, один боковой слева чуть кривоват и слегка торчал вперед, но Валбуру он показался долгожданным изъяном, который тем красноречивее подчеркивает совершенство всего остального.

– Вам нужен ночлег? – спросила она, дыша на озябшие пальцы.

– Да, но... – Он уже больше не знал, что именно ему нужно, кроме этих крыл, распахнутых над двумя синими колодцами.

– Мы иногда пускаем на постой, но только на одну ночь и только за деньги.

– Разумеется...

– Сегодня мы принимаем гостей, так что рано спать лечь не придется, – добавила девушка.

– Я понимаю...

– Ну, мое дело предупредить. Решайте сами.

– Я согласен...

Нет, кажется, он сдержался и не закричал от радости. Только заметил, как ручонка мальчугана разжалась, и он снова был свободен идти на все четыре стороны. Но уже не хотел. Лишь бы она не передумала.

– Как тебя зовут, керл? – наконец-то поинтересовался Том, косясь на сестру.

– Валбур.

– Пошли к нам, Валбур! Тебе у нас понравится. А гости – это здорово!

Гости как раз совсем ни к чему, подумал он, лаская взглядом пышные пряди, за цвет которых в другом месте, да хотя бы у него в туне, могли бы и побить. Однако она явно ничего не боялась и спокойно ждала, что он скажет.

– Пойдем. Только мне нужно предупредить приятеля.

Нехорошо получится, если Фирчару придется его ждать весь вечер, а он так и не придет. Ещё будет переживать, как бы с ним чего ни случилось. Знал бы он...

– Где деньги, Том? – Девушка подошла к брату и осторожно взяла его за кончик носа. Даже на зимнем воздухе Валбур почувствовал исходивший от неё дурманящий аромат, какого ему не приходилось ощущать ни с одной женщиной. – Давай сюда, я сама все, что нужно, куплю.

– Отпусти! В носу у меня их точно нет. Пусти, гадкая!

– Если хотите, я сразу могу расплатиться, – спохватился Валбур, вспоминая по заветный кисет.

Фелла остановила его порыв легким взмахом руки. Том стащил с головы платок и высыпал ей в ладонь несколько монет, припрятанный в складках. Она пересчитала их, кивнула Валбур и по-прежнему невозмутимо отправилась прочь.

Неужели никто не видит, кто мимо них идет, поражался он, провожая взглядом её упругую фигурку и подмечая малейшие действия идущих ей навстречу мужчин. Либо они видели её тут каждый день, либо она только ему показалась неземным существом, однако же все просто спешили по своим делам, не обращая на неё никакого внимания.

– Пошли наш дом покажу, – напомнил о себе Том.

– Сколько ей зим? – стараясь скрыть смущение, поинтересовался Валбур, когда они оставили рыночную площадь позади и оказались на узкой дороге, петляющей между изб вдоль канала.

– Я же говорил! – торжествуя припрыгнул Тон и даже оставил на мгновение в покое нос.

– Что ты говорил?

– Что она тебе понравится. Она всем нравится.

Уточнение было излишним. Валбур помрачнел.

– Если не хочешь, можешь не отвечать.

– Вечером ей будет столько, сколько мне и ещё раз мне.

– Не понял... тебе-то сколько?

Том стряхнул с рук обе варежки и гордо показал пальцы, загнув при этом один мизинец.

– Вот сколько!

– Девять, значит? А сестренке твоей, выходит, восемнадцать... Думал, она постарше.

Погоди, а почему вечером?

Том зажмурился от удовольствия и показал на своих сверстников, которые в этот самый момент с криком и воплями скатывались с отвесного противоположного берега на санках.

– Я так тоже умею. Только мои санки сломались. Ну, то есть они сперва сломались, а потом их упёрли.

– Ты не ответил. У неё что, сегодня день рождения?

– Ну ясное дело. Иначе откуда бы у нас тогда были гости?

Валбур остановился.

– Погоди-ка погоди... Ей же нужно подарок тогда какой-нибудь купить. Пошли-ка обратно, поможешь выбрать.

– Помочь-то я завсегда, – ещё больше оживился Том, – только какой ей подарок?

– Разве у вас не принято делать подарки?

– Ещё как принято! Мне вон на прошлый день рождения Фелла вона какие варежки подарила.

– С дыркой?

– Чего? Да нет, дырку я сам нечаянно сделал.

– А что ты ей подаришь?

– Тебя.

Левая бровь у Валбура сама собой полезла на лоб.

– Меня?!

– Не бойтесь, она не откажется.

– Откажется?

Том закатил глаза, всем своим видом показывая, что устал объяснять совершенно очевидные вещи. Между тем его спутник остановился и явно не хотел двигаться дальше, пока не получит развернутого ответа. Пришлось Тому набираться терпения и рассказывать, что именно он имел в виду.

– Фелла любит говорить, что лучший подарок для женщины, это деньги. На них она сама сможет потом купить всё, что ей вздумается. Ну вот, а вы заплатите за ночлег, она пойдет на рынок и выберет себе какую-нибудь очередную ерунду.

– Может, ты догадываешься, что она выберет? Тогда мы с тобой могли бы купить это прямо сейчас.

– А у вас так много силфуров?

– А она у тебя что, хочет купить лошадь?

– Нет, – усмехнулся Том, – лошадь нам не купить, даже если ты до следующей зимы у нас жить будешь. Она одежу всякую покупать любит.

– А сама без шапки и с голыми руками ходит?

– Варежки у неё украли, красивые, теплые, – вздохнул Том, разглядывая свои. – А шапку она мне отдала. Я её потерял. Теперь вот платок её же носить вынужден.

– Похоже, не густо у вас с деньгами, – заметил Валбур, по-отечески кладя мальчугану руку на плечо и подталкивая веред, вернее, назад, в сторону рынка. – Чем она у тебя занимается?

– Мужчин развлекает. Ой, мне больно!

– Извини. – Валбур не заметил, как стиснул худенькое плечо. – Как ты сказал?

– Что я сказал?

– Что она делает...

– Ну, она ведь красавица, если ты, конечно, заметил, – как ни в чем не бывало, ответил карапуз, широко распахивая глаза. – Так что когда она поет или танцует, мужчины охотно её слушают и платят. А ты что подумал? – Он хитро прикусил губу.

– Ничего не подумал, – соврал Валбур. – Иди давай. Развлекает, понимаешь...

Вернувшись на площадь, они прошли по лоткам, где торговали одеждой, и Том бдительно следил за тем, чтобы не столкнуться с сестрой. Валбур на свой вкус купил вязаные варежки и такую же шапку со схожим узором, чтобы смотрелось как одно целое. Сперва он думал выторговать шапку на меху, но тогда бы ему точно не хватило денег. А так ещё больше десяти силфуров осталось.

– Ну, идем, – сказал он, пряча подарки за пазуху.

Тома нигде не было.

Тэвил! Куда мог запропасться этот мальчишка? Только что стоял ведь здесь и канючил, что было бы неплохо заглянуть на обратном пути в лавку кондитера и прикупить сладких палочек, которые Фелла так любит.

– Вы не заметили, куда пошел мальчик, который рядом со мной стоял? – спросил он первым делом лотошницу, которая сторговала ему гостинцы и должна была видеть, что творится у него за спиной.

Она странно посмотрела на него, пожала плечами и уже хотела было что-то ответить, как из многолюдья прямо под ноги Валбуру вынырнула маленькая девочка, ухватила его за ногу чуть повыше колена и, задрав мышинное личико, пискнула:

– Тома быют.

– Где?

Он устремился за ней через людской поток, судорожно прикидывая в голове, что же могло случиться. Стоит ли говорить, что когда недавно ему пришлось расправляться с вооруженными налетчиками, волновался он гораздо меньше.

Девочка-мышонок привела его в дальний угол площади, где начинались безлюдные закоулки. Молча показав в один из них, она боязливо попятилась. Валбур выругался, проверил, все ли на месте за пазухой, и торопливо шагнул в сумрак теснящихся изб.

За углом явственно слышались сердитые крики и яростные вопли.

– Эй, что это вы там затеяли? – как можно громче, но так, чтобы голос не сорвался, сказал Валбур, выходя в проулок и останавливаясь в нескольких шагах от группы из четырех весьма сердитого вида мужиков, судя по одежде, торговцев, которые занимались тем, что перебрасывали друг другу едва держащегося на ногах, но не прекращающего орать Тома. В сторонке стояло ещё несколько пареньков постарше его, только было непонятно, хотят ли они вызволить его, просто любопытствуют или заодно с палачами. – Оставьте его в покое.

Тот, что как раз держал жертву за шиворот, сплюнул сквозь дырку в зубе и разжал пальцы. Том обезсилено повалился на снег под ноги обидчикам. Второй ощутимо пнул его мыском сапога под ребра и тоже повернулся к Валбуру.

Радовало только то, что ни у кого из четверых, похоже, не было оружия. А если и было запрятано где-то под шубой, они не спешили им воспользоваться, прикидывая силы неожиданного заступника и оценивая свои шансы как предпочтительные.

Валбур двинулся на них, медленно, чтобы не опережать события, но решительно. Он был не из тех, кто делает первый шаг, чтобы не сделать второго. При этом, как настоящий фолдит, он успевал заранее подумать о третьем и четвертом.

– За что бьете?

– Ворует, – ответил все тот же, с дыркой, вероятно, главарь.

– А бить зачем?

– Чтобы вернул.

– Что украл?

– А тебе-то что?

– Интересуюсь.

– Ничего я не крал! – вскинул голову Том. – Брешут гады!

За что получил новый пинок в поддых и заскулил.

Валбуру очень четко представилось бледное и испуганное лицо Феллы, когда она увидит разбитую физиономию брата, да ещё в свой день рождения. С таким подарочком лучше в гости не являться вовсе.

Он напрямик направился к тому, кто ударил Тома последним, и без размаха, с опущенных рук, нанес точный правый крюк в хрустнувшую скулу. Мужик повалился навзничь с удивленно открытыми глазами и застрявшим где-то в глотке возмущенным стоном.

Остальные трое среагировали быстрее, чем можно было ожидать. Видимо, драться им тоже было не впервой. Тот, что оказался ближе остальных, махнул кулаком, целясь Валбуру в голову. Пригнувшись и пропустив свистящую тяжесть над самой макушкой, Валбур выгнулся и от живота нанес все той же правой рукой удар раскрытой ладонью, чтобы не повредить кулак, точно в подбородок. К счастью, нападавший не успел ничего крикнуть, потому что иначе откусил бы себе язык. А так просто запрокинулся и ушел головой в соседний сугроб.

Краем глаза Валбур заметил, что у главаря в руке все-таки сверкнуло нечто, напоминающее нож. Присматриваться он не стал, да и времени не было. Третий противник уже наваливался на него сзади с явным намерением сковать руки и подмять под себя. Силы он и, правда, оказался недюжинной, однако осмотрительностью не отличался.

Что можно сделать с человеком, который хватает тебя со спины обеими руками и хочет повалить? Его можно лягнуть в колено каблуком и попробовать стряхнуть пока сам ни потерял равновесия. Равновесие Валбур потерял, но лягнуть успел. Пали они на бок, а потому он исхитрился выставить локоть и в последний момент неплохо придавил им горло противника. Недостаточно для того, чтобы вывести из строя, но вполне достаточно, чтобы тот разжал хват. Нападавший с ножом, обрадованный падением врага, допустил непростительную ошибку, подскочив для добивающего тычка лезвием слишком близко. Судя по всему, он рассчитывал полоснуть Валбура по шее. Не вставая с земли и громко пукнув от напряжения, тот вскинул ему навстречу обе ноги: левой отбил нож в сторону, а правой пнул каблуком прямо в морщинистый лоб.

Когда он поднялся, разгоряченный дракой и готовый, если нужно, продолжить, то увидел, как Том, расхрабрившись и забыв про свои недавние мученья, в ярости топчет того, кто был повержен первым. Наблюдавшая за происходившим ребятня отошла подальше.

– Брось его, слышь, пойдем, – сказал Валбур и ещё раз запустил себе руку за пазуху. – Лежачих не бьют.

– Он про это не знал, – огрызнулся Том и что было сил лягнул между ног того, кто попытался вылезти из сугроба. – На тебе!

– Пошли, говорю.

Том не успокоился, пока не напал на каждого из своих обидчиков, причем метил он точно в самые уязвимые места. Валбур сгреб его в охапку и понёс прочь. Том ухитрился при этом погрозить присмирившим мальчишкам кулаком.

Оказавшись снова среди толпы, Валбур стряхнул Тома на землю, поставил перед собой и присел на корточки. Голубоглазая мордаха была в ссадинах, но не настолько сильных и заметных, как он опасался. Вероятно, основные удары пришлись по телу.

– Воровал? – спросил Валбур, поправляя съехавший на затылок платок.

– Конечно. Два раза. Они только про один знают. Иначе вообще убили бы.

– Тэвил, Том! На кой ляд тебе такая зараза! Что воровать нельзя, об это я тебе рассказывать не буду. Но ты ведь теперь видишь, что за это бывает. О сестре подумал?

– О ней и думал как раз. – Том стёр варежкой кровь из дрожащей ноздри. – Улмар сам её обворовал однажды. Все деньги отобрал. Думает, если он фра'ниман¹⁵, то ему все можно...

– Это который из них? – надулся Валбур, чувствуя, что вляпался в нехорошую историю.

– Последний. У которого ножик был.

– Понятно. И он, конечно, прекрасно знает, где вы с сестрой живете?

– Не, не знает. А то бы давно нагрязнул. Не бойсь, дядя.

– Да я и не боюсь. Просто как же он мог у Феллы деньги, как ты говоришь, отобрать, если не знает, где она живет?

¹⁵ Сборщик податей

– Очень просто. – Они уже снова шли через площадь в сторону канала. – Её пригласили как-то песни попеть к одному эделю, а этот Улмар её там подстерег и, когда она выходила, обчистил до нитки. Заявил, мол, что нужно делиться. А он-то тут при чём? Она же у замка ничего не брала и ничего ему не должна. Ну вот. Так что я просто отомстил.

– Хорошо же ты отомстил. Если бы не я, тебя могли запросто прибить.

– Здорово ты их! Мой батька тоже умел драться. И я буду драться, когда подросту чуток. Ты меня научишь?

– А что с твоим отцом стало?

– Ничего не стало. На заставе погиб. Сгорел, говорят. Ещё зима не началась. Теперь вот мы с Феллой одни кукуем. И я должен её защищать.

– Смотри, как бы тебе её не дозащищаться, – усмехнулся Валбур и потрепал паренька по макушке. – А что за ребята там стояли? Дружки твои или наоборот?

– Наоборот.

– А вообще друзья у тебя есть?

– Конечно. – Том вспомнил про нос и самозабвенно углубился в него пальцем. – Ты.

Валбур не нашелся, что ответить. Скорость, с какой сегодня развивались события, сбивала его с толку. Причем приятности и неприятности сыпались вперемежку, так что было не понять, радоваться происходящему или огорчаться. В любом случае нужно быть начеку. Тут тебе не тун, в котором знаешь каждый закоулок благо их там раз-два да и обчелся. Вайла'тун – дело совсем другое. Вот и сейчас они идут как будто прежней дорогой, а ни одной избы не узнать.

– Где канал-то? – напомнил он. – Мы не заблудились ненароком?

– Неа, правильно идем, не бойсь. Я нас обходным путем веду. Так подольше будет, зато ни сестра, ни кто другой нам не попадетсЯ. А ты тут что, ничегошеньки не знаешь что ли?

– Знаю, – соврал Валбур, на всякий случай оглядываясь. Погони не было. – Ничего не болит?

– Все болит, – признался Том, однако ухмылка на его мордашке не выглядела вымученной. – Тебя б так уделали. Ты вовремя подоспел. Откуда узнал, где я?

– Меня девочка какая-то привела. Её и благодари.

– А, это, наверное, Санка была.

– Санка?

– Ну да. Мелкая такая совсем?

– На мышку похожа.

– Санка. Влюбилась в меня, вот и бегаёт по пятам.

Валбур присвистнул.

– А за что в тебя влюбиться можно?

– Это уж девчонкам виднее, – гордо заявил Том и даже попытался взглянуть на улыбающегося спутника свысока. – Придется Санку в следующий раз поцеловать.

– Эко далеко у вас зашло, однако!

– Не, мала она ещё, – со знанием дела помотал головой Том. – Я на ней разве что зим через так десять женюсь.

– Ну, дело наживное. А у твоей сестры, у Феллы, ну... это... есть кто-нибудь?

– Бывает.

– Бывает? – вздрогнул Валбур, будто ожидал другого ответа. Надеялся, конечно, но рассчитывать на то, что живущая одна девушка в восемнадцать зим обходит стороной мужчин, которые не могут не липнуть к ней, было бы, по меньшей мере, несерьезно. – И часто?

– Да нет. – Том равнодушно махнул рукой. – Она никого не любит.

– Так уж и никого.

– Точно говорю. Ну, разве что меня, наверное. Но так ведь я ей брат как-никак. А так нет, она у меня не из этих, как там бишь... не из хорет.

– Хорен¹⁶, – поправил Валбур и поморщился от слова, которое совсем недавно казалось ему весьма привлекательным.

– Тебе виднее.

– Не дерзи.

– Не держу. Нет, нам не туда.

Валбур в задумчивости прошел мимо очередного поворота. Пришлось возвращаться. Сворачивая за угол, он заметил вывеску, раскачивающуюся над входом – «У Старого замка». Вывеска была пробита стрелой, так в ней и застрявшей. Не узнать её было невозможно.

– Сиживал я тут, – заметил он, заглядывая по пути в темные окна. – Не знаешь, хозяева скоро вернутся?

– А кто ж их знает? Давненько уже нет. Говорят, в Пограничье подались, к дикарям.

– Мало ли чего говорят. С какой стати им к дикарям идти, подумай своей головой. Смерть ищут?

– Лучше вы сами потом Феллу расспросите, если интересно. Она хозяйкину дочку знала. У них даже имена были похожи: Фелла и Велла. Но Фелла нравится мне больше.

– Мне тоже, – согласился Валбур.

Бывая здесь прежде, он никогда не предполагал, что канал находится где-то рядом. Собственно, до канала и в самом деле отсюда было довольно далеко. Но Том шел вперед с таким невозмутимым и уверенным видом, что оспаривать его решения даже как-то не хотелось. Он явно знал, что делает, петляя между избами и сбивая со следа возможных преследователей. Разумеется, если тот, с дыркой в зубе, был настоящим фра'ниманом, ему при желании не составит большого труда навести справки и выяснить, где живет Том и его сестра. Правда, почему-то он до сих пор этого не сделал, ну да, быть может, просто руки не доходили. Как бы то ни было, на месте Тома и его сестры Валбур хотя бы на время скрылся из дома и переждал хотя бы несколько дней, пока ни улягутся страсти. Он сказал об этом вслух, но Том только посмеялся.

– Вы его так уделали, что он ещё долго помнить будет. Не сунется. Вообще-то его надо было бы вообще убить, но и так сойдет, думаю.

– Бить людей не хорошо, а убивать – тем более.

– Так то людей. – Том подобрал что-то с земли и сунул за пазуху. – А разве этот Улмар и его дружки люди? Если бы у меня был лук, я бы их всех перестрелял.

– Что там у тебя?

– Где?

– За пазухой.

– Ничего.

Валбур не стал настаивать на досмотре. Мальчуган имел право на собственные секреты. Да и какое вообще он, Валбур, имеет право вмешиваться в их устоявшуюся жизнь? Придёт, познакомится поближе, подарит гостинцы, переночует, заплатит за постой и отправится своей дорогой.

Наконец, они вышли к каналу, причем, как будто в том же самом месте, что и прежде. Если только одинаковая детвора с санками ни облепила сплошь все берега.

– Далеко ещё?

– А вы чего, устали?

– Темнеет уже.

– На то и зима, чтобы рано темнело, – рассудительно заметил Том.

¹⁶ Женщин легкого поведения

Завтрашний день обещал быть ещё более морозным: солнце скатывалось в розовые перья облаков.

– Как думаешь, сестра уже дома? – поинтересовался Валбур, с каждым шагом все слабее представляя себе, куда идет, а главное – зачем.

– Ясное дело – дома. Может, уже с гостями.

– А что за гости намечаются?

– Да всякие.

– Много?

– Это как сказать. От нас тут через три избы виггер один богатый поселился недавно. Тоже недавно день рождения справлял. Так к нему столько народу съехалось, я думал, в дом не поместятся.

– Уж не тот ли, что в состязании победил? – вспомнил Валбур свой недавний разговор с Ротрамом.

– Не знаю, где он там победил, но шумели они до утра, – ухмыльнулся Том.

– Так у сестры твоей столько же гостей намечается?

– Да нет, человек пять-шесть, я думаю. Не больше. Больше мы не прокормим. А ты любишь в гости ходить?

– Смотря к кому. Слушай, а может, нам еды нужно было прикупить?

– Нет, Фелла обо всем позаботится. Ты уж не думай, что мы прям такие из себя бедные. – Том шмыгнул носом. – Совсем не бедные. При отце, оно, конечно, лучше жилось, но я этого почти не помню. Фелла рассказывала. Он давно на заставу ушел. Я его и видел-то всего пару раз.

– А мать куда делась?

Том пожал плечами, и впервые в его взгляде проскользнула грусть. Валбур, который сам рос почти без родителей, никогда не считал разговоры на эту тему чем-то запретным, однако прекратил расспросы, жалея память малыша.

– Покажешь дом, где поселился тот виггер?

– Мы его только что прошли. А вон впереди – наш.

Валбур все-таки оглянулся. Изба была большая, двухэтажная с красивым коньком на покато́й крыше и высокой печной трубой, из которой сейчас поднимался белый дым. Что ж, командующему полусотней положено...

– Куда вы запропалились? – услышал он знакомый женский голос, вздрогнул и заметил, как Том радостно припустил вперед.

Фелла стояла на крыльце маленькой уютной избушки, какие строили в Вайла'туне давным-давно, когда ещё не были приняты все эти заборы с калитками, отделявшими дома от общей улицы. Это теперь большинство вабонов предпочитали селиться подальше от дороги и разбивали перед домами целые сады. В случае с обиталищем Тома все было наоборот: изба, в которую мог постучать и зайти любой прохожий, сад – позади, куда можно было попасть через второй, внутренний вход, только пройдя через весь дом.

Валбур предполагал, что брат поспешит рассказать сестре о случившейся с ним передряге, однако Том не проронил по этому поводу ни слова и всю вину за опоздание свалил на смущенного спутника, мол, его было за уши не оттащить от рынка.

Пришлось Валбуру в свое оправдание пошарить за пазухой и протянуть девушке обновки. Она сперва не поняла, пропустила гостя в узкие сени, а когда тот снова повернулся к ней, укоризненно посмотрела исподлобья, назвала брата «вымогателем» и хотела было отделаться обычной благодарностью, однако Валбур сам не заметил, как осмелел, и попросил её примерить подарки.

– Теплая, – сказала она, натянув шапочку и продев в варежку правую руку.

– Вам очень идет, – откашлялся фолдит.

– Тебе идет, – подтвердил Том и похлопал сестру по бедру. – Теперь не будешь свой платок назад клянить.

– Что же вы стоите? Проходите в дом, – оживилась Фелла, пряча улыбку. – Гости уже в сборе и ждут только вас.

– Да я... – начал Валбур.

Его бы воля, он прямо с порога откланялся бы и убежал, тем более что ему так и не довелось встретиться с Фирчаром, чтобы предупредить его о вынужденной задержке с отъездом. Все откладывал напоследок, но с этой дракой и поспешным уходом от погони он совсем позабыл о договоренности. Получится неудобно. Хорошо бы Фирчар не стал его ждать. Он сам давеча предупреждал Валбура, что если тот вздумает остаться, он, Фирчар, по любому отправится в обратный путь с первыми признаками захода, то есть, сейчас он, наверное, уже далеко от Стреляных Стен.

Фелла прошла в комнату следом за братом, так и не сняв подаренной шапочки, чтобы увидели остальные гости. Те сидели за накрытым столом, оживленно переговаривались и совершенно не чувствовали себя покинутыми. Так бывает лишь тогда, когда приглашающий не просто собирает у себя под крышей всех тех, кого знает, а тщательно заведомо отбирает тех, кто хорошо знаком друг с другом и кому будет приятно в складывающейся кампании.

Валбур успел оставить верхнюю одежду в сенях и теперь неловко переминался с ноги на ногу, не зная, куда сесть и с чего начать.

– Сюда ещё пускают? – спросили сзади, и в открывшуюся на улицу дверь заглянуло чем-то знакомое Валбуру лицо мужчины с близко посаженными глазами и длинными, красиво расчесанными волосами.

– Биртон! – оглянулась Фелла и протиснулась мимо зазевавшегося Валбура обратно в сени. – Заходи скорее! Не выстужай тепло.

– А я не один, – радостно сообщил Биртон, отступая и подталкивая вперед того, кто до сих пор прятался за дверью: ещё одного мужчину, в котором Валбур к величайшему своему удивлению безошибочно узнал торговца с рынка, запавшего ему в память тем, что предлагал наиболее желанный для него товар – клинки самых разных размеров и мастей. Однажды этот торговец даже наведлся к Валбуру во сне и подарил, да-да, не продал, а именно подарил замечательный кинжал, такой внушительный и красивый, что его можно было принять за настоящий меч. – Мой друг – Кендр. – Представил Биртон. – Твой отчаянный поклонник да и просто отчаянный парень. Прошу любить и жаловать.

Торговец вежливо поклонился Фелле, дружески улыбнулся Валбуру, потрепал по бело-брысым волосам вернувшегося от стола Тома и скромно остановился у двери, ожидая, когда все остальные пройдут в комнату.

– А я вас, похоже, знаю, – сказал Биртон, пожимая протянутую руку Валбура. – Фелла, я и не предполагал, что вы знакомы!

– Это я их познакомил, – уточнил Том, ухватил эделя за палец и потащил за собой с явным намерением посекретничать.

Валбур имел все основания предположить, что сейчас он в лицах пересказывает недавнюю драку. Во всяком случае, к столу они подсели последними: Том загадочно улыбался, а Биртон украдкой поглядывал на фолдита и задумчиво качал головой, будто продолжал сам с собой молча разговаривать.

Фелла суетилась, переставляя с низенькой глиняной печи на стол всякие горячие вкусности. Ей помогала глазастая полная девушка с тугой косой, красиво обвивавшей голову. Как скоро узнал Валбур, девушку звали Эша, и она была здесь вместе со своим мужем, Булло-

ном, богатырского телосложения свером¹⁷, бородатым и спокойным, какими бывают уверенные в себе люди.

Валбур предпочел бы встретить за столом больше подруг хозяйки, однако, кроме Эши и самой Феллы, среди приглашенных была только одна гостья, очень бледная и очень молчаливая особа по имени Дэлсин, пришедшая в сопровождении двух братьев, Смирла и Пента. Обоих девушек такое положение явно радовало, они чувствовали на себе постоянное внимание бодрящихся и подшучивающих по поводу и без повода мужчин, тем более что Дэлсин добровольно отказывалась использовать свои женские чары. Она сидела между братьями, улыбалась в тарелку и односложно отвечала лишь на заданные лично ей вопросы. У неё были длинные черные волосы и странноватый взгляд, придававший её лицу какое-то ускользящее, не совсем здоровое выражение. Если бы не оно, девушку можно было бы назвать красивой, подумал Валбур и переключился на изучение её братьев. Судя по одежде, они тоже были не из простого семейства, как и никто за этим столом, кроме, разумеется, его самого, обыкновенного фолдита, всю дорогу сюда наивно предполагавшего, будто встретит в гостях у такой красавицы, как Фелла, себе подобных.

Поначалу, как водится, все только и говорили, что о хозяйке, нахваливая её стряпню, действительно, весьма вкусную, поздравляя с рождением, вслух завидуя Тому, что у него такая сестра, вспоминая, при каких обстоятельствах с ней познакомились, и вынуждая девушку снова и снова благодарить за подарки.

У фолдитов последнее было не принято. Конечно, вязаная шапочка и варежки не шли в сравнение с дорогой железной посудой, преподнесенной братьями и Дэлсин, или с очень красивым и явно не дешевым браслетом, который прямо через стол протянул ей Кендр, или с яркими цветами в глиняных горшках, чудом возникших среди зимы по воле Буллона и Эши. Однако даже если бы Валбур подарил ей ту меховую шапку, к которой приценивался, он никогда бы не смог набраться наглости и заставить Феллу признать свою щедрость. Здесь же это было в порядке вещей. Разумеется, Фелла обращала благодарности в шутки, все смеялись, подначивая друг друга, Том то и дело толкал Валбура под столом ногой, но ощущение неловкости не проходило.

Постепенно разговор стал распадаться. Буллон заспорил с Кендром о преимуществах оплеток на рукоятках мечей по сравнению с железными «накипями», Эша восторженно слушала оживившуюся Дэлсин, сообщавшую о скорой свадьбе какого-то Кадмона и никому здесь не симпатичной Аноры, а Пент и Смирл на все лады доказывали имениннице, что предстоящий эфен'мот¹⁸ у некоего Гийса – именно то место, куда ей во что бы то ни стало нужно попасть, если она хочет по-настоящему подзаработать.

– Вы не передумали? – поинтересовался Биртон у Валбура и на правах хозяина подлил ему в кружку остывшего крока.

– Насчет чего? – изобразил тот непонимание. Сейчас его куда больше интересовало, что ответит на предложение братьев Фелла.

– Я про «кровь героев». Том мне тут кое-что рассказал. Если соединить его рассказ с тем, что я видел своими глазами, я соглашусь с моим другом Ротрамом: вы теряете время.

– Я в гостях...

– Я не об этом. Вы прекрасно меня понимаете. Видели, в каком доме живет победитель?

¹⁷ Сверы – тяжелая пехота, вооруженная, как правило, арбалетами. Тяжесть возникала за счет почти сплошных металлических доспехов, делавших воина одновременно и неуязвимым для стрел врага, и опасно неповоротливым при рукопашной. Поэтому в лесных сражениях при каждом *свере* находилось по несколько помощников (*филтумов*), вооруженных длинными мечами или копьями. Тактика боя заключалась в том, чтобы предоставить возможность *сверу*, пользуясь прикрытием лат, выпустить как можно больше стрел в противника, прежде чем тот окажется в непосредственной близости. Тогда в дело вступали более подвижные помощники, в зависимости от обстоятельств дававшие *сверу* необходимое время либо для перезарядки арбалета, либо для отстегивания сковывающих движение доспехов, либо для отступления.

¹⁸ Вечеринка, которую по поводу и без устраивают эдели

– Кажется, видел.

– А ведь вы с вашим умением могли бы в честном бою с ним справиться.

– Зачем?

– Чтобы стать лучшим!

– Зачем?

– Деньги, слава, почёт! Не знаю, что Ротрам успел вам рассказать, но мы вместе с ним занимаемся поиском и отбором бойцов, и могу вас заверить, что у этих состязаний большое будущее.

– Рад за вас. – Валбур подхватил вилкой из общего блюда и отправил в рот кубик твердого сыра. Фелла уже что-то ответила, и теперь все смеялись. – Я не дерусь за деньги.

– И никто не дерется, – согласился Биртон. – Деньги – приятное приложение к славе. Мне почему-то кажется, что вы не до конца понимаете, что вам предлагают.

– Может, и не до конца, но достаточно, чтобы отказаться.

– Разумеется, вас никто не неволит. Просто очень жаль. – Биртон передал Тому сладкий крендель, блюдо с которыми Фелла специально отставила подальше от брата. – А позвольте вас спросить, вы надолго в наши края?

– Том пригласил на день рождения, – слукавил Валбур. – Завтра уеду.

– И далеко?

– Домой.

Биртон откровенно допытывается, где я живу, подумал он. Что ж, пусть гадают. Ещё не хватало, чтобы они с этим Ротрамом завалились к нему в гости и опозорили на весь тун. Валбур-боец! Да у нас там что ни фолдит, то руками махать умеет совсем не хуже него. Здесь, видать, не знают, что иногда между тунами устраиваются свои состязания, и те, кто посильней да позадиристей выходят биться на кулаках до первой крови либо до сдачи. Летом, когда трудиться приходится от зари до зари, не до того, а вот зимой часто бывает нечего делать, ну и договариваются аолы, где на сей раз праздник мужицкой удали справить. Чаще всего к ним приходят, благо их тун самым большим считается, да и расположен удачно – на равном удалении от остальных. Раньше он единственным был, где фолдиты за чертой Большого Вайла'туна селились, а теперь тунов подобных ему на пальцах обеих рук не счесть, но что и говорить – первенство по-прежнему за ними. Правда, последний раз, ещё до появления в их краях обнаглевших шеважа, они встречались с туном Тэрла, ловкого карлика, который уже давно сам в драках не участвовал. Так Валбуру пришлось потягаться силами со Струном, его помощником, и этот Струн побил его почти как мальчишку, после чего выяснилось, что они-таки проиграли гостям по сумме всех боев. Конечно, в том не только его вина, многие тогда маху дали, но он то поражение запомнил и теперь мечтал встретиться со Струном повторно, чтобы поквитаться, но тут началась катавасия с дикарями, и стало не до выяснения, кто сильнее. Так что если кому сказать, что его прочат в бойцы да ещё предлагают на этом поднабрать денег и славы, свои засмеют. И будут правы. Помнится, ещё старики насчет давнишних «боев за дружину», на смену которым и пришла нынешняя «кровь героев», говаривали, что не гоже фолдитам там состязаться. Их и так за дураков держат, а если они ещё и своё мастерство в ратном деле перед посторонними обнаружат, ну, тогда пропадай пропадом надежда на вольную житуху. Сейчас, похоже, многое как раз и решается. Замок после недавней смены власти ишь как лихорадит. Того и гляди скоро вразнос пойдем всем миром. Нет, если фолдитам есть что притаить, лучше не высовываться. Поддерживая разговор с Биртоном, Валбур краем глаза поглядывал на Феллу. Она сидела во главе стола, как положено имениннице, но со стороны печи, как положено радушной хозяйки, и то и дело отвлекалась, пока не выставила на стол последнее из заготовленных блюд. Теперь она отдыхала, явно наслаждаясь веселой беседой с Эшей, сидевшей справа от неё, и обоими братьями Дэлсин. На ней была просторная домо-тканая рубаха с вышивкой, чем-то напоминавшей ту, что украшала подаренные им варежки

и шапку. Рубашку на узкой талии перехватывал красивый наборный пояс, вероятно, тоже чей-то подарок. Волосы при свете лучин утерjali подозрительную рыжину и стали просто золотистыми. Она собрала их на макушке в пышный хвост, а над ушами – во множество мелких косичек, как последнее время стало любимым занятием маленьких девочек. Ей подобная прическа очень шла, и Валбур подумал, что уже само пребывание здесь, под этой крышей в этот вечер делает его счастливым человеком. Даже попытки Кендра обратить на себя её внимание не всегда уместными, но зато весьма громкими шутками, не могли испортить ему настроение.

– Песню! – хлопнул в ладоши Буллон. – Мы хотим песню!

Валбур невольно вздрогнул. Обычно в подобных случаях все собравшиеся обращались к нему, подбадривая и подначивая взять дедовский карадон. Откуда они узнали, мелькнула мысль, но он сразу же спохватился, вспомнив слова Тома. Петь предстояло хозяйке.

Фелла для порядка поотнекивалась, поломалась, заставляя отдельные восклицанья постепенно перерасти в общий гул предвкушения, наконец, сделала знак брату, и тот охотно полез за соседнюю занавеску выуживать инструмент. Им оказались небольшого размера линги¹⁹, об игре на которых Валбур тоже имел некоторое представление. Линги считались древнее карадона, и когда-то им даже приписывались сказочные возможности. Во всяком случае, считалось, что в старину песни о героях складывались именно под них. Со временем почему-то их уступили женщинам, а мужским к инструментам теперь относили исключительно карадон и зун'тру²⁰.

Фелла привычным движением положила линги на плотно сжатые колени, посерьезнела и обвела присутствующих вопрошающим взглядом, от которого у Валбура по спине пробежали сладостные мурашки. Линги выглядели совсем не старыми, на крышке были изображены черные извивающиеся стебли терновника, а звук, сопровождавший плавные прикосновения к струнам тонких пальцев, ласкал приятной глубиной и тягучестью.

Валбур с интересом наблюдал за приготовлениями. Обычно в таких случаях женщины брали в обе руки по щипку, костяному или деревянному, чтобы не портить ногти и упрощать себе игру. Фелла щипками явно пренебрегала. Она трогала все шестнадцать струн твердыми подушечками пальцев, привычных к этому непростому упражнению, причем иногда сразу несколько, чего, разумеется, нельзя было проделать щипками, и получала непривычные, но очень приятные переливы, будто в комнате двое, а то и трое лингов, послушных её тайным желаниям.

Кендр не преминул восхититься первыми аккордами, однако его никто не поддержал: друзья Феллы прекрасно знали, чего ожидать, и, затаив дыхание, предвкушали скорое удовольствие.

*В краю лесов, в краю долин
Горит костер листвы осенней,
И крики сов, как зов былин,
Томят простор нестройным пеньем.*

*Душа в груди болит сомненьем...
Прощай мой журавлиный клин!*

Голос у певуньи оказался таким же прекрасным, как и она сама: негромкий, бархатистый, с едва уловимой хрипотцой, гармонизировавшей с глубиной струнных вибраций.

¹⁹ Гусли

²⁰ Подобие волынки

Валбур снова ощутил холодное прикосновение мурашек. Он не знал слов этой песни и был немало поражен их странным сочетанием, совсем не походившим на те простые строки и рифмы, к которым привык с детства. Ему подумалось, что Фелла сама приложила к ним руку. Захотелось спросить об этом кого-нибудь, кто знал наверняка, но он не смел нарушить сосредоточенное внимание слушателей.

*...Я помню день, я помню час,
Когда за клином журавлиным
Взлетел мой дух, и свет угас,
И мрак растекся по долинам.*

*Ночь заструилась шлейфом длинным.
Не стало птиц, не стало нас...*

– Как грустно! – вздохнула Дэлсин. – Но это одна из моих любимых песен. Она мне как будто что-то напоминает, чего никогда не было.

– Или то, что будет, – поддержал сестру Смирл.

– Вы сами её сочинили? – не выдержал Валбур и заглянул в широко открытые глаза под журавлиным разлетом темных бровей.

– Как вы догадались? – улыбнулась Фелла, накрывая все ещё дрожащие струны ладонью. – Вы много песен знаете?

– Случается, я тоже напеваю, – признался он, только сейчас замечая, что они за столом не одни. – Редко... плохо... совсем не так, как вы. Но этой песни я не слышал.

– Может быть, вы тоже нам споете? – обрадовалась Эша.

– Этим я бы выказал неуважение к хозяйке, – в легком ужасе возразил Валбур.

– Отчего же? – Фелла протянула ему линги. – Спойте. Вы выручите меня. Иначе они вынудят меня развлекать их весь вечер в одиночку.

Инструмент был слишком легким для него. Щипки торчали из специальной прорези в боку. Похоже, их никогда прежде не вынимали. Валбур извлек один и осторожно провел по струнам. Линги ответили послушным перезвоном.

– Я играю одной рукой, – словно извиняясь, предупредил Валбур.

Он снова посмотрел на Феллу и увидел на её губах улыбку. Она ждала. Они все ждали.

*Лиадран ты моя Лиадран!
Как же так нас с тобой разлучили?
Кто погиб от полученных ран?
Кони ржали, копытами били...*

Валбур сам не понял, почему запел именно эту песню. К веселому дню рождения она подходила ничуть не лучше, чем та, которую исполнила Фелла. Вероятно, настроение заразно. Правда, он попытался спеть её не как прощальную, а как героическую, на подъеме:

*...Лиадран ты моя Лиадран!
Мы оправимся скоро от ран.
Нам откроются дальние дали,
И утешатся наши печали...*

Кое-что ему, видимо, удалось, потому что слушатели встретили последний долгий аккорд хлопанием в ладоши, улыбками и просьбами продолжать. Валбур подмигнул Тому и затянул, осторожно постукивая в такт по гладкому боку лингов:

*А я, бум-бум, иду, бум-бум
И песенку пою.
О том, бум-бум, как тут, бум-бум
Слагаю жизнь мою.*

*И день, бум-бум, и ночь, бум-бум,
Я не смыкаю глаз.
Удар, бум-бум, второй, бум-бум,
Слагаю я рассказ.*

Сидевшие за столом уже дружно подпевали:

*Топор, бум-бум, и нож, бум-бум
Пускаю смело в ход.
Избу, бум-бум, забор, бум-бум
Слагает мой народ.*

*Направо – бум, налево – бум.
Куда ни брошу взгляд,
Растет, бум-бум, цветет, бум-бум
Слагает стены град...*

– Я тоже её знаю! – воскликнул Том. – И даже знаю, кто её сочинил!
– И кто же? – Пользуясь случаем, Валбур передал линги обратно Фелле.
– Мали-строитель!
– Мали-силач, – поправил Буллон.
– Ну да, а также борец и прочее, и прочее, – подхватил Биртон. – Некоторые до сих пор исповедуют его культ.

– Не вижу в этом ничего странного, – заметила Дэлсин. – Он многое умел и многому научил наших предков. Особенно строителей.

– Думаешь, такой Мали существовал на самом деле? – спросила Фелла, засовывая щипок обратно и поглаживая притихшие струны.

– А почему бы и нет?

– Он был великаном, – ответил за сестру Том. – У него была почти черная кожа. Он никогда не мылся. А волосы у него были как шерсть у барашков – кучерявые.

Дэлсин пожала плечами.

– О героях принято судить по поступкам, а не по внешнему виду.

– Времена героев прошли, – сказала Эша, переглядываясь с Феллой.

– Говорят, какой-то герой объявился перед самой зимой в Пограничье, – напомнил Пент.

– Ты про того, который на глазах у всего туна будто бы один разогнал полчища дикарей? – переспросил брата Смирл.

– Если он такой герой, то почему никто про него ничего не знает? – покачала головой Эша. – Настоящие герои не бегают от славы и не боятся её.

Валбур посмотрел на Биртона. Тот понимающе улыбнулся.

В дверь громко постучали. Явно не рукой, а чем-то твердым.

– Именем замка, откройте! – крикнули с улицы.

Все озадаченно переглянулись.

– Это ещё что? – Буллон встал из-за стола и перешагнул через лавку. Эша ухватила мужа за рукав. – погоди, тут какая-то ошибка. Надо выяснить. Я наших знаю.

Он вышел в сени.

Том, почувствовав неладное, сполз под стол и затаился.

Фелла машинально перебирала струны и тихо что-то напевала, давая понять, что стук в дверь – не более чем досадное недоразумение.

Дэлсин ещё больше побледнела, хотя до сих пор это казалось невозможным. Когда из сеней раздался стук не одной, а нескольких пар кованых сапог, мужчины невольно поднялись.

Первым вошел Буллон. Вид он имел смущенный. Следом за ним по очереди прошли трое виггеров в сверкающих доспехах и выжидательно замерли посреди комнаты. Четвертым был их начальник, затянутый в кожаные латы. На правой стороне груди красовалась вышивка в виде перевернутого лепестка, который означал определенный чин. Какой именно, Валбур понятия не имел. Тем более что сейчас его больше занимала сутулая фигура того самого фра'нимана, которого он недавно имел удовольствие поколотить. Улмар, или как его уж там звали, прятался за спиной начальника и смотрел на присутствующих затравленным зверем. Половину его недовольной физиономии заливал пунцовый синяк. Увидев Валбура, который и не думал скрываться, он указал на него пальцем.

– Вот этот! Он на меня напал.

– Именем замка, ты арестован, – отчеканил начальник и сделал жест своим людям, которые исполнительно шагнули вперед и цепко схватили Валбура за руки.

Он не стал их стряхивать, не стал чинить новых беспорядков²¹, просто стоял и осознавал, что, очень может быть, видит Феллу в последний раз.

– Что все это значит? – первым нашелся Биртон. Остальные эдели совершенно не знали Валбура и потому справедливо сочли за благо промолчать – мало ли что. – По какому праву вы врываетесь в чужой дом и хватаете этого человека?

– Поступила жалоба, – ответил человек в коже. – Нападение на служителя замка. Есть свидетели.

– Они все врут! – послышался отчаянный крик из-под стола, и, опережая волну скатерти, наружу выбрался Том. – Это он на меня напал. А керл Валбур меня защитил. Пустите его!

Улмар состроил ехидную гримасу. И поморщился от боли.

Валбур заметил, как Дэлсин покосилась на братьев, и те подались вперед.

– Я вижу, здесь собрались приличные люди, – остановила их поднятая рука начальника. – Не думаю, что кто-нибудь из вас захочет помешать правосудию. Тем более что если в результате разбирательства выяснится, что ваш друг невиновен, никто насильно его удерживать не станет. – Он оглянулся на Буллона и понимающе кивнул. – Мы просто делаем свое дело.

– Лучше бы вы делали свое дело, когда этот фра'ниман обобрал меня на улице, – вырвалось у Феллы.

– Вот как? В самом деле? Вы обращались с ходатайством в замок по этому поводу?

– Она не обращалась, – прошамкал Улмар. Похоже, удар получился на славу, и теперь у него не хватало некоторых зубов. – Потому что ничего подобного не было. Она хотела избежать положенной оплаты.

Биртон успел схватить за плечи Тома, который чуть было ни набросился на лжеца.

– Он врёт! Врё... – Ладонь эделя закрыла кричащий рот.

²¹ Здесь и далее используется исконная русская орфография, в которой отсутствовала приставка «бес-». «БЕС-овство» появилось относительно недавно, после революции 1917 года, с подачи тов. Луначарского.

– Мы разберёмся, – тихо сказал Биртон, но так, что Валбур тоже его услышал.

Его повели вон из комнаты, в сени. Улмар выскользнул на улицу первым и сразу где-то растворился. Крепкие руки стражей разжались, позволив накинуть верхнюю одежду.

– Я сам, – буркнул Валбур и пошел следом за деловито застегивающим на голове шлем начальником.

Как им не холодно ходить в такую стужу в этих железках, думал он, пока его вели неизвестно куда между погруженными во мрак и сон избами. Говорят, в прежние времена зимы не такими морозными были. Видать, с тех пор у них так и осталось заведено. Хотя, может, этим увальням и застужать-то нечего...

Последние слова Биртона и особенно поступок Феллы вселяли в него некоторую надежду. Хотя по большому счету удивляться не приходилось. День ведь не задался с самого утра. И про возможный приход виггеров он думал весь вечер после того, когда Том рассказал ему, с кем они связались. Фра'ниманы известны своей настойчивостью и обидчивостью. Далеко не все они подлецы, но этот Улмар отнюдь не исключенье. У них в туне ходили разные байки на этот счет. До сих пор ни один фра'ниман к ним воплотить не захаживал, однако после смены власти в замке, когда её захватили богатые торгаши, люди стали поговаривать, что того и гляди и в их края нагрянут за гафолом²². А за что им платить? Фолдиты у замка ничего не занимали, жили своим хозяйством, если что покупали, то на свои кровные, а брать в долг, как то теперь становится принято в Вайла'туне, считалось позорным. Да и было бы у кого брать: вокруг все такие же, как ты сам – в трудах да недоле.

– Куда идём, мужики? – спросил он темноту.

– Скоро увидишь.

– Нехорошо получилось: прям с гостей меня увели. Не по-людски.

– Не наше дело, – отрезал идущий впереди. – Нам велено – мы делаем.

– Хорошо, когда думать не надо, – усмехнулся Валбур.

– Язык-то попридержал бы! В такую ночь и оступиться можно. Потом чего-нибудь не досчитаешься.

– Доходчиво. Молчу.

Если бы такие виггеры наведались к ним в тун, живым бы им оттуда не выйти. Фолдиты только с виду казались покорными и на всё согласными. Просто они понимали, что всегда лучше выждать, чем переть на рожон. Но никаких покушений на свою свободу не прощали. Упреки и наказания принимали исключительно от себе подобных, не уважая мнения пришлых и поставленных выше их не по заслугам, а по произволу. Как эдели наверняка подсмеивались над внешней простоватостью фолдитов, так и те в свою очередь собирали разные шутки и прибаутки о них, купивших себе титул за деньги и кичащихся им больше, чем делами отцов и собственными заслугами. Но до туна сейчас было недостижимо далеко, так что оставалось ждать и надеяться.

Они прошли той же дорогой, какой Валбур попал сюда, миновали таверну «У Старого замка», легко узнаваемую даже ночью своей простреленной вывеской, свернули несколько раз вправо, влево, прошли через неожиданно возникшую между домами брешь вроде площади, и, наконец, остановились перед отдельно стоящей избой, отличной от остальных изб отсутствием изгороди и вытянутой в длину формой. Обычно такими строили подсобные сараи, но их строили из досок, а здесь были тщательно подогнанные толстые бревна, придававшие дому ощущение надежности и прочности.

Каркер²³, понял Валбур, хотя никогда раньше таких изб не видел. О них ему рассказывал Йорл, правда, по его словам, «каркерами» назывались надвратные домики в Стреляной

²² Оброком

²³ Некое подобие тюрьмы

Стене, куда в прежние времена засаживали на некоторое время редких нарушителей порядков или злостных неплательщиков гафола. Теперь для этих целей никаких надвратных домиков не хватало. Приходилось строить специальные места, перед входом в одно из которых он сейчас остановился, спокойно ожидая, что будет дальше.

А дальше его решительно подтолкнули внутрь, и он оказался в длинном, дурно пахнущем коридоре, все пространство которого освещалось всего двумя факелами – в начале и в конце. По обе стороны в коридор выходили обитые железом низкие двери с вырезанными на уровне живота окошками, запертыми снаружи на ржавые задвижки. Несмотря на поздний час, за дверьми кто-то шебаршился, а из-за некоторых доносились довольно громкие разговоры, сопровождавшиеся обиженными возгласами и руганью.

Навстречу гостям из ближайшей к входу комнаты с распахнутой настежь дверью вышел, позевывая, угрюмого вида детина, выпрямился, смерил Валбура оценивающим взглядом и уставился на начальника.

– Заселяй, – сказал тот. – А то ты тут, смотрю, совсем заскучал.

– За что взяли? – без интереса уточнил сторож.

– Драку учинил. Человека обидел.

– Буйный, значит? – Сторож широко зевнул и оскалился. – Таких у меня нынче большинство.

– Пусть поживет пока.

– Как прикажете.

Они пошли по коридору.

Валбур почувствовал опасность. «Поживет пока» должно было, наверное, означать, за какую дверь его сейчас определят: где никого нет, где сидит какой-нибудь замухрышка или в кампанию серьезных мужиков вроде утренних налетчиков. Последнее соседство было бы забавно, но не смешно.

– Стой.

Сторож сперва открыл задвижку, заглянул в окошко, убедился в том, что по ту сторону все спокойно, и только тогда отодвинул массивную щеколду на двери.

– Заходи.

Запахи коридора не шли ни в какое сравнение с теми, что встретили его в этой забытой всеми конуре. Нагнувшись, Валбур с трудом протиснулся в пространство, лишённое света и стен. Луч, следовавший было за ним снаружи, оборвался, когда дверь захлопнулась, и он оказался окончательно отрезанным от внешнего мира. Один ли?

Вытянув вперед руки, двинулся ощупью туда, где ему померещилось пустое место. По пути обо что-то споткнулся.

– Потихе тут, – сказал из тьмы недовольный голос. – Только засыпать начал...

– Прости, братец.

– Мой братец тебе в пасть не влезет, – огрызнулся невидимый собеседник.

За такие слова хотелось немедленно проучить наглеца, однако их, похоже, никто из посторонних не слышал, а значит, ответ за оскорбление остается на совести Валбура. У которого сейчас не было ни малейшего желания поднимать лишний шум.

Нашулав плохо струганные бревна, присел, повернулся к стене спиной и вытянул ноги. Только что радовался в веселой компании новых друзей за праздничным столом, и вот, пожалуйста – сидит на полу среди кромешного мрака и жуткой вони. Нечего сказать, достойный конец насыщенного дня!

Рядом зашевелились.

– Разбудил, тогда рассказывай, – продолжал после паузы голос. Он был хриплый и принадлежал, вероятно, старику.

– Что рассказывать?

– Как там, на воле?

– Ночь.

– Говорят, зима.

– В смысле?.. А, ну да, не без этого. А ты тут давно что ли сидишь?

Голос не ответил. Закашлялся. Валбур почувствовал на колене чужую цепкую руку. Перехватил худую кисть, оторвал от себя.

– Сильный. Ты высидишь, – с некоторой завистью сказал голос. – А мне помирать пора.

Ща посплю и помру.

– Погоди помирать. Кто сам-то будешь?

– Уж и не помню толком.

– Не брешь.

– С мое посидишь, имя свое забудешь.

– И за что тебя?

– А тебя?

– Фра'ниману одному рожу помял.

– Всегда мечтал...

– А чего сделал-то?

– Я-то? – Старик снова замолчал. – Правду сказал.

Валбур уже успел задуматься о своем, когда до него дошел смысл последних слов.

– Вот как! Это что же такая за правда, за которую сюда без срока сажают?

– Да уж какая есть. Вернее, была.

– Не поведаетшь?

– Как-нибудь в другой раз.

– Так ты же помирать, вроде, собирался.

– Я-то? Ну, да... Только знаешь что? Если я тебе скажу, а они узнают, что я тебе сказал, то и тебя уже отсюда никуда не выпустят. Согласен?

Вопрос повис в темноте. Валбур уже был не рад, что поддержал беседу с этим сумасшедшим. Потому что нет такой правды, за которую лишают свободы. Есть правда, за которую лишают жизни. Но не свободы. Может, у дикарей так и принято, да только не здесь. Тэвил! Мысли от такой вони сами путаться начинают.

– Тебя тут что, и до ветра не выводят?

Старик молчал. Вероятно заснул. Валбур отчетливо представил себе, на что должен походить пол, особенно в углах, если кто-нибудь удосужится заглянуть сюда с факелом. Обвел руками вокруг себя, боясь наткнуться на что-нибудь мокрое или скользкое. Обнюхал пальцы. Вроде бы пока не вляпался. Решил сидеть смирно и ничего больше не трогать. Поспать бы, но разве ж теперь заснешь?

Он закрыл глаза, а когда открыл их снова, ему показалось, что в помещении стало светлее. То тут, то там в стенах и двери проглядывали узкие щели. Затеплилась надежда, что через какое-нибудь время привыкнет к мраку и сможет различить какие-нибудь предметы.

Прислушался к голосам. Только мужские. Ну, ещё бы! Женщины не достойны таких почестей. Их можно заставить расплачиваться разными другими, более приятными способами. Подумалось о Фелле. Наверное, уже проводила гостей и ложится спать. Все-таки очень хорошо, что он её встретил. Даже если ему скоро придется погибнуть – жизнь прожита не зря. Даже если на память о нем у неё останутся лишь варежки да шапка. Хоть какая-то польза. Конечно, было бы лучше, если бы он не сплеховал и прикончил этого ублюдка Улмара, но ведь в тот момент он не знал, что к чему, а убивать людей – последнее дело. Хотя некоторых стоило бы. Если такие, как Улмар, захватят власть, простым вабонам мало не покажется. Целыми днями трудишься, не покладая рук, а потом приходит к тебе какой-то гадёныш и заявляет, что ты должен делиться. С кем? Почему? Разве тебе кто-то помогал? И разве тебе кто поможет, когда

дикари будут жечь твой дом? Это раньше вот, когда Вайла'тун не был ещё таким большим, и гафол собирали со всех на нужды войска, чтобы оно защищало от дикарей, позволяя остальным спокойно трудиться, тогда понятно. Ну, так то времечко разве кто сегодня помнит? Деда, бывало, рассказывали, а отцы – уже с их слов...

Судя по тому, что его разбудили, он всё-таки умудрился заснуть. Лежа на боку, приоткрыл один глаз и увидел, да-да, света хватило, что в двери открыто окошко, и за ней в пламени факела шурится угрюмая физиономия сторожа. Пользуясь случаем, резко привстал и огляделся. В бегающих по стенам и полу отсветам различил, что комната совершенно пуста, если не считать лежащего почти точно посередине тела.

– Эй, ткни-ка его, – велел сторож.

Валбур на корточках приблизился к соседу и потряс за плечо. Плечо под пальцами было твердым и костлявым.

– Окочурился что ль? – спросил сторож.

– А ты огоньку поддай, – попросил Валбур и рывком перевернул лежащего на спину.

Это был не старик, а средних лет мужчина, только очень худой, изможденный и обросший. Веки опущены, как у спящего, рот, едва заметный среди зарослей усов и седеющей бороды, приоткрыт. Наклонился к самым губам, прислушался. Не дышит. Оглянулся на дверь.

– Похоже, помер, как обещал.

– Чего обещал? – не понял сторож.

– Да это я так, неважно. Кормить человека надо было.

– Кормить! Больно много вас, жопоротых. Жрать да гадить умеете. – С той стороны лязгнула щеколда. – Отойди-ка назад к стене, да смотри у меня, не озорничай.

Валбур послушно сделал, как велели. В приоткрывшуюся дверь протиснулся тот же мужик, что принимал его накануне. Только не зевал больше. Держа факел над головой, деловито присел возле трупа, потрогал лицо, шею и издал пронзительный свист. Почти сразу же за дверью выросла ещё одна фигура.

– Забираем. Отмучился.

Пока сторожа возились с его бывшим соседом, Валбур успел осмотреться. Как ни странно, пол оказался гораздо чище, чем он предполагал. Только в дальнем углу была навалена невысокая кучка дерьма. Вот и все, что остается после человека, подумал Валбур, удивленный тому, что дерьмо хоть и вонючее, но его уж больно мало для того, кто прожил тут не один день. Он осторожно поднялся на ноги, чтобы не привлекать внимания сторожей и заметил позади кучки отверстие в полу. Все встало на свои места: там было прорублено отхожее место, куда все отходы и сваливались. Поскольку во всех здешних комнатах, очевидно, проделывали одно и то же, под избой скопилось целое зловонное болото и запахи от него поднимались через те же дыры обратно...

– А ну-ка сядь, пока дверь ни закроем! – рявкнул главный из сторожей.

Он продолжал держать факел, а его помощник тем временем выволакивал тело за вытянутые, как в мольбе, руки. После этого он вытер рукавом щеку, будто смахивая несуществующую слезу, зачем-то погрозил Валбуру коротким пальцем и торопливо вышел.

Нахлынувшую тьму, словно молния, прорезала вспышка внезапной мысли: Тэвил, что я тут делаю?! Я же никого не убил, мой проступок нигде и никто не обсуждал, как то должно обычно делаться, вероятно, не только в тунах, где все на виду, но и здесь, где живут такие же люди, меня никто не наказывал – меня просто взяли и сунули сюда, где запросто умирают до срока состарившиеся мужчины, где вонь и голод в порядке вещей, где нет света, где нет ничего, к чему ты привык и что может позволить тебе оставаться человеком. И это не чья-то грубая шутка и не игра. Тут все по-настоящему. Дерьмо – настоящее. Трупы – настоящие. Безмозглые сторожа – настоящие. Как я сюда попал? И куда это – сюда? Разве кто-нибудь знает о существовании таких гостеприимных каркеро́в? Знают про мелочи, но не про это. Как такое

можно было сокрыть? Если только... если только те, кому на роду выпало здесь оказаться, никому ничего не рассказывают. Потому что не могут. Потому что они... здесь остаются.

Валбур подскочил на месте и кинулся к двери. Не рассчитал. Больно ударился локтями и забарабанил кулаками по тихим бревнам.

– Откройте!! Слышите! Откройте сейчас же! Кто вам позволил? Тэвил! Открывайте сейчас же! Меня оболгали! Я не должен тут быть! Эй!! Вы слышите меня?

Его никто не слышал. А если и слышал, то невнятно, как он давеча, когда только очутился здесь и решил по простоте душевной, будто это не надолго. Да если бы он догадывался, как все обернется, он бы ещё по дороге сюда изловчился и свернул шеи тем воякам, которые вместо дела занимаются тем, что прислуживают разным ублюдкам недоношенным. Постеснялся! Думал, они невинны и просто выполняют свой долг. Ага, долг они выполняют! Перед кем может быть такой долг, чтобы невинных людей бросать в темницу и забывать про них? На день? На два? До следующей зимы. Мертвый старик спрашивал, что сейчас на дворе. Но ведь это могло и не означать, что он сидит тут так давно. Если его не кормили, он не видел света, кроме факела сторожа, не спал, мучаясь от постороннего несмолкающего шума, у него мог ум зайти за разум, и тогда уже не важно, сколько времени ты здесь сидишь. Важно – как ты здесь сидишь. Как животное в капкане или растение в земле? Тогда все дни у тебя сольются в один и ты не будешь знать, сколько их прошло. Тебя будет заботить мысль о том, сколько их осталось. Но и этого ты никогда не узнаешь, пока ни придет твой час, как пришел он к его недавнему соседу.

– Откройте!!!

Стало очень страшно. От страха он позабыл всё, потерял память, предал даже Феллу: он не вспоминал о ней, стуча кулаком в дверь и требуя в слезах, чтобы его выпустили.

А потом ему стало всё равно.

И это было ещё страшнее отчаяния.

Потому что живому человеку все равно быть не должно. Ни при каких обстоятельствах. Нельзя позволять, чтобы внешние силы взяли над тобой верх. Особенно те, о которых не догадываешься. Даже смутно.

Он сполз по стене на пол. Закрыв уши ладонями и сильно сжал голову. В ушах зашумело. Сразу вспомнилось, как они с отцом в его детстве первый раз приехали в Вайла'тун, где жила их какая-то дальняя родственница по отцовской линии, и ради интереса добрались до самого берега Бехемы. Они стояли на песке, к ногам подкатывались холодные волны, впереди бурлили торопливые воды, по небу носились птицы с белым оперением, дул сильный ветер, и вокруг стоял точно такой же несмолкаемый гул, от которого нельзя было нигде укрыться. Только сбегать.

То, что с ним сейчас происходило, было несправедливо. Знали ли Биртон и остальные, куда его поведут, когда покорно отпустили вместе с охранниками, не только не оказав сопротивления, но даже намеком не выдав ему, что лучше спасаться бегством, чем глупо покорствовать? Что его ждет теперь? В туне с такими вещами не стали бы затягивать: собрали вече да решили всенародно, что он погорячился, или что он совершенно прав, и виновного наказали бы. А здесь как? Кому мог пожаловаться этот Улмар? В замок? Едва ли он бы успел сбегать туда и вернуться с подмогой. Значит, кому-то ближе, кто тоже имеет право отдавать распоряжения тамошним виггерам. Раньше, кажется, за порядком в Вайла'туне следили конные воины – мерги. Теперь, похоже, их уже не хватает. Сперва пешие ребята пришли за остановленными им налетчиками на таверну, потом – за ним... Коней на всех явно не хватает. Кони в Вайла'туне – удовольствие дорогое. Власть в замке недавно переменялась, однако запрет на их разведение и ограничений на покупку никто не отменял. Вот и на весь их тун всего три лошади в общем пользовании, правда, одна из них кобыла, так что есть надежда на возможный приплод. Пока же ездили по очереди, испрашивая дозволения у Артаима. Последний раз

повезло Фирчару. Где-то он теперь? Думает, небось, что он, Валбур, повстречал какую-нибудь бабёнку, вот и остался без предупреждения. Конечно, он был недалеко от истины, всё могло бы быть именно так, но не сложилось. Тэвил!

Вероятно, от отчаяния он все-таки заснул, потому что когда снова очнулся в вонючей комнате, окруженный непроглядной тьмой, в памяти осталась одинокая телега посреди заснеженного поля, а в ней несколько мужчин сурового вида и красивая длинноволосая женщина. Женщина спала, её тщетно пытались разбудить, а потом выяснилось, что она мертва.

Он не знал, как звали женщину, не знал её спутников, но ему почему-то казалось, что их жизни очень важны для него, нет, не только для него, для всего Вайла'туна. Ему снилось, будто он, сознавая это, бросается им на помощь, продирается через высоченные сугробы, кричит, зовет, однако его никто не слышит и не видит. Телега проезжает мимо, а он смотрим ей в след и удивляется, отчего это они решили ехать по снегу в ней, а не в обычных санях...

– Он тут? – спросил голос за дверью. Получив, вероятно утвердительный ответ, распорядился: – Отворяйте живее!

Валбур приподнял голову и уперся взглядом в приоткрывшееся окошко. Ему даже показалось, что он узнал пламя факела.

Дверь распахнулась.

Валбуру решил, что его специально хотят ослепить – так светло сделалось в его убогой обители. Сперва вошли двое. Потом внутрь шагнул третий.

Если подойдут поближе, я накинусь на них, шурясь, подумал он, и уже напрягся для отчаянного броска, когда факелы потускнели, а лицо, склонившееся над ним, оказалось лицом Биртона.

– Ты в порядке?

– Вам виднее... – Он ухватился за протянутую руку и тяжело встал. – Куда меня теперь поведут?

– Никуда, если не будешь больше делать глупостей, – сказал, выходя из-за спины Биртона второй гость, которым оказался его старый знакомый, торговец оружием и уважаемый эдель Ротрам.

– Глупость я пока сделал только одну, – буркнул Валбур, не находя в себе сил радоваться или огорчаться. Он смотрел на Биртона, который улыбался ему и подмигивал, причем так, чтобы не видел стоявший здесь же и почему-то больше не зевающий сторож.

Они не стали уточнять, что он имеет в виду.

– Произошло недоразумение, – пояснил Биртон. – Тебя приняли не за того и потому схватили. – Он снова подмигнул. – Но Вита Ротрам не бросает в беде своих лучших бойцов. Собраться тебе, похоже, не надо, так что пошли.

– Вот его шмотье, – сказал сторож, протягивая Биртону шубу и шапку Валбура.

А он и не помнил, чтобы снимал их, когда попал сюда. Обратил внимание, что сторож не бросил их на пол, как мог бы, и не отдал ему в руки, а передал через Биртона. Видать, боялся рассердить двух эделей, но при этом не хватило совести обратиться с ним, как с человеком, а не как с бывшим заключенным. Да и с бывшим ли? Сейчас он уже ничему не верил на слово и готов был вздохнуть с облегчением лишь тогда, когда окажется у себя дома, на теплой печи. Потому что только теперь почувствовал, как замерз.

Пока его выводили из барака на улицу, все, не сговариваясь, хранили молчание.

На улице ничего как будто не изменилась. Всё та же зима, всё та же ночь.

– Сюда, – сказал Биртон, тронув Валбура за плечо. – Видишь сани?

Действительно, сани стояли на углу соседней избы и явно ждали их. Когда они по очереди забрались внутрь и расселись на мягких шкурах, возница, ни о чём не спрашивая, молча тронул. Он знал, куда их вести.

– Похоже, наш друг от радости потерял дар речи, – усмехнулся Ротрам. – Ладно, маго²⁴ Валбур, поблагодарите нас в другой раз.

– Отчего же, вита Ротрам? Я вам и Биртону очень даже признателен! Вы представить себе не можете, откуда вы только что меня вытащили. Я думал, мне конец.

– Биртон поведал мне о том, как все произошло, и я не мог не вмешаться. – На сей раз улыбка на лице Ротрама выглядела добродушной и как будто искренней. – Пришлось использовать кое-какие связи, но ради хорошего человека чего ни сделаешь. Тем более что все эти фразиманы у меня ещё с юности в печёнках сидят. Так что мы рады были помочь.

– Сколько я там пробыл?

– Когда тебя увели, я не мешкая отправился за подмогой, – сказал Биртон, поглаживая перчаткой пряди своих длинных волос, выбивающиеся из-под высокой меховой шапки, какие любили носить богатые ремесленники. – Вита Ротрам, сразу согласился посодействовать, мы кое-куда съездили, решили все необходимые вопросы и вот, пожалуйста, ты на свободе.

– Хотите сказать, ещё и дня не прошло? – недоверчиво усомнился Валбур.

– Ещё и утро не наступило.

– Время – штука подлая, – вздохнул Ротрам, заметив на лице собеседника целую гамму чувств – от изумления до гнева. – Но, как говорили умные герои, все хорошо, что хорошо кончается.

Валбур понятия не имел, где они едут. Его била холодная дрожь, и ему казалось, что он забыл надеть шубу. Нет, отцовский тулуп был на месте, шапка тоже. Не на месте была только душа, слишком много пережившая с прошлого вечера и рвущаяся наперегонки с лошадю, причем в другую сторону.

– Куда вы меня везёте? – нашел он, наконец, в себе силы задать вопрос, ответ на который знал заранее.

Биртон посмотрел на Ротрама. Ротрам выдержал необходимую паузу. Когда же он заговорил, голос у него звучал твердо и деловито.

– Если бы вы могли понюхать себя со стороны, то поняли бы, что первым делом вам нужна хорошая баня. Если только вы не намерены использовать запах как оружие.

– Вы имеете в виду «кровь героев»?

– Я имею в виду, что человек, которые умеет драться не хуже, чем слагать песни, должен нравиться и мужчинам, и женщинам, а для этого от него не должно вонять, как от обдриставшейся свиньи.

Наверное, то была веселая шутка, потому что оба спутника расхохотались.

– Эта вонь напоминает мне о человеке, который умер сегодня ночью, – тихо сказал Валбур. – Я не знаю, сколько времени он провел в том каркере и за что его туда уперли, но он даже там не потерял человеческого облика.

– Извини, – хмыкнул Ротрам, а Биртон положил Валбуру руку на плечо, словно давая понять, что никакого запаха не замечает. – Биртон мне сказал, что вы вступились за Феллу.

Это имя вернуло Валбура к жизни. Как он мог забыть о ней! Теперь, когда он опять на свободе благодаря своим новым друзьям, она снова стала для него самой желанной женщиной на свете.

– Не за неё, а за её брата, Тома. Вы их тоже знаете?

– Она иногда бывает у меня. – Слова звучали буднично, однако нельзя было не заметить, что Ротрам произносит их с определенной гордостью, если не сказать тщеславием. – Я знал её отца. Настоящий был виггер. Теперь таких мало. А бедной девочке нужно на что-то жить. Так что при случае я её приглашаю развлечь моих гостей. Вы, кажется, уже слышали, как она

²⁴ Вежливое обращение к более молодому, но достойному уважения собеседнику

поет? Прелесть! А как она танцует! Я с удовольствием плачу ей больше, чем заплатил бы любой другой.

– Она – не любая другая, – почти обиделся Валбур.

– Совершенно, верно. Фелла может далеко пойти, если её поддержать...

Было понятно, что Ротрам завел весь этот разговор для того, чтобы настроить собеседника на нужный лад. Валбур поддался. Он был отчасти даже рад поддаться. Фелла! От ужаса за свою жизнь он позволил себе позабыть о ней. Но сейчас может так случиться, что он снова увидит её, причем, вероятно, скоро. Ротрам добился своего: душа перестала рваться прочь и вернулась в тяжело вздымающуюся под шубой грудь.

– ... если её поддержать, как и вас, – закончил Ротрам.

Валбур хотел было ответить, что не нуждается в поддержке да к счастью вовремя сообразил, как глупо это сейчас прозвучит. Промолчал. Это он-то не нуждается в поддержке? Спал бы сейчас в дерьме без еды и воды, если бы не эти двое. Они, разумеется, преследуют свои цели, но разве их цели противоречат тому, что хочет он? А он больше всего на свете хочет спросить у Феллы, нравятся ли ей его рукавички. Нет, не спросить, а просто увидеть, что она их надевает и носит, и они её греют, её руки, её длинные пальцы...

Биртон похлопал его по плечу. Тем самым давал понять, что он правильно делает, что больше не сопротивляется. Они уломали его. Каркер уломал его. Варежки и Том уломали его. Какая теперь разница! Они не сделали ему ничего плохого, они позаботились о нём, когда он оказался в беде, и теперь он может им отплатить благодарностью.

Он не хотел спать, а, узнав, что, оказывается, протомился в страшных застенках всего часть ночи, расхотел и есть. Молча смотрел на скользящие мимо избы, на темные окна, закрытые ставнями, на редкие факелы, которые, говорят, зажигают здесь только зимой, поскольку в другое время местные жители боятся пожаров, провожал взглядом одиноких прохожих, уступавших дорогу их саням, и всё думал, думал...

– Утром я зайду к Фелле и предупрежу, что все обошлось, – негромко сказал Биртон, обращаясь к Ротраму. – Том переживает. Наш друг произвел на него неизгладимое впечатление.

– Могу себе представить, – откашлялся в кулак торговец. – Редко можно найти бойца, который не машет руками, а превращает каждый удар в последний. Быстрота и точность – вот что важно и что я всегда ищу в героях.

– Уж мне ли не знать.

– Послушайте, – повернулся Ротрам к Валбуру, – я всё хотел вас спросить. Где вы научились так драться?

– Вы уже спрашивали. В таверне.

– В самом деле? И что же вы тогда ответили? Или не ответили?

– Я не ответил, что таким меня родила мать и воспитал отец, вота Ротрам. Хотите верьте, хотите нет, но я никогда не учился этому ремеслу. У нас между тунами бывают иногда шуточные стычки, но это – возможность испытать себя и свой заговор, а не научиться. И уж если быть с вами честным до конца, то меня там изрядно поколачивают.

– Вот как? Наверное, ты тоже не остаешься в долгу? – Ротрам незаметно ткнул Биртона локтем в бок.

– Когда как. Вообще-то я драться не слишком люблю.

– Но тогда мне тем более непонятно, как же у тебя это так лихо получается!

– Просто я вижу, что сейчас последует и довольно редко ошибаюсь. Остается только быть точным в ответных движениях.

– А мне показалось, что тем парням в таверне ты не дал ни малейшей возможности тебя ударить.

– Они просто не успели, – предположил Валбур. – Если бы мы бились один на один, я бы выждал. А тут нужно было спасать Ниду.

– Ты её знаешь?

– Кого? Ниду? Нет, она со мной после познакомилась.

– Скоро женщины вообще не будут давать тебе прохода, – пошутил Ротрам, не заметив, как потемнело лицо собеседника. – А оружием ты каким-нибудь владеешь?

– Думаю, что нет.

– Что значит «думаю, что нет»?

– Ну, из лука я время от времени стреляю, когда на охоту хожу, а вот так, чтобы мечом или там, не знаю, топором рубиться с кем-нибудь, этого мне не доводилось.

– Понятно. Подучим. – Ротрам снова повернулся к Биртону. – Это ж надо, голыми руками обезоружить троих вооруженных молодчиков да ещё им шкуру не попортить! Думаю, окажись на месте нашего друга свер или просто кто из местных удалцов, они бы им первым делом кишки выпустили, а уж потом стали думать, почему так произошло.

– Я до сих пор жалею, что не разделался с тем беззубым фра'ниманом, Улмаром, или как там его...

– И очень хорошо, что не разделался, – встрепнулся Биртон. – Если бы ты ему не синяк на пол-лица поставил, а свернул челюсть или ещё чего хуже натворил, мы бы сейчас с тобой не разговаривали. Фра'ниманов мало кто любит, но трогать их – себе дороже.

– Вот они и обнаглели вконец.

– Бывает. Но на них всегда можно найти управу.

– Всегда? А Том рассказывал, как он однажды обобрал Феллу?

– Том горазд сказки сочинять. – Биртон потянулся вперед и похлопал возницу по круглой спине. – Я эту историю слышал, но даже сама Фелла её не подтвердила.

Сани остановились.

– Я сойду здесь, – сказал Биртон и соскочил в снег. – Теперь, надеюсь, мы будем соседями. До завтра, Ротрам.

– Уже до сегодня.

– Как договорились, подойду к обеду.

Он махнул им на прощанье рукой и скрылся за ближайшей калиткой. Валбур заметил в глубине двора на фоне темно-серого неба несколько почти плоских крыш и одну острую. Судя по всему, за забором скрывалось немалое хозяйство. Вот бы посмотреть, как на самом деле живут эти эдели. Кто знает, может, когда-нибудь и получится. Собственно, рядом с ним по-прежнему сидел один из них и никуда выходить не торопился.

– Куда мы едем? – поинтересовался Валбур.

– А вы, я смотрю, тоже не блещите разнообразием в вопросах, – рассмеялся Ротрам. – Надеюсь, поздняя банька не помешает вам как следует выспаться. Мы едем ко мне. Ну, скажем так, почти ко мне.

Голова совсем не варит, подумал Валбур. Действительно, я ведь уже спрашивал его об этом. Что ж, помыться после каркера совсем не помешает. Интересно разве что узнать, «почти ко мне» – это все-таки к нему или ещё куда-то? В сознании вчерашнего фолдита пока не укладывалось, что человеку может принадлежать не только то место, где он живёт. Однако он уже чувствовал, что меняется. По крайней мере, он перестал упорствовать и сопротивляться происходящим в нём переменам. Теперь он был даже рад тому, что всё так в конце концов обернулось. Быть может, завтра он снова увидится с Феллой.

– Здесь что ли? – оглянулся возница. Сани встали.

Ротрам бросил взгляд по сторонам, вложил в подставленную ладонь несколько обещанных монет и подтолкнул Валбура, мол, вылезай, братец.

Такого дома тот ещё не видел.

Трёхъярусный, огромный, с раскидистой крышей, словно шапкой, великой для головы, с не просто резными наличниками, а причудливо расцвеченными, что бросалось в глаза даже при свете факелов, полыхавших на макушках столбов высокого, выше человеческого роста забора, с витиеватыми колоннами, подпиравшими причудливые выступы на верхнем этаже, на которые, похоже, можно было выйти, чтобы оттуда обозревать в свое удовольствие окрестности, с высокой, обитой железом печной трубой, да не одной, а целыми тремя, если не больше, с двумя пристройками по бокам, двухэтажными, хотя и не столь вычурно расписанными, поскромнее, и с надвратным домиком, из которого сейчас за ними внимательно наблюдал зорко бдящий страж.

Вероятно, именно он привел в действие какой-то механизм, потому что створка ворот подалась наружу сама собой – за ней никого не было.

Валбур хотел было что-то сказать, но только смотрел на Ротрама, а тот сам все понял, привык, должно быть, и лишь кивнул сторожу. Он пропустил гостя вперед, пошел рядом по очищенной от снега дорожке к дому и сразу же прочитал короткое наставление.

– Я живу вон там, наверху. Внизу, почти во весь этаж, зала, где удобно упражняться и где ты с утра и приступишь к занятиям. Баня и все прочие радости жизни – в избе слева. А ночевать будешь вон в той, справа.

– Понятно.

Как ни был Валбур обезкуражен открывшимся перед ним хоромами и предвкушением новых ощущений, от его внимания не ускользнуло, что с этого момента Ротрам перешел с ним на ты. Что ж, давно следовало это ожидать. Так даже проще. Он ведь всего лишь фолдит. А теперь ещё и боец. Грязный, вонючий и усталый.

– Это наша Тиса, – заговорчески понизил голос Ротрам и указал на фигуру, спешащую к ним навстречу из темноты главной избы. Фигура была невысокая, двигалась плавно и стремительно. Когда она остановилась перед мужчинами, на Валбура из-под платка, обвязавшего голову и спадавшего на спину и грудь, посмотрели два любопытных глаза. – Она покажет тебе, где тут у нас что находится, и позаботится, чтобы у тебя было все необходимое. А гостя нашего зовут Валбур. Надеюсь, мы тебя не разбудили? – Он игриво обнял девушку за плечо и добавил: – Не ссорьтесь. А я вас покину до утра. Нужно ещё успеть кое-что сделать да и поспать бы не помешало.

– Это тебя в каркер засадили? – первым делом поинтересовалась Тиса, проводив хозяина долгим взглядом и теперь всецело обратив свое живое внимание на Валбура. – Ой, фу-у... можешь не отвечать! Идем скорее.

Он поспешил следом за ней, чувствуя себя как всегда рядом с женщиной – слишком большим, медленным неуклюжим. Нагнав, спросил о том, что напрашивалось:

– А откуда тебе про каркер известно, красавица?

– А откуда тебе известно, что я красавица?

Она снова зыркнула на него из-под платка, и Валбур ощутил приятный жар в животе и холод в голове. Озорная, однако! Вот уж точно кто-то мудро заметил: из огня да в полымя. Не успел влюбиться, как попал под замок, не успел выйти на волю, вот тебе опять соблазн сладкий! Может, пора уже привыкать? Как там говорил Йорл в подобных случаях? Чем от туна дальше, тем больше фальши? Только теперь Валбуру до конца сделались понятны эти слова: не увлекайся свободой, она не настоящая. Что ж, поживём увидим, подумал он, поглядывая на фигурку в платке. Пока всё выглядит очень даже правдоподобно.

Не успели они войти в баню, как ему пришлось пожалеть о своих скороспелых выводах.

Тиса сбросила в предбаннике платок, встряхнула длинными волосами, черными и блестящими в свете заранее зажженных здесь лучин, проворно распоясала и уронила прямо на пол шубку и осталась, к радостному изумлению Валбура, в одних валенках. От них она тоже изба-

вилась, а когда выпрямилась, черные пряди не столько скрывали её упругое тело, сколько обеща́ли новых наслаждений для жадного взгляда.

– Что уставился, гостюшка? Девчонок голых не видел? Тут у нас баня, сам знаешь, одежда ни к чему. – Она привсталала на цыпочки и потянулась к его шапке. – Так что давай, не томи, раздевайся. Мыть тебя будем.

Личико у неё было совсем детское, но вот лучистые карие глаза смотрели по-взрослому, а тело – подвижное, верткое, почти мальчишеское, если бы не замечательные в своей откровенности отличительные признаки. Сплошные несоответствия и путаница. Одним словом, Валбур окончательно смутился и понял только то, что раздеваться ему сейчас не очень-то с руки: восторг так просто ладонями не скроешь...

Тиса сняла с него только шапку, подняла свою шубу, уложила всё это на соседнюю лавку, почесала задорные ягодицы и босиком, вперевалочку направилась к внутренней двери. Открыв её, она оглянулась, поманила его пальчиком и скрылась в густых облаках душистого пара.

Валбур взял себя в руки и принялся стаскивать одежду. Попытался думать о Фелле. Чтобы отвлечься. В самом деле, эка невидаль! Судя по всему, Ротрам – радушный хозяин, а эта Тиса – опытная чаровница и знает своё дело. Неужели сорок пять прожитых зим не научили его обращению с ей подобными? Конечно, не каждый день выпадает смывать с себя грязь карьера в присутствии, а то и с помощью стройной девушки, не скованной условностями, но что в этом такого? Он вспомнил свою первую возлюбленную, то, как долго они шли к тому, чтобы оказаться в таком положении, как они с Тисой сейчас, сколько было сомнений, сколько предчувствий, сколько, наконец, радости оттого, что все получилось. А теперь? А теперь да, он стал старше, однако нельзя сказать, чтобы у него за это время прибавилось житейского опыта по этой части.

– Ты там заснул что ли?

Она выглянула из-за двери, увидела, что он стоит голый, ссутулившийся, спиной к ней посреди предбанника, и замерла в ожидании. Он повернулся, предусмотрительно прикрывшись ладонями. Тиса закатила глаза и скользнула внутрь.

Пар был таким густым, что о смущении можно было легко забыть.

– Ты где? – позвал он, плотно закрывая за собой дверь.

Холодная рука обожгла ему бедро. Он попытался было обнять девушку, но обнял лишь пустоту: Тиса успела нагнуться или присесть на корточки.

– Чтобы завтра ты мог как следует упражняться, тебе нужна сила, – услышал он её голос откуда-то снизу. – Поэтому сегодня мы с тобой ничего такого делать не будем, губу не раскачивай.

Ничего себе, подумал он. Может, это я её сюда затащил и раздел?

Чужая ладонь наткнулась на то, что, очевидно, искала, и превратилась в сладкую муку. Спустя мгновение, а быть может и вечность, она исчезла, и Валбур услышал через заложенные от прилива крови уши, как шипят где-то неподалеку угли. Вероятно, новые клубы пара разогнали старые, потому на миг он рассмотрел тело девушки, скользнувшее куда-то в сторону.

– Иди сюда, – позвала она. – Ложись.

Он пошел на голос, набрел на широкую лавку, осторожно лег, думая, что Тиса окажется где-то рядом и снова приголубит его. Однако лавка была пуста, и он, если бы захотел, мог привольно раскинуться на ней. Он и хотел, но был не в силах заставить себя расслабиться, а потому просто лег и вытянулся в струну, ожидая сам не зная чего.

– Глаза закрой.

Он повиновался, предчувствуя прикосновение или поцелуй, но вместо этого его с головы до ног окатили настоящим кипятком.

– Убьешь ведь!

– Не ты первый. Терпи.

Намек на то, что всё это совершается вовсе не ради него, а по какой-то давно заведенной традиции, подействовал на Валбура отрезвляюще.

– Предупреждать надо...

– Предупреждаю: будет приятно, – пропел над ухом звонкий голосок.

Ему стали массировать грудь, одновременно натирая холодной, пахучей жидкостью. Смелые маленькие руки проникали всюду и делали своё дело быстро, но тщательно. Несколько раз он едва сдержал стон.

– Ложись на живот.

Он покорно перевернулся, надеясь, что самые напряженные мгновения позади, однако ошибся, потому что позади у него оказалось именно то, куда проворные пальчики Тисы забрались особенно нагло.

– Эй, что ты себе позволяешь!

– Это я не себе, а тебе позволяю, – спокойно отрезала она, и ладони заскользили дальше, по ногам, к пяткам.

– И много тут таких, как я, живет? – спросил Валбур, истекая потом и сдувая с кончика носа капли.

– Да есть кое-кто.

– А таких, как ты?

Она шлепнула его по заду, не игриво, а очень даже больно и обидно.

– Сам обмоешься.

– погоди! Я тут ни шиша не вижу!

– А тебе и не надо ничего видеть. Сейчас придут такие, как я, и...

– Ладно тебе. Уж и пошутить нельзя. – Он машинально снова перевернулся на спину. – Послушай, а зачем ты все это делаешь?

– Я же тебе сказала: чтобы у тебя была сила. Или ты решил, будто мне что-нибудь от тебя нужно?

– Нет, но...

Он осекся, потому что снова ощутил её ладошку, причем на своем самом выдающемся сейчас месте. Ладошка была уверенная и нежная. У него перехватило дыхание. Он выгнулся вверх, к невидимому потолку, блаженно улыбаясь и ища её рукой. Голое бедро было где-то рядом.

– Расслабься.

– Издеваешься?..

– А ты постарайся. Не думай ни о чем.

– Я и не думаю... Я только чувствую...

– Расскажи мне, как ты сюда попал.

Она отвлекала его, продолжая при этом свою нестерпимую ласку и не давая возможности выбора. И он начал рассказывать ей всё, с самого начала, как приехал утром в Вайла'тун, как чуть не прибил от злости Минтела, как потом сговорился с ним, как нашел таверну и стал невольным защитником двух женщин, как встретил Тома, как вступился за него и в итоге закончил день в вонючей заперти. Он избежал описания своего знакомства с Феллой, отчего стало непонятно, каким образом Ротрам узнал, где его искать, но Тиса, похоже, и не слушала. Она каким-то неопишуемым образом умудрялась одной рукой распалать его, другой – успокаивать, ничего не говорила, бедро не отнимала, но и не давала за него себя ухватить.

– Вот и хорошо, что хорошо кончается. А теперь подвинься ещё поглубже и снова закрой глаза.

Валбур напрягся, ожидая новой кипящей волны, однако на сей раз Тиса открыла какую-то хитрую задвижку, что-то скрипнуло, и на него свалился целый сугроб настоящего снега. Который сразу же стал таять, пожирая пар и остужая чувства.

– Ты с ума сошла!

– Спроси Ротрама, кто такую штуку придумал. Не я же в стене дырку прорубала. – Она смеялась, уже почти совсем видимая и доступная.

– Тэвил! Лучше бы я в каркере остался!

Она нагнулась, быстро поцеловала его в щеку, как подруга или сестра, и направилась к выходу из парилки, бросив через плечо:

– Вон там кадка с водой, обмойся.

Оставшись один, Валбур стряхнул с себя ледяные ошметки, протер глаза и увидел, что высоко под потолком в стене над лавкой имеется широкая прорезь, сейчас закрытая доской. Вероятно, если потянуть за рычаг, доска открывается внутрь, и весь собравшийся за эти дни снег высыпается на того, кто лежит на лавке. Хитро! Срабатывает один раз, но и одного раза более чем достаточно, чтобы прочистить и тело, и голову.

Он нашел кадку и окатил себя с головы до ног на удивление прохладной водой. А что, могло бы быть и хуже! Теперь в самую пору вздремнуть и тогда сказать, что жизнь прожита не зря.

Когда он снова вышел в предбанник, Тиса была по-прежнему там: в накинутом на голые плечи платке она сидела на лавке и протягивала ему какие-то серые тряпки из грубой мешковины.

– Что это? – удивился он, рассматривая её грудь.

– Твоя новая одежда. Все остальное ты получишь обратно, когда оно будет выстирано.

Валбур взял приятно пахнущую свежестью стопку, разложил тут же на лавке и обнаружил широкую рубаху и не менее просторные штаны на тесёмке.

– Не на меня сшито, – заметил он, не спеша прикрывать свою вызывающую наготу. Сейчас ему даже нравилось, что Тиса на него смотрит, и тем более – как смотрит. – Вы тут, похоже, великана ждали.

– Великанов мы не ждали. Бери, что дают. Может, тебя дома так обмывают и обшивают, а тут у нас всё просто: дают – бери, не берешь – не надо.

– Ты сама-то давно здесь? – поинтересовался Валбур, послушавшись совета и одевшись. Причем на поверку одежда оказалась не столь уж велика.

– Не очень, – ответила Тиса и теперь набросила шубку прямо поверх платка. Она уже была в валенках. – Идем. Я тебе покажу, где ты будешь спать.

– А ты? – усмехнулся он.

– А это не твоего ума дело, – беззлобно отмахнулась она и вышла на порог.

После горячей бани, кипятка, снега и ушата холодной воды на улице Валбура бросило в жар. О таком приёме мог бы мечтать любой мужчина. А он, дурак, отказывался! Причем первый раз, когда Ротрам подсел к нему в таверне, а второй, когда не поверил Тому, что тот не хочет затащить его в какую-то западню. Не будь Тома, не видать ему ни Феллы, ни Тисы, ни этой славной баньки. Правда, он бы никогда не узнал и про существование глухих каркеров, кроме тех, о которых известно всем. Но этот опыт ему едва ли пригодится...

Они перешли темный двор и вошли в противоположную избу. Дверь была открыта. Внутри их встретила тишина, нарушаемая чьим-то мерным похрапыванием. После банной горячки и уличного морозца здесь Валбура окутало приятное тепло. И темнота, почти такая же густая, как в каркере, правда, уютно нарушаемая отсветами живого пламени из скрытой где-то в глубине помещения печи. Если в заточении мрак казался черным, тут преобладал скорее темно-синий оттенок.

– Ступай за мной, – сказала Тиса.

Откуда ни возьмись в руках девушки оказалась горящая лучина, в мерцающем свете которой Валбур увидел справа от себя ступени лестницы, уводившие куда-то под невидимый отсюда потолок.

– Здесь полно народу? – уточнил он.

– Нет, но кое-кто есть. Так что лучше веди себя тихо, чтобы не разбудить. Скандалы нам не нужны.

Наверное, она улыбается, подумал он, перехватывая левой рукой гладко отполированные перила и следуя за четким контуром девушки, закрывавшим от него лучину. Перила и прочные, ни разу не скрипнувшие ступени выглядели новыми. Неплохо этот Ротрам устроился. Иметь три дома для одного человека в наше время – роскошь и расточительство. Если только, разумеется, ты не получаешь от этого какую-то прибыль. У Ротрама, похоже, с этим было всё в порядке.

– Кстати, утром ты можешь не просыпаться вместе со всеми. Я тебя сама разбужу. Все понимают, что ты устал и должен поднабраться сил.

– Разве ты мне не все их вернула в бане? Может, тебе остаться со мной до утра? – предложил он, не узнавая себя. Таким наглым и прямолинейным с женщинами он ещё не был никогда.

– Может быть. Но уж точно не в этот раз. – В её голосе не чувствовалось ни тени игривости. – Головой не ударься.

Они вошли под низкий косяк и оказались в коридоре, до боли напоминавшем коридор в каркере. С той лишь заметной разницей, что все выходящие в него дверные проемы были открыты. Дверей просто не было. Они тихо шли мимо небольших, можно даже сказать уютных комнат, из которых местами доносились живые звуки: то самое похрапывание, что он слышал снизу, вздохи, шуршание одеял, скрип старого дерева под тяжестью ворочающихся тел.

– Кто здесь? – спросил хриплый голос из темноты.

– Спи, Гаррон. Это я, Тиса.

– Не ко мне в гости?

– Спи, спи.

– Ты мне снишься.

Девушка промолчала и жестом дала понять Валбуру, чтобы он входил в одну из дальних комнат. Там при свете её лучины он обнаружил жесткую деревянную кровать, накрытую просторным одеялом и спящего у противоположной стены соседа.

– Ложись. Одеялом укройся, потому что иначе к утру можешь задубеть.

Она выждала на пороге, пока он разделется и заберется с головой под спасительное тепло. Голова уткнулась в твердый валик. Спасть на досках он был не приучен и вытянулся на спине. Лучина погасла. Он решил прислушиваться, чтобы понять, не юркнет ли Тиса к кому-нибудь из его соседей. Но ни холод, ни твердость кровати, ни любопытство не смогли пересилить накопившую на веки тяжесть. Открыл он их только тогда, когда весь коридор в дверном проеме был уже залит солнечным светом...

Тиса оказалась права. Стоило высунуть из-под одеяла руку, и он почувствовал такой холод, будто в избе распахнуты все двери.

Повернулся на бок и заспанными глазами уставился на соседнюю кровать, пустую и на удивление аккуратно заправленную. Сам Валбур никогда подобными женскими замашками не отличался. Зачем мучиться и убирать, если вечером снова мять придется? Но сейчас он заставил себя встать и проделать то же самое. Не так ровно, конечно, однако никто не скажет, что он не старался.

Укутавшись в шубу, вышел в коридор. Подойдя к лестнице, в изумлении остановился.

Десяток крепких мужиков примерно его возраста, в одних штанах, стояли по всему пространству довольно просторного первого этажа и потели. От их широкоплечих голых торсов и взмокших волос шел пар. Переругиваясь и перешучиваясь они сосредоточенно занимались тем, что тягали кто как здоровенные деревянные брусья, пни и целые бревна. Двое с прибаутками и резкими выдохами перекидывались увесистым молотом на короткой ручке. Несколько раз молот выскальзывал из рук и рушился всей тяжестью на землю. Ещё двое, стоя бок о бок

и взвалив каждый себе на спину по обитому железом колесу от телеги, приседали, ведя громкий счет и фыркая от натуги.

Серьезные ребята, думал Валбур, не спеша спускаясь по лестнице. Уж не с ними ли мне предстоит драться, как того хочет Ротрам? Не слабый народец подобрался. Только уж больно мышцы себе раскочаили – того и гляди лопнут. В драке таким тяжеловато приходится: вес и привычка к напряжению мешает. Бивали, знаем...

На него покосились, но поначалу сделали вид, будто не заметили.

– Пятьдесят восемь...

– Шестьдесят...

– Головой его лови!

– Чтобы как ты, без неё остаться? Нет уж!

– Поберегись!

Валбур машинально пригнулся, и бревно просвистело над самым его ухом. Это очередной силач показывал остальным, как нужно делать мельницу, и не удержал непослушный груз.

– А у нас, кажись, пополнение, – заметил кто-то, имея в виду выпрямляющегося незнакомца.

Все будто только этого и ждали. Побросав тяжести и разминая руки, повернулись навстречу Валбуру.

– Заспался ты, братец, – сказал самый невзрачный и, судя по всему, самый старый из присутствующих. Его лысый череп перехватывала предохраняющая от пота тесьма, как у кузнецов. Седая борода взмокла и сваялась. Кожа на влажном теле была морщинистой и местами уже отвисала.

– Меня только под утро привезли, – пояснил Валбур, протягивая было собеседнику руку, как то было принято среди фолдитов, однако этот жест остался без ответа.

– Ну, спать ты, видимо, умеешь. А что ещё? – сразу решил перейти к делу высоченный детина, один из тех двоих, что тягали молот.

– Погоди, Гаррон, – прервал его старший и обратился к остальным: – Велено гостя нашего не трогать пока. – Это заявление было встречено недовольным гулом. – Делайте, что делали. – Он глянул на палку, воткнутую прямо в земляной пол. К палке приближался вытянутый прямоугольник окна, прорисованный на земле солнцем. – Скоро уже пора заканчивать и жрать идти. Ну-ка напряглись по-взрослому!

Все снова дружно взялись за свои приспособления и лишь с любопытством косились на Валбура. Старик покрыл костистые плечи меховой накидкой и ткнул в грудь собеседника твердым, как деревяшка, пальцем.

– Меня зовут Рэй. Запомнишь?

– Постараюсь.

– Постарайся. Потому что от меня будет зависеть, доживешь ты до «крови героев» или тебя отправят без лишних почестей домой.

– Вот как?

– Именно так. Знаешь, сколько поначалу здесь было таких, как они?

– Ну, судя по количеству комнат наверху, не больше двадцати.

– Двадцать два. Осталось девять. Ты десятый.

– Я рад.

– А уж мы-то как все рады, – хмуро поставил точку в этом странном разговоре Рэй и одной рукой поднял с пола бревно, которое только что чуть не угодило Валбуру в голову. Поднял он его за железную скобу, но легко и уверенно. Даже мышцы как будто не напряглись. Только кожа чуть вздрогнула. – Умывайся и жди нас. Харчи подают в главной избе.

– Там же, где и зала?

– Там же, где и зала. – Рэй недоверчиво покосился на него и двумя руками взгромоздил бревно себе на плечо. С прямой спиной понёс к дальней стене и бросил под окном.

Похоже, старичок от Тисы всю силу, какую мог, получил, усмехнулся про себя Валбур и направился за высокую перегородку, где стояли кадки с ледяной водой. Нашел пустую, черпнул из большой бадьи под широкой крышкой. Умылся. Взгляд упал на скользкий брусок, каким пользовались и у них в туне. Смочил. Натер руки, бока и грудь. Смыл пахнущую козым жиром пену. Недавний сон как рукой сняло.

Кто-то сзади стукнул ладонью по спине.

– Сосед что ли?

Он покосился через плечо и увидел пристроившегося рядом Гаррона, который просто лил на себя холодную воду и явно блаженствовал.

– Похоже на то.

– Имя есть?

– Давеча Валбуром звали.

– Ладно, сгодится.

Он увидел протянутую руку и машинально прихватил повыше запястья. Рукопожатие получилось скользким, но очень даже крепким.

– Не из наших?

– А ваши это кто?

– Мы – речные. – Гаррон опоясал талию длинным и не слишком чистым полотенцем, чтобы не замочить штаны, и так, правда, мокрые от его пота, и выпрямился.

– Рыбаки что ли?

– Почему что ли? Рыбаки и есть. Вон братец мой названный, Дэки. Эй, Дэки, подь-ка сюда!

К ним с равнодушным видом подошел кряжистый, но необыкновенно плечистый юноша зим двадцати с небольшим отроду, который недавно перебрасывался с Гарроном молотом.

– Вот тоже рыбак. Познакомься. По нему и не скажешь.

– Будь здоров, – пробубнил Дэки, в свою очередь пожимая Валбуру руку почти у самого локтя. – Держись подальше от Гаррона. Он к новичкам не равнодушен.

Гаррон расхохотался и съездил приятелю ладонью по уху. Тот добродушно стукнул его кулачищем в грудь и пошел выбирать кадку. Свободных уже не оказалось, он вернулся и стал умываться из кадки Гаррона.

– Так вы братья? – решил уточнить Валбур, видя, что остальные бойцы обращают на него гораздо меньше внимания и только лениво, или устало, переговариваются между собой.

– А кто, по-твоему, названные братья? – Гаррон сдернул со стенного крючка длинную рубаху и, прежде чем облачиться в неё, протер подолом мокрое лицо и бороду.

– У нас в туне так зовут тех, кто не разлей вода.

– А у нас – тех, кто женился с одной и той же бабой.

И он снова зашелся заразительным смехом.

– Кончай, – насупился Дэки.

– Вот и она мне так же говорила, – всхлипнул Гаррон. – Любо-дорого вспомнить.

– Гар!..

– Тэвил! Дай человеку правду рассказать.

– Иди ты со своей правдой!

Однако Дэки отошел сам, унося с собой полупустую кадку.

– До сих пор переживает, – пояснил Гаррон и поправил то место, которое когда-то так сблизило его с «братом». – У тебя вот жена есть?

– Нет.

– Что, и не было?

– Была. Но не жена.

– А, понятно. Ну, таких у нас, у мужиков должна быть не одна. Ты как считаешь?
Валбуру вспомнилась вчерашняя Тиса с её крепкими бедрами и тугой грудью. Захотелось все начать снова, прямо с каркера...

– Ладно. Можешь мне не отвечать, сосед. Я все равно при своем останусь. Ты дрался?

– В смысле? – Валбур тоже уже оделся и не знал, будут ли они ждать Дэки или могут отправляться в трапезную.

– В смысле дрался. Чего тут непонятого? «Кровь героев» – это драка, братец. Очень жестокая драка. По твоей физиономии как-то не видно, чтобы ты получал, что тебе причитается.

– А что мне причитается?

– Ну, мне вот тут два зуба боковых выбили. – Гаррон потрогал челюсть. – Не особо заметно, но кровящи я наглотался. Пару хороших затрещин на лоб принял. У того, кто это сделал, думаю, кулаки до сих пор болят. А ты, я смотрю, стареешь, а не вянешь.

– Это он тебе завидует, – пояснил возвратившийся Дэки.

– Я ещё в жизни своей никогда и никому не завидовал, – наставительно заметил Гаррон, по-братски обхватывая собеседника за плечи и прижимая к себе. – И тебе это должно быть известно лучше всех. Идем. Надо как следует пожрать, как говорит старик Рэй.

– А что, этой Рэй и в самом деле хороший воин? – поинтересовался Валбур, когда они вышли на улицу, вдохнули ледяной воздух и поспешили в тепло центральной избы.

– Опыт показывает, – ответил за друга Дэки, – что Ротрам дерьма всякого не держит. Это ты можешь, наверное, по себе судить. Раз он тебя пригласил, видать, ты чего-нибудь на стоишь. Вот и Рэй не лыком шит. Участвовать в «крови героев» ему, конечно, поздновато, он просто может времени не выдержать, а так, если один на один да ещё с оружием, думаю, он любого из нас как минимум сильно ранит.

– Что значит «не выдержать времени»?

– А ты что, никогда там не был, не видел?

– Не до того как-то было.

– Иногда бой может надолго затянуться, – вмешался Гаррон. – Проигрывает либо тот, кто сдаётся, либо тот, кто упал на землю и не может продолжать поединок. Если Рэй тебя не уложит первыми же ударами, у тебя есть шанс выжить. Потому что он довольно быстро устает, хотя и упражняется не меньше нашего.

– Да, бревнышко у него знатное на плече сидело, – вспомнил Валбур.

– Для него – обычное дело. Не смотри, что он так худ – силушки в нем хоть отбавляй.

– Так он воином был?

– Говорят, свером.

– С чего ты взял? – почти обиделся на приятеля Дэки. – Любишь ты все путать. У тебя пока мысль до головы дойдет, она успеет пять раз поменяться. Зачем ты таким вырос?

– Хорошо, тогда кем он был, по-твоему?

– Фултумом, разумеется. Незаменимым помощником любого свера. Поэтому он так прекрасно орудует и мечом, и палкой, и копьём, и кулаками.

– А вы там и оружием деретесь? – спросил Валбур, чем вызвал снисходительные улыбки на физиономиях спутников. – Что вы на меня так уставились? Я же сказал, что понятия не имею о ваших правилах.

– Это не наши правила, – уточнил Дэки. – Эти правила, насколько я слышал, придумал сам Ротрам, после чего получил на них одобрение из замка. Так что да, если ты не владеешь мечом или копьём, тебе, братец, придется довольно кисло.

Валбуру и в самом деле было гораздо сподручнее доверяться проворству и силе кулаков. О мече он по-прежнему только мечтал, а копьё несколько раз в жизни видел в руках конных мергов.

– Как я понимаю, – добавил Гаррон, легко распахивая перед друзьями массивную дубовую дверь под красивым резным козырьком, – правила пока не окончательные и могут ещё меняться. Так что готовым нужно быть ко всему. Как в жизни.

Два стола были накрыты прямо в уютной горнице, ярко залитой солнечным светом через два распахнутых окна²⁵. Пахло струганным деревом, вареным мясом и хлебом. Столы стояли вдоль противоположных стен, однако лавки были поставлены только с одной стороны каждого таким образом, чтобы сидевшие за одним, смотрели на сидевших за другим. Валбуру это сказало о том, что хозяин заботится об удобстве здесь столующихся – чтобы они не оказывались спиной друг к другу и могли вести общую беседу. Так часто делали в тунах, однако Валбур не предполагал, что по соседству от замка кто-то ещё помнит и чтит эту традицию.

Оказалось, что они не первые. Некоторые вояки, которых он видел перед умыванием, уже сидели на своих местах и тихо переговаривались. На столах стояли глубокие тарелки, пустые кружки, горячие горшки с чем-то приятно пахнущим, на блюдах лежали ржаные калачи, однако, к еде никто не притрагивался. Тоже хороший знак, подумал Валбур. Ждали остальных.

Они сели.

Из-за внутренней двери появилась Тиса и толстопузый паренек с вихрастым чубом. Пока он держал обеими руками тяжелый чан, Тиса черпаком разливала по кружкам какой-то кроваво-красный напиток, который на поверку оказался вкусным, а главное – холодным морсом из клюквы.

– С яблоками, – уточнила Тиса, кивая Валбуру как старому знакомому и услужливо подливая в быстро опустевшую кружку.

Горница неспешно заполнялась подходившими с улицы мужчинами. Валбур с удовольствием отметил, что, в отличие от него самого, они обращают на Тису не больше внимания, чем на мальчика, явно довольного, что его ноша с каждым шагом легчает. Интересно, она всех их тут перемыла в бане, как его накануне?

Последним вошел угрюмый Рэй и сел на самый угол противоположного стола. Что-то спросил у Тисы. Что-то сказал мальчику и потрепал его за подбородок. Мальчик остался весьма доволен.

Есть хотелось, однако никто ни к чему по-прежнему не притрагивался.

– Кого теперь ждем? – тихо спросил Валбур.

– Уже никого, – ответил Гаррон и кивнул на появившегося из-за той же внутренней двери Ротрама.

Ротрам был в короткой малиновой рубахе, обшитой дорогой тесьмой, в широких штанах, выкрашенных в цвет травы, на ногах – кожаные сапоги с острыми носками, на голове – неуместная в доме круглая шапочка, какие обычно сверы поддевают под шлемы.

Его появление было встречено одобрительным гулом и постукиванием кружек.

– Надеюсь, вы уже хорошо размялись, – сказал Ротрам, выходя на середину комнаты между столами и осматриваясь. – И выпались, – добавил он, встретившись взглядом с улыбающимся Валбуrom. – Прежде чем мы отдадим трапезой дань нашим героям, я бы хотел, если вы ещё не знакомы, представить вам всем нашего нового собрата, которого я имел удовольствие заманить к нам вчера поздно ночью, причем прямым из застенков одного очень неприятного дома, куда он умудрился попасть за то, что избил... скольких, Валбур, ты вчера помял фра'ниманов?

Ничего подобного Валбур не ожидал, замялся, неуклюже встал, снова сел, вытер рукавом рот и развел руками:

²⁵ «Распахнутые» – здесь, означает «с распахнутыми ставнями». Конструкция окон в избах вабонов представляла собой ставни с наружной стороны, которые открывались днем и закрывались на ночь. В середине располагалась рама. Внутри к раме крепилась такая же по размеру заглушка из слюды или бычьего пузыря. Летом открывались ставни и заглушка, чтобы можно было видеть улицу и проветривать помещение. Зимой обычно заглушка была закрыта, пропуская только солнечный свет.

– Троиш, кажись.

Ему вторил дружный смех присутствующих. Не насмешливый, но одобрительный.

– А незадолго перед этим я лицезрел, как наш новобранец расправился ещё с тремя серьезными громилами, решившими на глазах у честного народа обчистить целую таверну неподалеку от рыночной площади.

Валбур чувствовал, что краснеет, однако ему было приятно, что Тиса не ушла, а стоит поодаль с черпаком и слушает хозяина.

Ротрам указал на него. Валбур снова приподнялся и хотел было побыстрее сесть, однако Дэки ткнул его кулаком под зад, давая понять, что так просто ему теперь не отделаться.

– Благодарствую, вита Ротрам, – проговорил он первое, что пришло ему на ум. – Надеюсь, ваши слова достаточно всех тут напугали, чтобы мне в первый же день не навалили с три короба.

Напряженные и не совсем приветливые лица присутствующих озарились самодовольными улыбками, а кто-то даже выкрикнул «молодца» и «добро пожаловать».

– Ну а теперь, – продолжал Ротрам уже будничным тоном, – хочу вам напомнить, что с сегодняшнего дня до следующей «крови героев» осталась ровно одна неделя. То есть, девять дней. Завтра, в крайнем случае, послезавтра я буду почти наверняка знать, кто заявится туда и будет нашим противником. Предполагается нашествие фолдитов.

Это его замечание было встречено неодобрительным гулом.

– Кстати, забыл упомянуть, – поднял руку Ротрам, – что наш друг Валбур, который, если уж быть до конца честным, долго отнекивался, отказываясь по одному ему известным причинам принять мое предложение, тоже из фолдитов. Так что теперь мы тут собрались со всех высей, а потому попрошу общего уважения и понимания.

Он обвел собравшихся внимательным взглядом не моргающих глаз. Все глубокомысленно промолчали.

– От нас я намереваюсь выставить четверых бойцов. Кто ими будет на сей раз, решать Рэю. Так что зависит всё от вас самих: крепите силу, упражняйтесь, честно состязайтесь друг с другом, и пусть удача улыбнется достойным.

– Ага, конечно, – прошептал Дэки. – Достойные – это не всегда честные и сильнейшие.

Гаррон цыкнул на него и потянулся к крышке ближайшего горшка, под которой оказались вареные овощи. Валбур увидел, что Ротрам занимает свое место во главе второго стола, рядом с Рэем. Все оживились, подхватили горшки и стали ими обмениваться, застучали вилки, с блюд почти сразу исчезли калачи, Тиса с мальчуганом снова двинулись по кругу, одним словом, завтрак начался.

Сообразив, что одними овощами сыт не будешь, Валбур заглянул в тарелку Дэки и обнаружил, что тот выгружает в неё содержимое такого же горшка, только в нем вместо овощей булькали в ещё не остывшем соусе куски мяса. Гаррон Валбура опередил и завладел горшком следом за Дэки. В итоге новичку, как водится, достались остатки. Но и их хватило для того, чтобы задуматься: а как теперь упражняться на сытый желудок?

Дэки ответил на этот вопрос уклончиво:

– Увидишь.

Гаррон был с набитым ртом и просто промолчал.

Валбур стал с интересом прислушиваться и приглядываться к остальным участникам трапезы. Несколько раз он обменялся многозначительными взглядами с Ротрамом, который приветливо ему кивал, однако не сделал ни малейшей попытки привлечь к разговору. Зато сам то и дело заводил беседы с Рэем и сидевшими по соседству бойцами, один из которых отличался светлыми кудрявыми волосами и почти детским выражением лица, лишь едва заметно тронутого рыжеватой бородой. Второй, напротив, имел бороду широкую, как лопата, отчего был вынужден постоянно стряхивать с неё крошки, причем делал это машинально, даже если

ничего на неё не ронял и не проливал. На вид он был ровесником Валбура и даже казался ему откуда-то знакомым. Рядом с ним, ещё дальше от Ротрама, сидел задумчивый и неспешно отправляющий в рот содержимое тарелки юноша с приятным лицом, почти изящный, если бы не большущие руки и похожие на бутылки могучие предплечья, говорившие о недюжинной силе. Он иногда поднимал спокойный взгляд и смотрел на сидевших за противоположным столом, словно пересчитывал их. Потом снова вспоминал про еду, кивал, если к нему обращался бородатый, и принимался с серьезным видом пережевывать очередной кусок мяса. Когда Тиса предложила ему заново наполнить кружку, он с улыбкой отказался.

– Кто это? – кивнул в его сторону Валбур, когда Гаррон наконец-то прожилвал и готовился снова набить рот.

– Красавчик? – Гаррон сразу понял, о ком идет речь. – Эгимон. Не знаю, как он к нам сюда залетел, потому что место ему среди таких же, как он, расфуфыренных эделей. Лучше Ротрама спроси, где он такого петушка нашел.

– Не слушай его, – поддел Валбура локтем Дэки. – Именно он вышиб нашему Гаррону одним ударом оба зуба. С тех пор он стал «красавчиком» и «фуфой». На самом деле парень здорово дерется, и я тебе искренне не советую оказываться с ним в паре, пока не освоишься у нас.

– В следующий раз я ему не только зубов поубавлю, но и с Квалу²⁶ познакомлю, – едва различимо пробубнил Гаррон и захлопнул рот.

– Запомню. А остальные, что разговаривают сейчас с Ротрамом, кто?

– Белобрысый мальчишка – это Авит. Тоже из наших, из простых. Я с его отцом когда-то рыбачил. Ничего про него плохого сказать не могу. Дерётся неплохо, но Ротрам его пока жалеет, никуда не выставляет, дает обвыкнуться. Окажешься с ним, думаю, лучше не лютуй. Пусть поживет. Кстати, отлично работает палкой. Ну, так, на всякий случай, чтоб ты знал.

– Понятно. А бородатый?

– Приятель Рэя. Взял Авита под свою опеку. Думаю, по просьбе Ротрама, который, как ты уже чувствуешь, совсем не заинтересован в том, чтобы терять бойцов раньше очередной «крови героев». Зовут его...

– ... Логен, – прожилвал очередную порцию мяса Гаррон. – Мужик, что надо. Кстати, вот он точно раньше свером был. Я как-то видел, как он из арбалета стреляет – с ума сойти можно. Наше счастье, что в «крови героев» не предусмотрены перестрелки. Тогда я бы первым из этого чудо-воинства вышел. С ним бесполезно соревноваться в точности.

– А уйти отсюда легко? – ухватился за тему Валбур.

– Если деньги водятся, то легко, – опередил приятеля Дэки. – А поскольку здесь многие именно за ними пришли, то не очень.

– В каком смысле?

– Да в прямом. Пока ты тут, Ротрам на тебя каждый день тратится. Если дерешься за него, как его боец, долгов у тебя перед ним никаких больше нет. А вот если решишь уйти, тут тебе все хорошее припомнят и придется за съеденный хлеб заплатить.

Валбур чуть не подавился, сделал большой глоток из кружки и уточнил:

– Кому, Ротраму?

– Кому же ещё! Он тебе и еду посчитает, и ночлег, и труды Рэя, который из тебя человека делает. Сумма может немалая набежать. Но если тебе терять особо нечего, как нам вот с Гарроном, то ничего ужасного в этом нет: живи в свое удовольствие да дерись от души, когда твоя очередь подойдет.

– Ты забыл про второй способ уйти отсюда, – заметил Гаррон, подкладывая себе овощей.

²⁶ Повелительница насильственной смерти. В домах воинов её можно было встретить в виде глиняной куклы, которой хозяева подносили требы – жертвы с просьбами о заступничестве. Олицетворением Квалу на земле считалась сова.

– Ну да, – кивнул Дэки. – Для этого тебе нужно проиграть. Проигравших Ротрам не больно жалуется. Особенно если тебе так круто досталось, что ты в ближайшее время не сможешь продолжать упражняться и принимать участие в состязаниях. Гаррону с его зубами, можно считать, повезло.

Гаррон расплылся в улыбке. С виду все его зубы были на месте, ровные и хищно-белые.

– И что, были уже такие случаи? – Валбур подумал-подумал и последовал примеру Гаррона: грех отказывать себе в еде, если она вкусная и её в избытке. – Насколько я понял по давешнему разговору с самим Ротрамом, «кровь героев» пока была только одна.

– Это так. Но её всем вполне хватило, чтобы разобраться, что к чему. – Дэки понизил голос. – Во всяком случае, мне. Из тех, кого ты здесь видишь, не все в ней участвовали. Кстати, один из наших её тогда выиграл.

– Я слышал, он купил на полученные деньги дом на канале и поднялся по службе.

– Да, он был виггером. Ротрам обещал ему повышение в случае победы и сдержал слово. Его звали Торни. Очень хороший удар с обеих рук и прекрасное владение любым оружием. Настоящий боец. Его победе никто из нас не удивился. Люди с улицы ставили на его противника, думали, ему с Хитом не совладать. По одежке, знаешь ли, встречали. А внешне Торни был совсем не таким мощным, как Хит. Поэтому в итоге его победа принесла много денег. Насколько я знаю, он первым делом расплатился с Ротрамом и, как тот его ни уговаривал, бросил это занятие.

– И правильно сделал, – сказал Гаррон. – На его месте я бы поступил именно так. Только идиоты дерутся ради драки. Ты лучше про второго вспомни.

– Ну да, – продолжал Дэки. – В тех же состязаниях ещё одному из наших хорошо досталось. Глаз выбили, руку сломали, бедро распороли. Так от него Ротрам тихо избавился. Денег, разумеется, с него не взял, но отослал домой без права на возвращение. Вот и получается, что одному все, а другому – ничего.

– Как в жизни, – заключил Гаррон.

– Мне кажется, имя Хит я уже где-то слышал... – задумался Валбур.

– Наверняка, он из ваших, из фолдитов. Силой не обиженный. Торни с ним непросто пришлось. Если бы не перехитрил, Хит бы его точно уделал. Но Хита никто бою не учил, судя по всему. Сам пришел, сам себя заявил, сам стал всех колотить. Таким трудно. Рэй с Торни успел хорошо поработать. Так что, мой тебе совет: на себя не очень надейся, лучше Рэя в оба уха слушай. Ему на тебя наплевать, так что если что присоветует, то от чистого сердца.

– Понятно. А что с Хитом после того боя стало? Торни убил его?

– До смертоубийства дело пока не доходило. – Дэки вздохнул. – Торни тогда его пожалел. Обезобразил до неузнаваемости, и то лишь потому, что Хит с ним не честно дрался. Нос, кажись, сломал. Под конец оба в кровище были. Только Торни двумя синяками отделался. Так что всё из Хита вытекло. Теперь никто не знает, где он. Видать, домой подался, раны зализывать.

– То есть, – продолжал задавать интересующие его вопросы Валбур, – в «крови героев» участвуете вы, в смысле, мы и разные пришлые бойцы?

– На первой так и было, – взял слово Гаррон. – Через неделю своих бойцов выставит жирный Скирлох. Слышал о таком?

– Не приходилось.

– Самый богатый из торговцев. Больше половины лавок на рыночной площади принадлежат ему. Видать, тоже деньги девать некуда. Людей у него примерно столько же, сколько у нас, но он к себе берет только уже обученных, виггеров всех мастей.

– Ротрам наш по этому поводу переживает, – добавил Дэки. – Ему в свое время замком было поручено возродить «кровь героев», ну, в смысле, то, что прежде было «боями за дружину», а теперь выясняется, что на его детище посторонние покушаются.

– Ага, – хмыкнул Гаррон. – Попробуй назови Скирлоха посторонним – дня не проживешь. Говорят, он наравне с остальными в замке правит.

– С остальными? – недоверчиво переспросил Валбур, которому все эти речи казались дикими и непонятными. Он никогда особо местными делами не интересовался, считая их далекими от себя и по расстоянию, и по совести. – А кто теперь в замке правит?

– А вот ты пойди их разбери. – Гаррон кивнул Тисе, и та подлила ему клюквенного морса. – Эх, так бы и не вставал из-за стола! Ну да, однако, про замок... Ты ведь наверняка знаешь, что бывшего воеводу, в смысле, Ракли, обвинили в предательстве и не то в каркер засадили, не то в подземелье, не то вообще головы лишили втихаря.

– Кое-что слышал, – согласился Валбур. – А что правда из этого?

– А правда то, что на его место уселись сразу двое военачальников, которые раньше с ним как будто заодно всегда были, так сказать, его правая и левая рука.

– Демвер Железный, командовавший сверами, – пояснил Дэки, – и Тиван, начальствующий над всеми конниками, то бишь мергами. Только на место Ракли они, видать, не сами уселись, а их посадили те, кому это вполне под силу было. Богатеи вроде Скирлоха. О них-то и речь.

– Второго Томлином зовут. Он ещё Ракли в его бытность деньгами суживал.

– Только он скорее не второй, а самый что ни на есть первый, – поправил друга Гаррон. – Скирлох, говорят, при нём вошью вьётся, а тот только и знает, что распоряжается. У Скирлоха силфуров больше, зато у Томлина – власти.

– Это ещё с какой стороны посмотреть, – возразил Дэки. – Я вот слышал, что Томлин в разы твоего Скирлоха богаче, просто не высовывается сильно.

– Что вы тут распорились, как на рынке? – неожиданно вмешался в их разговор сидевший по левую руку от Валбура и до сих пор помалкивавший длинноволосый парень с хитрым прищуром раскосых серых глаз. – Не знаете ничего, так не болтайте лишнего.

– Немой заговорил! – восхитился Гаррон и хлопнул в ладоши, чем привлек к себе внимание окружающих, Ротрама и Рэя. Первый из которых, смекнув в чем дело, кивнул, тогда как второй недовольно поморщился. – Познакомься, Валбур, это наш местный умник и всезнайка. Мы зовем его просто Бок, потому что у него уж больно длинное имя. Ну-ка скажи, как тебя на самом деле зовут.

– Бокинфал, – невозмутимо представился парень и с готовностью пожал руку Валбура.

– Бок не любит много говорить. Слушает и думает. Поэтому иногда ходит за умного. Правда, палец ему в рот не клади – откусит и даже не выплюнет. Держись от него подальше. Но только после упражнений. Потому что во время них он так же опасен, как моя младшая сестра.

Валбур с интересом посмотрел в лицо нового знакомого, однако не заметил на нем каких-либо ссадин или синяков. Вероятно, Гаррон снова несколько преувеличивал.

– Кажется, ты что-то там хотел сказать, – напомнил Дэки, чокаясь с Бокинфалом кружками.

– Просто вы настолько тупы, друзья мои, что не понимаете происходящего ни здесь, ни в замке.

– Ну, так растолкуй нам, бездарям, – широко улыбнулся Гаррон, явно не собиравшийся обижаться на подобные высказывания. – Ты не согласен с тем, что в замке наступило правление денег?

– И силы, – подсказал Дэки.

– Вот видишь, Валбур, победивший фра'ниманов, что делает с людьми вера в чужой кошель и собственные недолговечные мышцы. Первого у них не будет никогда, а вторых не будет очень скоро. Ибо неведомо им, пустозвонам, что сильнее денег и сильнее силы есть

лишь одно качество, которому нельзя научиться даже с кружкой морса в руке. И качество это – хитрость.

Гаррон загоготал. Дэки скривил рот и брезгливо передернул плечами. Бокинфал подмигнул Валбуру и спокойно продолжал негромким голосом, чтобы никто посторонний не услышал:

– Из-за хитрости в Пограничье была сожжена дотла первая застава. Хитрость выманила туда же лучших воинов, отправленных вроде бы на месть, а оказалось – на верную смерть. Хитрость воспользовалась волнениями в народе и прибрала к рукам Ракли. Вывела его из игры за ненадобностью. Она же помогла сгинуть тому самому Демверу Железному, о котором упоминал Дэки. Теперь на его месте оказался его сын, который совсем недавно был заурядным и никому не известным, которому до нашего Рэя ещё расти и расти. А вот поди ж ты! Сказывают, хитрости понравилось его предательство. Так что он того и гляди самого Тивана переплюнет.

– Если ты про Гийса, то его, говорят, подняли за то, что он помог отыскать украденные доспехи Дули.

– Ну, конечно, которые умыкнул из замка его исчезнувший папаша. – Бокинфал выскреб содержимое горшка себе в тарелку и отвлекся на полуслове.

Валбуру все эти чужие имена мало что говорили. Про доспехи легендарного героя Дули он, разумеется, слышал, особенно после того, как их нашел в Мертвом Болоте какой-то не то чужеземец, не то сумасшедший дикарь и принес на заставу, которая, как только что напомнил Бокинфал, трагически погибла в огне пожара. Однако он понятия не имел обо всех этих железных воеводах и их предателях-сыновьях. Ещё меньше его занимало то, кому в итоге достанется вся полнота власти в замке. Лучше не будет точно, а худшие времена, вздыхали старики в туне, мы как-нибудь сообща переживем. Он привык думать о насущном, а не о том, что волнует Малый Вайла'тун, отгородившийся от остального мира Стреляными Стенами. Не собирался он забивать себе этим голову и теперь.

А вот Дэки, похоже, замечания Бокинфала задела за живое, и он не хотел с этим мириться.

– Погоди-ка, Бок, – начал он, протягивая руку под носом у Валбура и выдёргивая у собеседника опустевший горшок. – Ты хочешь сказать, что этот Гийс оказался хитрее всех?

– Не-а, неправильно ты понял, старина Дэки. – Бокинфал красноречиво посмотрел на Валбура с выражением «Ну, что я говорил?». – Хитрее всех оказался тот, о котором мы даже не знаем.

Гаррон поперхнулся и закашлялся. Бокинфал откинул со лба длинную челку. Лицо его не лишено приятности и должно нравиться женщинам, подумал Валбур, невольно представляя себе Тису за её любимым занятием – приданием мужчинам дополнительной силы. Интересно, каков он как боец.

– Ты тоже из рыбаков?

Бокинфал прищурился и помотал головой. Он жевал.

– Такие, как он, рыбу не ловят, – подсказал Дэки. – Наш Бок рыбу даже не ест. Боится костей. Я прав, старина?

– Ты всегда прав, – последовал ответ, сдобренный улыбкой. – Особенно когда молчишь. Нет, Валбур, я не из рыбаков. Я из замка.

– Только не говори ему, кем ты там был, – рявкнул Гаррон, прикрывая ладонью рот. – Когда я впервые это услышал, то чуть ни обмочился.

– И что с того, что я служил писарем? – стукнул по столу Бокинфал.

Гаррон запрокинулся, громко вдохнул и согнулся пополам. Дэки ударил его ладонью между лопатками и сам затрясся от хохота. Валбур улыбнулся, глядя на них, однако причины веселья не понял, а потому вопросительно уставился на бывшего писаря. Тот пожал плечами

и продолжал как ни в чем не бывало жевать чудом уцелевший до сих пор калач, запивая его морсом и с удовольствием причмокивая.

Лавка под ними задвигалась – это начали по очереди подниматься из-за опустевшего стола соседи. Трапеза, судя по всему, была закончена.

Валбур тоже встал и, недолго думая, направился следом за новыми друзьями. Он не понимал только одного: как они собираются с набитыми животами драться друг с другом.

– Устроился? – Ротрам подошел к нему сзади и положил руку на плечо. – Тиса говорит, тебе вчера банька приглянулась.

– Да, особенно снежный сугроб. – Валбур перехватил на себе несколько любопытных взглядов. – Я буду участвовать в следующей «крови героев»?

– Как я сказал, это зависит от усмотрения Рэя. – Думаю, скоро ты сам сможешь оценить свои силы. Я уверен, что будущим победителем станет один из вас, так что ближайшие дни все покажут. У тебя явные способности к этому делу, но тут собрались те, кто умеет драться не хуже. Просто так с улицы ко мне никто не попадает. Прояви себя, и мы посмотрим. Я, как ты понимаешь, заинтересован в том, чтобы сильнейшим на играх стал мой боец.

– Вы называете это «играми»?

– А что же это по-твоему? Игра с судьбой. Игра с удачей. Игра на деньги. Тебе ещё не рассказали про ставки?

– Про что?

Ротрам взял Валбура за локоть и придержал, пока мимо них проходили остальные бойцы. Потом понизил голос и сказал то, что наверняка в свое время говорил так же вкрадчиво каждому из них:

– Ставка – это деньги, которые зрители могут ставить на победу того или иного полюбившегося им бойца. Если боец проигрывает, ставивший на него теряет свои деньги, если выигрывает – получает столько же, сколько поставил.

– А как ваши зрители поймут, что нужно ставить на меня?

– Ты задаешь правильные вопросы, – улыбнулся Ротрам. – Правила придумывали мы с Биртоном. И учили те недочеты и ошибки, которые допускались при прежних «боях за дружину». Раньше бойцов никто не знал, они часто были новыми, зрители платили за вход и только смотрели, а теперь всё это значительно изменилось. «Кровь героев» мы превращаем в день настоящего праздника. Никто никуда не торопится. Зрителя собираются днем и расходятся уже под вечер. За это время они могут увидеть каждого из бойцов не меньше двух раз...

Пока Ротрам говорил, Валбур живо представлял себе происходящее и чувствовал, что попал в не слишком привлекательную для себя заварушку. Но разок попробовать, вероятно, стоило.

– Сама «кровь героев», как ты понимаешь, может пролиться только однажды, в основном бою. До этого каждому из вас предстоит встретиться друг с другом в поединке, который потребует больше ловкости и отваги, чем желания во что бы то ни стало убить врага.

– Убить?

– Ну, это я так выразился, – закатил глаза Ротрам. – До смертей пока не заходило и вряд ли дойдет. Хотя, разумеется, возможно всё.

– Любопытно, – признался Валбур. – Если укокошат меня, понятно. А если я? Меня снова посадят в тот замечательный каркер, только теперь уже точно до конца жизни?

– Думай о хорошем, друг мой.

– Вам же нравились мои вопросы, вита Ротрам.

Торговец поискал кого-то глазами.

– С кем ты уже сошелся? С Гарроном? Я видел, как вы о чем-то очень оживленно беседовали за столом.

– И с ним тоже. Вы этого не одобряете?

– Почему ты такой колючий, Валбур? Если тебя что-то не устраивает, скажи. Только мне представлялось, что сегодня ночью мы обо всем достаточно внятно договорились. И ты не был против.

– Я и сейчас не против, вита Ротрам. Просто вы упомянули возможность убийства, а я никогда этим не занимался. Вот меня и заинтересовало, вменяется ли это мне теперь в обязанность или я могу победить всех, кого нужно, не пуская никому кровь по-настоящему.

– Кровь придется пускать по-настоящему, однако это не значит, что тебе обязательно кого-то отправлять к Квалу. Я вообще-то даже не договорил, если ты заметил. Рэй!

Наставник выходил из трапезной одним из последних. Он охотно подошел к ним, прервав разговор с бородатым Логеном, который окинул Валбура не слишком приветливым взглядом и пошел дальше.

– Наш новобранец хочет проявить себя, Рэй, – сказал Ротрам, хотя Валбур ничего такого отродясь не говорил. – Прошу тебя присмотреться к нему. Поставь с кем-нибудь сильным и присмотришься.

– Думаете, он сможет чему-нибудь научиться за те дни, что остались?

– Если он не сможет научиться, то ты сможешь его научить. Ты ведь для этого здесь. И покажи ему, как нужно бить, чтобы не убивать. Нашему другу не улыбается вернуться в карьер.

– Хорошо, вита Ротрам, я посмотрю, что можно сделать.

– Вот и славно. А теперь, ступай, Валбур. Об остальном договорим позже.

Он стукнул собеседника кулаком в плечо, подмигнул и направился прочь, в другую сторону, нежели все.

– Что-то я не понял, – признался Валбур. – Мне оказали честь?

– Более того, – кивнул Рэй. – Тебе даровали жизнь. Славную, но короткую.

Судя по усмешке на морщинистом лице, он не шутил.

Они вместе вошли в просторное помещение, оказавшееся сразу за стеной трапезной. Валбура неприятно удивило обилие оружия, висевшего и лежавшего на специальных крюках: копья, толстые палки в локоть длиной, палицы с пупырчатыми шарами на концах, топоры на длинных ручках, тупоносые шести, самых разных форм и размеров щиты, длинные и короткие мечи. Присмотревшись, он, напротив, обрадовался: все это было сделано из обычного дерева, как в рыночной лавке кузнеца, приторговывавшего заодно игрушечным оружием для детворы. Палки, это все-таки не железо: ударить можно прилично, но сильно не поранишь. Особенно ему были любимы шести, драться на которых его ещё в детстве учил дядя, брат покойной матери. Если тут разрешается выбирать оружие по нраву, он на первое время, считай, спасен от громкого позора.

Кроме оружия, он обнаружил в зале всевозможные причудливые приспособления, прибитые к стенам или врытые столбами в землю. Он предполагал увидеть нечто вроде огородных пугал с расставленными во всю ширь руками, какие, как он слышал, используются при обучении виггеров в замке, однако ничего подобного здесь как раз не было. Единственное, что отдаленно напоминало чучел для отработки ударов, так это парочка чем-то туго набитых кожаных колбасин в рост человека с короткими отростками, вероятно, обозначавшими руки.

Замешкавшись в раздумье, Валбур не заметил, как все остальные бойцы собрались в центре залы, построились в одну линию и опустили на колени. Вернее, не опустили на колени, а сели на них, ловко поджав под себя ступни. Снова это напомнило ему детство, потому что с некоторого возраста так позволяли себе садиться разве что женщины. Мужчины старались на колени не вставать. Ни при каких случаях. А здесь так делали все, ничего при этом мне стесняясь. Пришлось и ему последовать общему примеру, примостившись с ближнего края.

Рэй тоже сидел на коленях лицом к остальным. Лицо его было сосредоточенным и каким-то отрешенным. Валбур покосился на весь строй и понял, что таким сейчас должен был быть каждый. У него же получилось разве что сдержать предательский смешок.

Рэй вынул из-за пояса две деревянные чурочки, которыми в богатых избах растапливали печь.

– Во имя Рилоха! – звучно возвестил он и ударил одной деревяшкой о другую. Раздался если не мелодичный, то приятный звук звящего сухого дерева, отразившийся от стен и растворившийся прямо в воздухе где-то у них над головами.

– Во имя Рилоха! – повторил стройный хор, сопровождая эти простые слова резким хлопком ладоней. Никто при этом не кланялся.

Насколько Валбур помнил по древним рассказам, составлявшим то, что у вабонов называлось Культom героев, Рилох был мужем Лиадран, сестры Дули. Дули поручил ему охрану своих детей на время того самого рокового похода в Пограничье, который закончился для него столь трагически. С тех пор Рилох считался покровителем всевозможных начинаний и почему-то мергов.

– Выдох! – последовала резкая команда Рэя.

Валбур не понял, посмотрел вдоль строя, и увидел, что все дружно открыли рты и с напряженным шипением выталкивают из себя воздух. Причем очень медленно, как будто внутри у них какая-то преграда, которая не позволяет воздуху выходить наружу сразу, а выпускает его тонкой струйкой. Валбур опередил всех, решил дождаться остальных, чуть не задохнулся и вынужден был пару раз хлебнуть воздуха прежде чем Рэй все так же резко скомандовал:

– Вдох!

Это оказалось ещё сложнее, поскольку все позакрывали рты и стали втягивать воздух носами, так же громко и, кажется, ещё более неторопливо. Кроме всего прочего, при повторном выдохе Валбур заметил, что нужно медленно наклоняться с прямой спиной вперед, а при вдохе – наоборот, выпрямляться. На третьем разе он попытался выдержать общий ритм и почувствовал, что воздух не задерживается в груди, как при обычном дыхании, а уходит куда-то глубоко в живот и там почти без труда остается до начала выдоха. Некоторые при этом следовали примеру Рэя и блаженно закрывали глаза.

Так повторилось в общей сложности раз десять. К концу у Валбура от глубокого дыхания слегка кружилась голова, но в теле появилась странная легкость и ощущение притока силы.

– Во имя Рилоха! – закончил Рэй хлопком деревяшек.

– Во имя Рилоха! – всплеснули сильные ладони.

Они ещё некоторое время в задумчивости посидели на коленях, поклонились Рэю и дружно встали. Валбур с удивлением обнаружил, что от тяжести в животе не осталось и следа. Остальные тоже выглядели посвежевшими и не такими хмурыми.

– Получилось? – поинтересовался Дэки.

– Что? Дышать? – переспросил Валбур.

– Ну да. Это называется у нас брюшным дыханием. Хорошо восстанавливает и сохраняет силы.

Похоже, они тут все помешались на «силе». У них в туне сила была вещью обычной, поэтому чаще говорили о быстроте или о точности бойцов. Что ж, посмотрим, что будет дальше.

Рэй и остальные теперь ходили по зале и разминали плечи и кисти, кто как мог. Валбур ничем подобным никогда не занимался и сейчас всё больше присматривался, повторяя незатейливые движения. Он поймал себя на мысли о том, что ещё накануне, когда ругался с Минтелом, даже не мог предположить, чем будет заниматься на следующий день. Думал, ну, поругается, походит по Вайла'туну, посмотрит на недоступные мечи да и уберется тихо к себе, подальше отсюда, где каждый день – одно и то же, где нет места прекрасным незнакомкам,

вонючим каркерам, баням со снегом и новым друзьям, которых учат, как правильно пустить тебе кровь, чтобы не изувечить раньше времени.

Рэй велел всем разбиться на пары. Противником Валбура оказался бородастый Логен. Он присел, выпрямил перед собой руки и раскрыл ладони, словно готовясь к обороне. Оказалось, что задачей Валбура является бить его кулаками в одноименные ладони. Логен при этом вел себя хитро, иногда отводил руку назад из-под удара, иногда вытягивал вперед, сокращая расстояние, а ему, Валбуру, приходилось всё это подмечать и заранее подыгрывать себе ногами, чтобы каждый удар получался сильным и точным. Стоило замешкаться, и вот он уже тянется к ладони, теряя скорость, или, наоборот, натывается на неё чуть ли не перед самым лицом, отчего удар оказывается незаконченным и слабым.

Валбур то и дело проваливался, ругался на себя за неловкость и делал то, что привык делать дома: атаковал не одним, а несколькими ударами кряду, стараясь в какой-то момент всё же достать противника и хотя бы один раз, но ударить, как следует, звонко и сильно. Проходивший мимо Рэй неожиданно похвалил его за это, но, присмотревшись, велел не смазывать удар.

– Рука должна возвращаться обратно не по дуге, а ровно той же кратчайшей дорогой, по которой ты выбрасывал кулак. И отдёргивай её сразу, не то у тебя её перехватят и поломают.

Вероятно, он был не слишком убедителен, потому что Валбур продолжал повторять одну и ту же ошибку, так что, в конце концов, Рэй решил сам показать ему, чем это чревато. Он отправил Логена передохнуть и занял его место. Валбур ударил. Упругая ладонь мягко встретила его кулак. Ещё раз. Ещё. В какой-то момент Рэй слегка отпрянул назад, кулак Валбура продырявил пустоту, удивленно замешкался, и тут же две цепкие руки сковали его локоть и запястье и резко повели встречным движением вверх, отчего в локте хрустнуло, а запястье скрутило от боли.

– Теперь я могу делать с тобой, что хочу, – поучительно заметил Рэй, сгибая Валбура пополам и тыкая носом в пол. – Старайся бить только тогда, когда уверен, что не получишь сдачи. Пробуй снова.

Вторая попытка привела к тому, что уже сам Рэй был вынужден уворачиваться от града ударов, коротких и неудобных для перехвата.

– Быстро учишься, – похвалил он Валбура и велел всем переходить к уклонам.

Задача состояла в том, чтобы чувствовать направления удара в голову и успевать уходить от него нырком или корпусом, не блокируя руками.

Когда он атаковал Логена, все казалось ясным и простым. Когда же они поменялись ролями, и сразу выяснилось, что простота обманчива: ладони бывшего свера то и дело напоминали о себе звонкими затрепинами и совсем не приятными тычками в лоб.

Логена по сигналу Рэя сменил Гаррон. С ним Валбуру было особенно неудобно, потому что удары сыпались откуда-то сверху, а длина рук позволяла великану достигать цель, многострадальную голову фолдита, без лишних подшагиваний. Если это только разминка, думал Валбур, что же будет со мной в настоящей схватке?

Скоро он испытал это на собственной шкуре.

После отработки сбивов и уходов в сторону Рэй велел всем надеть специальные варежки. Сшитые из кожи, они довольно туго обтягивали руку, а тыльная сторона ладони и первая фаланга пальцев были закрыты аж двумя слоями, между которыми чувствовалась относительно мягкая прослойка, как пояснил Дэки, поставленный с Валбуром в пару, из овечьей шерсти. Перчатки не столько смягчали удар для принимающего, сколько защищали руки от увечий для бьющего.

Пары разошлись по всему просторному залу и начались свободные поединки. В задачу, как понял Валбур, входило вовсе не снести противнику голову отчаянной атакой, а обмануть его ожидания, переиграть, и при этом нанести хоть и разящий, но не зубодробильный удар.

Дэки поначалу решил было заодно поучить Валбура некоторым тонкостям, однако очень скоро он уже кричал и пятился, а на скуле у него наливался кровью красивый синяк. Их поединок остановил Рэй. Сделав Дэки знак отойти и ничего не сказав весьма довольному собой Валбуру, он подозвал Эгимона. Приблизившись, юноша смерил Валбура равнодушным взглядом и встал в стойку, расставив руки, словно готовился обнять противника.

– Попробуй с ним, – сказал Рэй.

Валбур пожал плечами и по привычке стал прошупывать нового соперника резкими выпадами левой рукой от бедра. Правую он поднял повыше и держал наизготовку, чтобы в подходящий момент выбросить вперед и, если получится, срубить Эгимона точным ударом в подбородок, как он любил делать на молодецких забавах дома.

Эгимон лениво отбивался, почти не нападал, но зато когда Валбур увлекся атакой, сделал несколько едва заметных уклонов, показал телом, что отступает, а сам шагнул навстречу и пробил мощно и точно левым кулаком прямо через правую руку, угодив Валбуру в скулу. Удар пошатнул Валбура, однако он устоял, попытался отмахнуться, но Эгимон уже ускользнул назад и звал противника следовать за собой. Валбур поддался, думая, что успеет по ходу нанести несколько увесистых затрецин. Он попал в никуда, и из этого ниоткуда прилетела жёсткая варежка, за ней – вторая, третья, и Валбур уже не думал ни о чем, кроме как о трусливом и неловком отступлении.

Гаррон предупреждал его насчет Эгимона. Валбур хоть и поверил ему, ничего подобного не ожидал. Особенно обозлила его показная леность юного противника, который все делал словно нехотя, но при этом так расчетливо, что опережал, не прикладывая видимых усилий. Он очень хорошо передвигался на ногах, непредсказуемо менял направления и производил гнетущее впечатление неуязвимости. Вероятно, Эгимон и сам уверовал в это, несколько раз подряд провалив Валбура в атаке и ответив боковыми ударами с обеих рук, отчего звон в ушах перешел в нескончаемый гул, а плотная трапеzia угрожала вот-вот вернуться к своим истокам и навсегда опозорить несчастного новобранца.

Самомнение никому ещё не шло на пользу. Валбур ухватился за эту единственную соломинку и отважился сыграть с Эгимоном в опасную игру, притворившись, будто окончательно сбит с толку, и уйдя в глухую защиту. Заметив краем припухшего глаза снова появившуюся рядом фигуру Рэя, готового вот-вот прекратить его очевидное избиение, он сжал последние силы в кулак и сделал рискованный выпад. Застигнутый врасплох Эгимон замешкался и пропустил подряд несколько ударов, в которые Валбур от безысходности вложил от души. Первые два были встречены надежным блоком, но третий этот блок сбил в сторону, а четвертый прошел прямо в надменный подбородок, и пораженный во всех отношениях Эгимон повалился навзничь, цепляясь руками за воздух.

– Неплохо, – только и сказал Рэй, протягивая поверженному руку и не глядя на задыхающегося победителя.

– Здорово! – похвалил Валбура оказавшийся рядом Бокинфал, чей противник, похоже, тоже был вынужден прекратить сопротивление, скрючившись на полу и держась за разбитый нос. – Потанцуем? Или ты боишься писарей?

Он дышал легко, добродушно улыбался и всем своим видом производил впечатление человека, довольного своим местом в жизни. Валбуру такие последнее время попадались все реже, а в Малом Вайла'туне и подавно.

– Мечи! – объявил Рэй и хлопнул в ладоши.

Валбур вздохнул и, стянув с потных рук кожаные варежки, пошел вместе со всеми подыскивать себе оружие. Разумеется, на мечах ему приходилось биться, причем на настоящих, тяжелых и железных, но нечасто, а в этом деле без опыта – пиши пропало.

– Почему так кисло выглядишь? – поинтересовался Бокинфал, уже помахивая широким мечом с длинной рукояткой. – Давай, я тебя жду.

Проигрывать писарю не входило в планы Валбура. Он прикинул размеры меча противника и хотел, если повезет, найти превосходящий, однако все стоящие были во мгновение ока разобраны, так что ему достался совсем маленький и неказистый. Он поднял его перед собой и показал Бокинфалу, словно оправдываясь.

– Неплохой выбор, – хмыкнул тот и встал в совершенно открытую стойку, выжидательно положив меч на правое плечо.

– Не порубите друг друга, – напомнил Рэй. – Начали!

Бокинфал не пошевелился и не изменил позы. Вероятно, он таким образом предлагал противнику нападать первым. Чувствуя подвох, Валбур выставил меч перед собой и стал медленно обходить Бокинфала по кругу, готовя выпад. Решившись наконец действовать, он сделал шаг вперед и не успел отдернуть оружие, как получил удар по деревянному лезвию такой силы, что чуть не выпустил меч из рук. Ладони заныли от боли. А Бокинфал уже стоял в той же позе, правда, теперь его меч переключал на левое плечо.

– Если бы у тебя был настоящий меч, такая сечка перерубила бы его пополам, – послышался сзади наставительный голос Рэя. – Оружие надо беречь. А уж если решил им блокировать удар, подставляй лезвие боком, то есть острой частью. Зазубриной больше, зазубриной меньше, но зато сам меч останется, скорее всего, цел. Пробуй ещё.

Со второй попыткой вышло только хуже. Валбур решил обмануть противника и в последний момент отдернул меч, чтобы атаковать в открывшуюся при махе брешь самому, однако на сей раз Бокинфал изменил тактику и рубанул без проноса, упруго остановив меч ровно по центру, отчего Валбур чуть не напоролся на его затупленное острие. Велико было желание достать бывшего писаря, однако взгляд последнего говорил о том, что случившегося не исправить и любое продолжение из этого положения нечестно и бессмысленно.

Валбур и сам это знал. Он с достойным уважением упорством продолжал нападать, Бокинфал только защищался, но все попытки заканчивались либо ударом по мечу, либо – по самолюбию.

– Меч – это не меч, – сказал снова подошедший Рэй. Подумал, подмигнул Бокинфалу и пояснил эту загадку: – Меч – продолжение тебя, а ты – продолжение меча. Если ты думаешь, что он – оружие, которое может поразить твоего врага, а ты при этом будешь стоять, как вкопанный, и никто тебя не тронет, ты глубоко ошибаешься. Смотри.

Он встал перед Бокинфалом, тоже расслабленно и спокойно, без замаха сделал резкий выпад корпусом, целясь сопернику в грудь, Бокинфал среагировал моментально, чуть отступил в сторону, плавно отразил смертоносное острие и прямо из блока атаковал Рэя коротким махом снизу по косой, вероятно, намереваясь ранить его в держащую меч руку в районе плеча, однако Рэй словно того и ждал – он присел в коленях, вжался в меч и резко выбросил себя вместе с ним вперед. В итоге лезвие Бокинфала просвистело у него над головой, а он прижал свое к его открытой шее и сдернул вниз.

– Горло вспорото, бой окончен, – сказал Рэй.

По залу прошел гул одобрения. Оказалось, все наблюдали за происходящим и оценили хитрость наставника по заслугам. Бокинфал, держась одной рукой за поцарапанную шею, морщился.

– Что остановились? – прикрикнул Рэй. – Продолжаем! А ты пока погоди, – повернулся он к Валбуру. – Сейчас поставлю тебя с кем-нибудь посильнее. Эй, Авит, подойди-ка сюда.

Кудрявый юноша с детским лицом вызывал определенную надежду на благополучный исход. Валбур изготвился к новому поединку, однако Рэй покачал головой.

– Авит, будешь отрабатывать с ним защитные действия. Валбур, ты атакуешь его в голову, в живот и по ногам. Именно в таком порядке. Покажи нашему новичку, Авит, как правильно блокировать. Пока без встречной атаки. Потом добавьте и её. Что не будет получаться, объясни ему. А вы, – обратился он ко всем остальным, – не останавливайтесь. Атака на атаку. Нет,

нет, ну-ка меньше замахи! Любой шеважа поймет, что вы собираетесь делать. Слушайте, что я говорю, и не отвлекайтесь. «Кровь героев» не должна быть вашей кровью.

Присутствующие издали дружный одобрительный крик и с новой силой набросились друг на друга.

Авит понравился Валбуру. Он старательно выполнял сказанное наставником, не спешил, не пытался показать свою опытность, зато весьма наглядно показывал нехитрые, но при этом вполне действенные блоки против меча. От удара по коленям он расчетливо отступал назад передней ногой, иногда даже не подставляя меч. От тычка в грудь едва заметно уходил в сторону, скручиваясь вперед плечом и успевая на всякий случай вставить между атакующим клинком и своей грудью руку. При этом другой рукой он опасно выдвигал лезвие навстречу атаке, и Валбур понимал, что в настоящем бою оказался бы, по меньшей мере, ранен то в шею, то в подмышку. Авит время от времени предлагал ему повторить приём, Валбур старался, как мог, но получалось у него не слишком ловко и как-то уж больно отрывисто. Авит же двигался плавно, особенно когда удар шел в голову. Он умудрялся не только останавливать меч Валбура почти в момент начала атаки, когда тот ещё не набрал скорости, но и буквально прилипал к нему своим, так что фолдиту на память пришел случай из собственной жизни, когда он после сильного дождя по колено увяз в глинистой жиже и не мог сделать ни шагу. Вот так же и его меч теперь словно в болото засасывало после каждого удара, как будто это не был и удар вовсе, а так, вялый взмах палкой.

– Ты здесь этому научился? – спросил он, когда Рэй сжалился над взмыленными бойцами и объявил короткую передышку.

Они сидели на полу прямо у стены.

– Я не очень люблю меч, – признался Авит, приглаживая обеими ладонями мокрые кудри. – Привык к палке.

– А я меч люблю, но тоже чаще имел дело с палкой. Так ты тут учился?

– Меня привел к Ротраму отец. Он дружен с Дэки... ну, с этим, крепышом, ты, кажется, с ним уже знаком... вот так я тут и оказался... недавно довольно-таки... Не жалею. Не мое это дело – рыбачить. Дэки, тот мастак. За это его мой отец и уважает, несмотря на возраст.

– Теперь понятно. А то всё не возьму в толк: вы, вроде бы с ним почти ровесники, а дружишь с ним не ты, а твой отец.

– На самом деле Дэки ему однажды на полном серьезе жизнь спас. – Авит вскочил на ноги, услышав команду Рэя. – После договорим. Защищайся.

Они ещё некоторое время отчаянно охаживали друг друга деревянными мечами, и Валбур с удовольствием чувствовал, что у него понемногу начинает получаться. Не всё, кое-что, но ощущение было приятным. Заведутся деньги, глядишь, будет повод со смыслом потратить на давнишнюю мечту – собственный клинок с удобной рукояткой. Не то, что этот: деревянный, простецкий, весь в выбоинах и трещинах, того и гляди треснет. Интересно, каким оружием бьются в «крови героев»?

– Уж точно не собственным, – заверил его Авит. – Да тут ни у кого почти и нет своего. Разве что у Логена с былых времен осталось. Там, как я слышал, выдают одинаковое, чтобы ни у кого не было преимущества.

– Так как Дэки спас твоему отцу жизнь?

– А, ты про это... Они забрасывали невод, налетел порыв ветра, веревка, за которую держат, порвалась, и сеть заплелась вокруг его ноги. Так бы река и утянула отца за собой, если бы не Дэки и его сильные руки. Удержал. С тех пор они и дружат. Когда Дэки к Ротраму подался вместе с Гарроном... его ты тоже знаешь... я отца уговорил и меня сюда отправить... в смысле отпустить... и ему дома ртов поменьше, и от меня толку побольше будет. А ты что, и правда фра'ниманов по-нашенски отлупил?

– Знал бы, кто они, может, и не полез бы, – честно ответил Валбур. – А знал бы то, что знаю сейчас, глядишь, живыми бы не отпустил.

Авит протянул ему руку для пожатия.

– Я их тоже ненавижу.

– Подружку увели что ли?

– С чего ты взял? – опешил парень.

– А что ещё тебе с ними делить?

– Ну, не то, чтобы увели... но вообще-то ты в точку попал. Она сама к одному ушла. Прошлой зимой это было. Вот кого я бы хотел на «крови героев» повстречать.

– Её?

– Его...

– А он-то при чём? Сам ведь говоришь, что она ушла. Не силком же её увели.

– Неважно. Я должен с ним расквитаться. Убить вне *фэлда* фра'нимана – преступление.

Вот бы я на фэлде с ним по-свойски поговорил...

– Что ты называешь «фэлдом»?

– То же, что и все – площадку, на которой проводятся бои. Похоже, ты совсем ничего про «кровь героев» не слышал.

– До сегодняшнего утра я, если честно, совершенно не собирался в них участвовать, даже зрителем.

– Здорово! – недоверчиво присвистнул Авит. – А что изменилось?

– Всё, – неопределенно ответил Валбур и понял, что недалек от истины.

После упражнений на мече они вооружились щитами. Валбура поставили в пару с Гарроном, которому тоже была поручена роль наставника. Как и Авит, он больше показывал, нежели объяснял. Для Валбура щит был в диковинку. По неопытности он всегда полагал, что щит служит исключительно для защиты – от мечей, стрел и копий. Сейчас же выяснилось, что в умелых руках он является прекрасным орудием нападения и способен нанести острой кромкой урон ничуть не меньший, чем любой клинок.

В сильной руке Гаррона тяжелый деревянный щит летал, как перышко, а Валбур только и знал, что пригибался да уворачивался, слишком отчетливо понимая, что надолго его в подобном испытании не хватит.

– Старайся направлять свои атаки за щит, – подсказывал Гаррон. – Тебя же интересует не он, а мое тело. Вот до него ты и должен добраться.

– Тебе легко говорить...

– А вот смотри!

Гаррон нанес по крышке его щита два или три сильных удара мечом, но последний только обозначил. Валбур по привычке прикрылся, однако меч замер на полпути, зато справа прилетел грозящий сбить с ног щит Гаррона, Валбур попытался отразить его своим, машинально открылся и сразу почувствовал боком болезненный укол – ещё немного, и Гаррон поддел бы его мечом как поросёнка вертелом...

Залу они покинули уже в сумерках. Болело всё, а не только ушибленные места. Из общего многообразия упражнений у Валбура неплохо получился разве что рукопашный бой да свободный поединок с Дэки на длинных палках. Во владении мечом он явно уступал многим, щит ему только мешал, а оставленная напоследок борьба, задачей которой было положить противника на лопатки и удержать в таком положении или вынудить сдаться болевым заломом, оставила у него смешанные чувства. Двоих он одолел почти без труда, но третьим снова оказался Эгимон, обзлётанный на него за досадный проигрыш. Он оказался слишком вертким и неожиданно сильным, причем очень. Бить запрещалось. Валбур откровенно полез в борьбу, поддавшись на отступление Эгимона и крепко удерживая его за оба запястья. Внезапно Эгимон перестал сопротивляться и рывком потянул Валбура на себя, одновременно освобождая

ясь неуловимым движением от захвата. В итоге он уронил противника на четвереньки, сам запрыгнул ему на спину, сковал бока ногами и жестоко придушил, так что у Валбура хватило сил только ударить об пол рукой, признавая горькое поражение.

Одним словом, снова оказавшись за столом в трапезной и отламывая себе хлеба от огромной краюхи, он мучился вопросами, что я тут делаю и зачем мне на старость выпал такой позор. Пальцы слегка подрагивали от недавнего напряжения. Голова болела. Мысли путались. Хотелось лечь и побыстрее заснуть.

Ротрам на ужин не пришел. Ели почти молча, устало переглядываясь. Только Авит о чем-то возбужденно рассказывал Логену. Рэй куда-то запропал. Наконец, он появился в дверях, огляделся и сел рядом с Валбуром на свободный край лавки.

– Я тут переговорил о тебе, – начал он после короткого раздумья, изучая содержимое горячего горшка, который поставила перед ним расторопная Тиса. – Будешь участвовать в «крови героев». В следующей. Через восемь дней.

– Я?!

– Ну не я же. – И, предвидя возражения, добавил: – Ротрам оказался прав. У тебя неплохие задатки. За неделю я из тебя воина не сделаю, но бойцом ты со временем можешь стать неплохим. – Рэй стянул со лба тесьму, от которой вокруг всего лысого черепа осталась глубокая вмятина. – Ты многого не знаешь, однако многое можешь. Завтра я ещё погляжу, на что ты способен.

Он придвинул к себе горшок и принялся уплетать овощную похлебку прямо из него, хотя один горшок ставился, судя по всему, на троих. Пораженный услышанным Валбур молча жевал хлеб и смотрел на подергивающуюся бороденку. Рэй вытер губы кулаком и только сейчас удостоил собеседника внимательным взглядом. Внимательным и хитрым.

– Думаю, у тебя в туне ты лучшим не был и оттого теперь переживаешь, – прозорливо заметил он.

– Не переживаю я...

– Вижу, что переживаешь. Все переживают. Через мои руки не один такой как ты прошел, можешь поверить. И мало кто верил в свои силы. А из тех, кто верил, немногие уцелели.

– Так я что-то не понял: разве убийства там разрешены?

– А я вовсе не про «кровь героев» и даже не про «бои за дружину». – Рэй поправил кожаную накидку, под которой проглядывала голая грудь, местами поросшая седым мхом. – Я про настоящих бойцов говорю. Таких всегда мало бывает. На самом деле я к вашему брату фолдиту неплохо отношусь. Кое-кого знавал. Поэтому и могу тебя по совести оценить. Я давно Ротраму говорю, что если он хочет хороших парней найти, ему надо по тунам проехаться. Ты-то как думаешь, народ согласится?

Валбур мотнул головой.

– Это я тоже понимаю. – Рэй несколько не смутился. – Вам своя доля важнее шальных денег. Пусть даже и больших. Тебя-то как к нам занесло?

Валбур вкратце пересказал свою вчерашнюю историю.

– Ну, я так и предполагал. Эй, Шилох! – К ним подскочил толстопузый паренек с вихрастым чубом, помощник Тисы. – Плесни-ка нам чего-нибудь эдакого.

Мальчуган кивнул и во мгновение ока вернулся с кожаным пузырем, в котором что-то булькало. Это оказался не крок, а перебродившая ягодная настойка, от глотка которой у Валбура посвежело в голове, но зато предательски отяжелели ноги.

– Мой рецепт, – похвастался Рэй, следя за тем, чтобы Шилох унес напиток, ни к кому больше не приближаясь. – Будем знакомы.

– Будем. Хорошо пьётся.

– То-то! Если бы сказал иначе, я бы тебя взашей выгнал. – Рэй подмигнул Валбуру и залпом осушил кружку. – В общем, слушай внимательно, братец. – Он облокотился на стол и пока-

зал собеседнику, чтобы тот придвинулся поближе. – С завтрашнего дня делай упор на работу с мечом и щитом. Я напоминать не буду, это теперь и твое дело тоже. С мечом и щитом...

– А борьба?

– Ты слушай и не перебивай! Знаешь, из чего «кровь героев» состоит? Вижу, что нет. Так вот, там отдельно никакой борьбы нет и в помине. Есть кулачный бой. Есть поединок с оружием по выбору. Проигравшие выбывают сразу. Победители встречаются между собой. Борьбе я учу, потому что она в любом случае пригодится может да и мало кто из ваших противников в ней толк знает. В этот раз, думаю, участников будет много. Один только Ротрам пятерых выставляет. Будут люди из замка. Полагаю, даже кое-кто из фолдитов пожалует. Молва про «кровь» уже пошла по округе. Твоя задача – биться на кулаках и показать, что ты умеешь. Чем выше поднимешься, в смысле, чем больше противников пройдешь, тем лучше. Победитель среди кулачников в конце встречается с победителем по оружию. В их поединке лучший на тот день и определяется.

– Вроде Торни?

– Вроде Торни. Победителем тебе пока стать не грозит, но заявить о себе ты вполне можешь.

– А деньги?

Рэй сдержал усмешку.

– Деньги будут. За каждого поверженного противника.

– А лучшему?

– Ну, ему отдельно ещё причитается. Только ты губу не раскатывай. Сегодня ты с некоторыми из моих ребят поработал, так что мог сам сделать вывод, кто чего стоит. Народец сильный подобрался, не так ли? – Рэй самодовольно похлопал Валбура по руке. – Кто-нибудь из них обязательно станет лучшим. Но пока не ты.

– А на чем бьются между собой лучшие? – Валбур пропустил последнее замечание мимо ушей и сделал большой глоток рэевской настойки. – Один с оружием, другой – без?

– Опять-таки по выбору. Кто меч двуручный берет, кто – меч со щитом, кто – дубину любит, кто – копье, короче, кто как. Нельзя только из луков да арбалетов стрелять.

– А Торни как дрался? Ведь его учили вы, если я верно слышал. Мне говорили, он повсякому мог.

– Мог. Правильно тебе говорили. – Рэй лукаво посмотрел на собеседника и изобразил на лице нечто вроде добродушной улыбки. – А ещё из него кузнец неплохой. Вот он себе наручи железные и смастерил.

– Наручи?

– Ну да, вроде варежек только длинных, до локтя. Ими и удар меча отвести можно и самому в ответ по мордасу вдарить так, что мало никому не покажется. А можно и меч в них держать. Правда, ему меч запретили. Посчитали, что это уже будет двойное оружие. Но Торни надо видеть. Ему наплевать на Хита было. Разнёс в пух и прах. Жалко, его Ротрам отпустил. Я всё надеюсь, что он теперь на новом месте жиром не зарастет, а как-нибудь даже выйдет сразиться с очередным победителем «крови героев». Герой против героя, так сказать. Я бы на Торни всё поставил. – Рэй помолчал, допил свою кружку. Потом встал и обратился ко всем присутствующим. – Слушай меня! Завтра утром – как обычно. Никому не просыпать, не опаздывать. Тебя, новичок, это теперь тоже касается. Буду из вас последнюю дурь вышибать перед смотрящими, девочки.

Едва заметно покачиваясь, Рэй вышел из трапезной, сопровождаемый безобидными смешками и улюлюканьем.

К Валбуру придвинулся Дэки. Синяк у него на лице из красного стал темно-синим.

– Чего он тебе так долго наговаривал?

– Просил тебя не слишком сильно бить.

– Понятно. А по делу?

– А по делу сказал, что выставит меня на кулаках биться.

– Что?! На «крови героев»?

– Ну да. Это разве так странно?

– Не странно. Ты Эгимона замечательно уделал.

– У тебя-то самого не болит?

Дэки машинально потрогал скулу и криво усмехнулся.

– Зато на палках ты меня не смог победить.

– А ты видел, как дрался Торни? – Валбур накрыл ладонью кружку, показывая подошедшей Тисе, что с него выпивки достаточно. – Я имею в виду его бой с Хитом.

– Ну.

– Там и правда было на что посмотреть?

Дэки от услуг Тисы не отказался и некоторое время пил, запрокинувшись и поигрывая кадыком.

– Если честно, то я бы не сказал. Я тогда ещё только тут начинал, и Торни не понравился мне с самого начала. Слишком много гонора в нем было. Как будто заранее знал, что станет «героем». Ты, думаю, с ним бы справился на кулаках. Но Рэй его любил и постоянно натаскивал. Больше, чем кого другого.

– А сам бой?

– А что бой? Торни себе железные варежки смастерил заранее. Но, похоже, не рассчитал, и они у него слишком тяжелыми оказались. Попробуй взять железки и подольше ими помахать. Вот и он быстро смурлындился – дышал тяжело, руки опускал, чуть головы ни лишился. Хит его скоро доставать начал. А потом что-то произошло, и Торни подмял его под себя, ну и, разумеется, отделал на славу. Верхом прямо сидел и бил.

– А почему ты мне сегодня утром этого Торни совсем по-другому расписывал, мол, мастер на все руки, прекрасная победа и всякое такое?

– Про прекрасную победу я не говорил. – Дэки заметно смутился. – Знаешь ли, у нас тут, чтоб ты понимал, много всяких разных ушей, так что когда хочешь что-нибудь сказать, сперва подумай. Улавливаешь мою мысль? Победителей вообще не судят. Но уж раз ты меня спросил, как оно по правде было, я тебе ответил. Выводы сам делай.

С выводами Валбур не спешил. Он чувствовал, что ни в Вайла'туне вообще, ни тем более здесь особой искренности ждать не приходится. Поэтому последние слова Дэки и то, что он поменял за день свое мнение, его не слишком удивило. Как говаривал дядя, где силфурки, там и жмурки, имея в виду, что деньги и правда – вещи несовместимые. Иначе говоря, деньги заставляют закрывать глаза. Только что услышанная история была лучшим тому подтверждением. Вернее, худшим.

– Он будет участвовать в следующей «крови героев», – сообщил Дэки подошедшему к ним Гаррону. Все уже вставали из-за столов. – Ротрам делает на него ставку.

– Поздравляю, – без особого восторга похлопал великан Валбура по плечу. – Ты неплохо дерёшься, насколько об этом может судить рыбак. Для фолдита, я имею в виду, – добавил он с улыбкой. – Потому что у рыбака всегда в запасе есть новые сети.

– Это угроза? – уточнил Валбур, поднимаясь.

– Это жизнь, братец.

На мгновение Валбуру захотелось съездить обоим собеседникам по их насмешливым физиономиям, однако он сдержался, понимая, что сейчас в нем говорить скопившаяся за день усталость. Зла они ему явно не желали. Просто подначивали, как умели, и смотрели, что из этого выйдет. Рыбаки, одним словом...

– Ну, что теперь? – спросил он, когда они вышли на улицу и вдохнули чистый морозный воздух ночи. – Спать?

– А ты предлагаешь прогуляться? – поинтересовался сзади знакомый голос, и, оглянувшись, Валбур узнал зябко кутающегося в накидку Бокинфала.

– У тебя в горле дырка, – напомнил Гаррон, намекая на не слишком удачный исход его поединка на мечях с Рэем.

– У тебя тоже есть дырка, – не моргнув глазом, ответил юноша. – Через которую ты делишься с землей своей ежедневной трапезой.

Дэки оценил шутку и хохотнул, шлепнув раздосадованного приятеля пониже спины.

– Гулять тут, похоже, особо негде. – Валбур бросил взгляд на заборные факелы, обступившие их со всех сторон. – А за ворота выходить дозволено?

– Кому как. – Сейчас стало заметно, что Бокинфал и в самом деле придерживает накидку у раненой шеи. – Если тебя выбрали на «кровь героев», то лучше не рисковать.

– А ты про это откуда знаешь? – удивился Дэки.

– Про что именно? Что Ротрам не любит, когда мы хотим по собственному желанию отлучиться? Или что наш новый друг был избран? В обоих случаях ответ один – догадался.

Длинные пряди скрывали лицо Бокинфала будто капюшоном. В раскосых глазах горели искорки от факелов. Рта видно не было, но Валбур представлял, что он улыбается с чувством превосходства над собеседниками, которые и читать-то наверняка толком не умели, не говоря уж о том, чтобы записывать череду тех или иных важных событий, чем изо дня в день занимались его прежние собратья в замке. Бывший писарь по-своему нравился ему. Ещё и потому, что отменно владел мечом, несмотря на недавно полученное ранение. Всё-таки от руки учителя...

– Какая разница, избран я или нет?

– Никакой. Для тебя. – Бокинфал легко соскочил с приступки крыльца на снег и оглянулся, словно приглашая желающих следовать за собой. – Но не для тех, кто собирается делать ставки. Или уже сделал. Кто знает, а вдруг ты с ними договоришься, и они возьмут тебя в долю? Ротрам будет очень рассержен. А уж про тех, кто стоят над Ротрамом, и говорить не приходится.

– Пустобрех, – махнул рукой Гаррон и направился налево, в сторону их избы.

Дэки замешкался, но ненадолго и последовал примеру товарища.

Они остались одни, если не считать тех, кто выходили на улицу следом, посвежевшие и довольные после сытного ужина, громко обсуждавшие события прошедшего дня и слишком веселые для людей, которым вскоре предстояло пролить свою и чужую кровь.

– Ты упомянул тех, кто стоит над Ротрамом, – напомнил Валбур, присоединяясь к Бокинфалу, который, не спеша, двинулся через двор в другую сторону. – Разве такие есть?

– Верхушки есть только у деревьев, – последовал неопределенный ответ, заставляющий призадуматься. – Но и над ними – небо.

– Где ты научился так владеть мечом?

– Так? – Бокинфал остановился и отнял накидку от шеи. Даже при свете факелов стал отчетливо виден шрам. – Так каждый может.

– Я привык судить о других по себе.

– Напрасно. Ты никогда не станешь бойцом. Если не будешь стремиться к совершенному совершенству.

– Совершенное совершенство? А оно есть?

– Ты видел Тису?

Вопрос застал Валбура врасплох, и он не нашел ничего лучшего, как кивнуть.

– Вот она – совершенство! – закончил юноша свою мысль.

– В каком смысле?

– В женском. Во всех. Сейчас мы идем к ней. – Бокинфал запахнул накидку и ускорила шаг.

– Но... она в трапезной.

– Там её сестра. Они близняшки. Ты не знал? – Он присмотрелся к пораженному этой новостью Валбуру и рассмеялся: – Вижу по твоим глазам: ты уже прикидываешь, как это будет, если оказаться в баньке с ними обеими. Спешу тебя огорчить: Тина в эти игры не играет.

– Её зовут Тина?

– Как ты догадался?

– Я серьезно.

– И я серьезно. Да. Тина и Тиса. Или лучше – Тиса и Тина. Замечательные сестренки! Одна прекрасно потакает мужским вкусам изнутри, другая – снаружи. Ты ведь не мог не заметить, как прекрасно Тина готовит?

– А почему ты так уверен в том, что Тина не ходит в баню?

Смех Бокинфала превратился в хохот. Валбур спокойно ждал.

– Ты умнее, чем я предполагал, фолдит! Разумеется, сестрёнка Тисы запросто может её подменить в бане, а та её – на кухне. И мы про это едва ли когда-нибудь догадаемся. Если не знать некоторых мелких деталей. С первого взгляда вообще никакой разницы нет. Правда, если Тиса начнет готовить вместо Тины, полагаю, кто-нибудь это заметит. По вкусу. Но я же сказал, что ты никогда не встретишь их там вместе. А вообще-то Тина, по-моему, ещё бдльшая чистюля, чем Тиса. Она раньше в таверне неподалеку от рыночной площади трудилась. Слышал, её не хотели отпускать.

– Случайно не в «Лихом воробье»?

– Ого! Откуда ты знаешь?

– Догадался.

Бокинфал перестал смеяться и глянул на собеседника из тени волос если не с уважением, то с любопытством.

– Да, ты прав. Ротрам любит туда захаживать. Собственно, он Тину к себе, насколько мне известно, и переманил. А когда обнаружил, что у той есть сестра-близнец, быстро нашел занятие и для Тисы.

Валбур в это время размышлял о том, как же хорошо он поступил, что за ночь не успел влюбиться в Тису и променять на неё Феллу. Сестра Тома сейчас сделалась для него ещё более желанной. Конечно, у неё много друзей, думал он, однако нет ничего зазорного в том, что она развлекает их своими песнями под линги. Тогда как Тиса, похоже, не гнушается никем из той своры бойцов, с которыми он провел сегодняшней долгий день. И их она развлекает собой. Тиса мила, у неё этого не отнять, и соблазнительна, и доступна... но нет, она доступна даже слишком, а потому не может вызывать у него, у Валбура, таких же чувств, как далекая Фелла.

– Кроме того, – продолжал Бокинфал, минуя вход в баню и обходя избу с угла, – у Тины есть муж, и это многое меняет.

– Муж?

– Ты снова удивлен?

– Да нет... Случайно не ты?

– Снова догадался?

– Ты?!

– Нет, конечно. – Бокинфал подошел к маленькому крыльцу с той стороны избы, где чадил всего лишь один тусклый, почти догоревший факел, и постучал. Валбур отметил, что стук не обычный, условный. Машинально запомнил. – Ты с ним сегодня не стоял в паре. Но завтра, если пожелаешь, я тебе его покажу. Отаном кличут. Плохой боец. Ротрам его пригрел исключительно ради Тины. Едва ли его когда-нибудь выставят на «кровь героев». Так что можешь сам судить о том, насколько Ротраму важна добрая кормёжка: ради одной Тины платит за троих. Правда, Тиса – тоже вещь нужная в хозяйстве. А вот и она.

За отворившейся дверью стояла та, о которой они говорили. В легкой рубахе до пола и с туго стянутыми на хорошенькой головке волосами. В руке – толстенькая свечка с мета-

ющимся огоньком. Воск свечи капал на подол платья, застывая причудливым островком. Неужели это не она только что разливала по их кружкам свой напиток?

Тиса вопросительно посмотрела на Бокинфала, кивнула Валбуру и отступила вглубь темной избы.

Они вошли, по очереди кланяясь под низеньким косяком.

Это была не баня, хотя воздух стоял влажный и теплый, гораздо теплее, чем сейчас у них в спальнях. К запаху струганных бревен примешивался аромат чего-то нежного и волнующего. Так пахло у них в туне в избах, где умирал отец семейства, оставляя после себя жену и дочерей. Запах отсутствия мужчины. Валбуру он нравился, но почему-то заставлял смущаться. Тем, наверное, и нравился.

– Мы тебя случаем не разбудили? – Бокинфал по-хозяйски сбросил накидку на маленький сундучок возле двери.

– Кто это тебя так? – сразу заметила девушка.

– Есть на свете один человек, которому я иногда готов поддаться. Хотя нет, два. Ты вторая.

– Вы меня не разбудили, но много времени я вам сегодня уделить не смогу.

– Гости?

– Не твое дело, дорогой.

– Прекрасно! Нам много и не надо. Особое внимание удели моему новому другу. Если твои умелые ручки не сделают свое дело, он нынче так наломался, что завтра вообще не встанет.

Тиса посмотрела на Валбура и пожала плечиками:

– Располагайтесь.

– Интересно, куда она спешит? – задумался вслух Бокинфал, когда они прошмыгнули за тяжелую кожаную занавеску и оказались вовсе не в помещении бани, как можно было предположить, а в уютной комнатке с тремя лежаками, накрытыми притягательным мехом.

Понравившийся Валбуру запах чувствовался здесь слабее, однако было в окружающей обстановке нечто, что заставило его ноги приятно ослабеть, а живот – напрячься.

– Не стесняйся, приятель. Мы тут все свои, – продолжал говорить Бокинфал, с равнодушным видом раздеваясь прямо посреди комнаты и укладываясь лицом на центральный лежак. – Выбирай любой. Будет хорошо.

В последнем Валбур совершенно не сомневался. По примеру юноши он снял с себя всё, взгромоздился на мех, расслабился и понял, что лежать на животе становится все более неудобно. Но это было естественное неудобство.

– Готовы? – послышался голос Тисы снаружи.

– Ты даже не представляешь как, – пробубнил Бокинфал, упираясь подбородком в твердую поверхность и хитро косясь на Валбура. – Заходи, прелесть наша!

Сзади прошуршали легкие шаги.

– Руки вытяни вдоль тела.

Вдоль какого тела, хотел было спросить Валбур, но живительное прикосновение сильных пальцев к усталым икрам быстро заставило его собраться с мыслями. Он закрыл глаза, предпочитая отдаться пока что сумбурным чувствам, нежели оставаться наблюдателем. Пальцы мяли его мышцы, иногда причиняя почти боль. Они неотвратимо поднимались все выше и выше, пока ни дошли до тех мест, которыми не принято поворачиваться к противнику.

– Посильнее, – сказал Бокинфал.

Валбур изумленно открыл глаза и увидел прямо напротив своего, вероятно, покрасневшего лица тоже ягодички, только женские, волнующе обтянутые белой, коротенькой юбочкой, в которых в тунах обычно бегают по дому маленькие девочки. А кто же тогда массирует ноги мне, задумался он. Поворачиваться было лень. Спросить он не догадался. Так и лежал,

то открывая, то закрывая глаза, принохиваясь и прислушиваясь, подчиняясь тихим приказам и дожидаясь того момента, когда можно будет перевернуться на спину.

Он почти заснул, когда кто-то легонько похлопал его по плечу. Начал осторожно поворачиваться, представляя, каким кретином выглядит со стороны.

Над ним склонилась Фелла...

Нет, ему это только так показалось в первый момент из-за того, что у девушки были такие же роскошные, почти рыжие волосы. Не те глаза с крылатыми бровями, не тот рот... Губы даже чуть более пухлые, чем нужно. Взгляд нагло-обрадованный.

– Вот это мужчина, – сообщила через плечо своей подруге незнакомка и сразу же ухватила обеими руками за то, что было к ней ближе. – Вот это я понимаю.

Что именно она понимала, осталось для Валбура неразрешимой загадкой.

В себя он пришел не сразу, а постепенно, и поначалу подумал, что лежит в одиночестве. Так ему, наверное, хотелось думать. Однако Бокинфал был рядом, на лежаке, он сладко потягивался и зевал. Заметив пробуждение приятеля, сел, свесив ноги, и расплылся в широченной улыбке.

– Понравилось?

– Пока не знаю...

– Ладно, потом поблагодаришь. Даже из старичков не все тут бывают. У Ротрама в хозяйстве много мест неизведанных. Не для меня, конечно.

– Кто это была?

– Тиса. Не узнал что ли?

– А с ней кто?

– Ты про рыжую? – Бокинфал понимающе причмокнул. – Она тут из всех самая горячая. Слышал, её предками были шеважа, которые ещё в бытность Гера Однорукого²⁷ к нам в плен попали. Но девчонка хороша получилась. Никого не боится, стыда в ней ни на грох, что с кем хочет, то и вытворяет. Ротрам её как-то даже в комнате запер, помнится, чтобы посидела и одумалась.

– В своей? – уточнил Валбур, со вздохом садясь.

– Если бы. Он у нас человек весьма порядочный и ничего лишнего себе не позволяет. Недавно почти женился.

– В который раз?

– На моем веку – в первый.

– А ты давно с ним знаком?

– С Ротрамом то? – Бокинфал встал с лежака и принялся лениво одеваться, снова хитро поглядывая на собеседника, который не без труда последовал его примеру. – Да уж порядочно. Ещё в мою бытность в замке познакомились. Собственно, из-за него я и решил сюда податься. Сперва как писарь. Ему человек понадобился, чтобы записи вести, по хозяйству и так, для потомства.

– Потому-то ты все тут и разноухал?

– Можно и так сказать. – Он подошел к кожаной занавеске, показывая тем самым, что пора уходить. – Хотя я не любопытный. Просто внимательный. – Прислушался. Выглянул наружу. – Какая прелесть!

Мимо него в комнату вошла Тиса. Обнаженная, босиком, с подносом в руках. На подносе стояли два глиняных кубка. Улыбнувшись Валбуру, она поставила поднос на лежак и повернулась, чтобы удалиться.

– Это нам? – Бокинфал ласково удержал её за локоть.

– А разве тут ещё кто-то есть? Пейте, лучше спать будете.

²⁷ Правитель Вайла'туна, отец Ракли

Девушка нисколько не смущалась, отчего казалось, будто не она, а они раздеты.

– Молоко с медом, – сообщил Валбур, забирая один из кубков и приносясь. – Такое детям перед сном дают.

– Не хочешь – не пей. – Тиса высвободила руку и поправила волосы. – Даром мил никогда не будешь.

– Это она о том, – пояснил Бокинфал, – что тут за все платит Ротрам.

– А вы, похоже, этого не цените, – добавила Тиса.

– Очень даже ценим, красавица. Уверен, что наш новый друг не унюхал ещё каких-нибудь травок, которые ты туда подмешала для остротки. Побудь с нами. Твое общество придает нам твердости. – Он попытался обнять её за плечи, но она ловко уклонилась и отступила назад. – Мы как раз о тебе говорили. Почему сюда никогда не приходит твоя Тина?

– Ей Отана вполне хватает.

– А чего не хватает тебе?

– Ну уж точно не тебя. – Она уверенно отстранила его руку, тянущуюся к её крепкой груди.

– А твоя рыжая подруга?

– Что?

– Ей тут нравится?

– Спроси её сам при случае.

– Ты же знаешь, что когда такой случай возникает, мне меньше всего хочется говорить.

Как её зовут, кстати?

– Кстати её зовут Шори.

– Очень мило! Наверное, на дикарском языке это означает «Пожар между ног» или «Каменная попка».

– Вообще-то она говорила, что это означает «Я дам тебе в зубы, если не перестанешь пороть чушь».

– Красивое имя.

– Ещё бы!

Разговаривая, они улыбались друг другу, и Валбур понимал, что для них все это просто забавная, ни к чему не обязывающая игра, которая приятно будоражит и развлекает, одновременно рождая и снимая напряжение. Он даже позавидовал Бокинфалу, потому что сам никогда бы не смог так запросто общаться с симпатичной да ещё и полностью раздетой девушкой, делая при этом вид, будто ничего не происходит. До сих пор отсутствие одежды на редкой собеседнице означало для него только одно, и это одно вовсе не предусматривало подобных разговоров.

Если в принесенный напиток и были примешены какие-то травы, то он их не ощущал. Выпил залпом и поставил кубок обратно на поднос. Молоко было почти горячим, мёд – прилично сладким. В сон не потянуло, но стало повеселее. Кабы не Бокинфал...

Если тот до сих пор не знал имени дикарки, видать, она здесь недавно. Да уж, чего только на свете ни происходит! Вот бы выведать, каким образом все эти столь разные люди собрались под одной крышей! Быть может, по сравнению с их историями его собственный путь сюда покажется занудной заурядностью.

– Вам пора идти, – заметила Тиса. – Да и нам спать пора.

– Ещё гостей ждете, – предположил Бокинфал, чем вызвал бурю негодования. – Ладно, ладно, я пошутил!

Девушка вытолкала его взащей, пинками и подзатыльниками. Все остались довольны.

До своей избы они шли молча. После расслабляющей жары на женской половине зимняя ночь показалась им ледяным безумием.

Когда приблизились к крыльцу, Валбур спохватился:

– А почему ты сказал, что Ротрам «почти» женился? Что помешало то?

– Понятия не имею. – Юноша толкнул плечом дверь и вошел в веселый хоровод ещё горящих лучин. – Веста²⁸ у него была симпатичная. Кади её звали. Внучка одной местной сумасшедшей, о которой ты едва ли слышал. Закра – ничего это имя тебе не говорит?

– Вроде нет.

– Старуха ещё жива. – Он свернул на лестницу. Сверху раздавались голоса отходивших ко сну бойцов. – Пророчица она. Рассказывают, падение рода Ракли она предсказала и ещё много всего страшного любит наговаривать. А Кади это мало того, что из себя ничего была – я её сам пару раз видел – так ещё врачевать прекрасно умела.

– И что Ротрам с ней не поделил?

– А вот это мне как раз и неизвестно. Если будет желание, сам его спроси. Кажись, ты с ним накоротке.

– Ну, я бы не сказал...

Они уже поднялись на второй этаж. Валбуру казалось, что он помнит комнату, в которой провёл прошлую ночь. Он прошел по коридору до дальнего конца, однако, похоже, обознался, потому что на его кровати уже кто-то спал. Бокинфал молча исчез, свернув к себе. Валбур попытал счастья в соседней комнате. Там он обнаружил Гаррона и Дэки, которые при виде него сели на подушках и поинтересовались, куда он запропал.

– Воздухом дышал, – неуклюже соврал он, не собираясь точить с ними лясы.

– Заблудился что ль?

– Не без этого...

– Так тебя к Отану подсадили, – сказал Дэки. – Он уж дрыхнет, небось.

– Это куда мне теперь?

– Отсюда направо и через комнату, – зевнул Гаррон. – Храп слышишь?

Храп и вправду доносился из того самого помещения, где наконец обнаружилась свободная кровать. Делать было нечего. Памятуя об утреннем холоде, Валбур лег, не раздеваясь. Нельзя сказать, чтобы он любил зиму, но лучше укутаться одеялом, чем ночная жара с кровожадным комарьём и наглыми мухами летом.

Прислушиваясь к храпу, он размышлял, почему это Отан спит здесь, со всеми, а не с родной женой. У них в туне мужья тоже частенько укладывались отдельно от своих супружниц, но так было принято в многодетных семьях, где уже не были рады наследникам или если женщина оказывалась нечиста. Видать, у Тины эти дни тоже неподходящие. А может, того требовала подготовка к будущему выступлению на «крови героев»? Не зря же считалось, что близость с женщиной накануне важного события не сулит ничего хорошего. Правда, сегодня им не пришлось днем пересечься, и Валбур не знал наверняка, годится ли Отан в соперники, однако едва ли Ротрам стал бы держать его, будь он так плох, как о нем недавно отозвался Бокинфал. Если отбросить незначительные детали, Ротрам производил на Валбура очень хорошее впечатление: хозяйственный, прямой в обращении, правильный, явно не трус и не наглец, как можно было бы предположить, зная о его немалом состоянии. Даже в туне у них водились такие, а ведь там силфурами не особенно разживешься: вся жизнь на глазах у соседей проходит. Ротрам даже чем-то напоминал ему Артаима, их аола, который вот уже много зим, столько, сколько помнил себя Валбур, сурово, но справедливо правил их туном и пока не собирался на покой. Артаим был раза в два старше Ротрама. Такое же выразительное, сплошь изборожденное морщинами лицо, седая окладистая борода, живые глаза, в которых как будто всегда отражалось безоблачное небо. Разве что волосы у Ротрама вились и украшали голову густой копной, а у Артаима они были редкие, прямые, собранные на темени в длинную косу, которую

²⁸ Веста – знающая женщина, созревшая для семейной жизни. Невеста, напротив, для создания семьи не готова. Из попыток создать семью с невестой получается брак. Соединение с вестой считается достойным венцом.

он имел обыкновение убирать под ворот рубахи. Артаим тоже всячески потворствовал молодецким игрищам фолдитов, особенно в последнее время, когда заметно подняли головы собиравшиеся где-то по окраинам пограничья дикари. С наступлением зимы их дерзкие вылазки сами собой прекратились, однако слухи ходили разные, и Артаим сознательно давал тем, кто мог и хотел носить оружие, возможность проверять свои силы. Если Валбур чему-нибудь здесь научится, но не проявит себя достойным бойцом на «крови героев», его новые навыки не пропадут, и Артаим в любом случае останется довольным. Нехорошо, конечно, что он остался здесь, никого из своих не предупредив, но всегда всё можно будет свалить на каркер – его поймут.

Мысль о каркере снова захлестнула его воспоминаниями о Фелле, её красоте, её игре на лингах и исполненных тайного смысла песнях. Имеет ли он право так быстро забывать о ней и не стремиться снова встретиться? Носит ли она его варежки? Вспоминает ли? Или какой-нибудь Кендр, этот рыночный торговец оружием, увлек её своими разговорами настолько, что она сегодня вечером сама пригласила его к себе или отправилась к нему в гости, оставив дом на глупого брата. Нет, Том был очень даже не глуп, но он явно не стал бы отговаривать сестру, если бы она призналась, куда идет. Для них обоих Валбур сейчас сидел под замком и спасти его не представлялось возможным. Или Ротрам им сказал? Нет, Ротрам, конечно, вряд ли, ему не до этого. О его счастливом избавлении мог им сообщить разве что Биртон, но станет ли он это делать? В Малом Вайла'туне Валбура ни на мгновение не покидало чувство, будто с любой стороны, от любого самого приветливого и улыбчивого собеседника здесь можно ждать подвоха. С какой стати Биртон, который сам мог не быть равнодушен к Фелле, станет рассказывать ей о его спасении? Только если захочет прихвастнуть о своих связях и возможностях. Какой ему смысл лишний раз напоминать ей о не слишком удачливом ухажере? Хотя, кто знает, Валбур вёл себя в гостях достаточно замкнуто, чтобы прослыть таковым: что Биртон, что Кендр, едва ли они сочли его достойным соперником. Интересно, что всё-таки Фелла подумала о нём? Помнит ли? Носит ли варежки? Если носит, то вспоминает. Если только ей кто лучше и краше ни подарил. Ведь не думает же он, будто повидал всех её друзей и поклонников. Мало ли где она пела. Может, и сейчас кого-нибудь развлекает...

Последняя мысль уколола его в самое сердце и заставила перевернуться на правый бок.

Между тем храп прекратился. Отан теперь лежал на спине и смотрел невидящими глазами в потолок. В этот неурочный час он тоже думал о женщинах. Вернее, о женщине.

Они уже третий день не разговаривали. Тина оскорбила его, уязвила в самое сердце. Она не имела на это право, пусть хоть и сто раз права, что он живет здесь исключительно благодаря ей. Можно подумать, что он с утра до ночи не корячится вместе со всеми, тягая бревна и рискуя в любой момент оказаться без носа или без зубов. Ну и что с того, что сегодня Рэй не подошел к нему, как к другим, и не сказал, чтобы он готовился к состязаниям? Не всем же выпадает такая честь. Вон этот новичок... как его, Валбур... тот явно ходит у Ротрама в любимчиках и скоро будет драться на фэлде. Ему же хуже. С оружием он определенно не в ладах. Пусть раньше времени не радуется. Ему, Отану, все это как до небес. Напрасно Тина потащила его с собой. Соскучилась, видите ли! Да и он хорош: размяк на заставе без жениного общества, а когда вернулся незадолго до зимы и узнал о том, что дома творится, позволил уговорить себя не возвращаться в Пограничье. Не знала она разве, что он ничего толком не умеет, кроме как из лука по куропаткам стрелять да костер быстро разводить? Кому он такой тут нужен? Виггеров стало как свиней нерезаных. Застав по всему Пограничью понаставили, народ туда подался, а как сейчас шеважа подналегги да ещё огоньку добавили, так мир меняться начал, опасностей на свою шкуру никто ведь не ищет. Вот и стали заставы не то чтобы бросать, а стараться туда не возвращаться по доброй воле. Из их вон дружины ещё трое, кроме него, дома остались. У одного отец умер, надо хозяйство было поддерживать. Другой к брату-пекарю в помощники подался, изголодался поди. Третий, сказывали, умудрился ногу поранить

и теперь с палкой ходит. Может, и правда, а может, притворяется. В Пограничье-то нынче лихие времена настали. Незадолго перед возвращением им самим две атаки дикарей отражать пришлось. Дожди помогли: бревна, в которые запальные стрелы попали, не принялись, пожар потух, так и не начавшись, а стрелять с рант²⁹ из луков да арбалетов виггеры пока не разучились. Однако двоих за два штурма они все-таки потеряли. Одному стрела шеважа угодила прямо в глаз, и он умер не сразу, в диких мучениях и конвульсиях. Отан не мог справиться с дрожью, когда вспоминал, как пытался помочь товарищу, понимая, что безсилен перед длинными лапами Квалу. Искаженное болью и ужасом лицо, залитое слезами и кровью, навсегда отпечаталось у него в памяти, так что когда Тина сообщила, что получила место стряпухи на кухне богатого эделя и хочет, чтобы Отан последовал за ней, он возразил только ради приличия. Пограничье перестало его привлекать, как манило в юности, когда он по молодости считал, будто служба на заставе – вот дело, достойное мужчины, а тем более мужа такой красавицы, как Тина. В то время ещё можно было брать домочадцев с собой. Не успел он жениться, как Гер Однорукый, отец Ракли, последнего законного правителя Вайла'туна, наложил на эту вольницу строжайший запрет, и оказалось, что Отану придется отправляться в Пограничье одному. Надо отдать должное Тине: она исправно его ждала, не поддаваясь дурному влиянию своей безпутной сестры, Тисы. Во всяком случае, так ему казалось, пока он коротал долгие ночи на рантах или в дозоре на заставной башне, откуда открывался вид на зеленый лесной ковер и другие такие же башни – в недостижимом отдалении. Он дважды уходил и дважды возвращался, однако в последний раз в нём что-то сломалось, и он согласился на доводы жены, которой тоже, вероятно, надоело переживать из-за его врожденной подозрительности и отвечать на сцены ревности покорностью и лаской. Оставшись дома, он первое время сильно и искренне переживал, ощущая себя предателем перед товарищами, пока в замке ни случилось то, что случилось: Ракли обвинили в измене и свергли с трона (хотя доподлинно неизвестно, был ли у него трон, но уж что делать, если так говорится), а службу в Пограничье стали называть не иначе как глупостью и никчемным геройством. Отан даже поразился, как быстро люди склонны менять своё мнение. Раньше заставы были их гордостью, честью и защитой. Теперь же про них старались почти не вспоминать. Почему-то все дружно решили, будто растущая наглость шеважа – вина самих вабонов, которым совершенно не стоило лезть в Пограничье и беречь старые раны, зарубцевавшиеся в лучшую пору правления всё того же Гера Однорукого. Отан этих взглядов не разделял, шумно спорил в «Лихом воробье», куда частенько зааживал приглядеть за женой, но повлиять на мнение запуганных собеседников не мог. А скоро и сам заразился их нежеланием смотреть «дальше собственного плетня», как выражалась его Тина. Быть сторожем при жене ему совершенно не улыбалось, и он с удовольствием принялся бы, например, за охоту, но занятие это не зимнее, так что мысль о добыче мяса на продажу пришлось отбросить. Как-то раз Тина попросила его выручить сестру, которая жила отдельно, в избе покойных родителей, и зарабатывала тем, что принимала у себя дома соседей, которым требовалась помощь с больной спиной, ногой или ещё каким мышечным недугом. Считалось, что у неё хорошие руки, и она умеет лечить массажем слабых мест. Как оказалась, не все соседи приходили к ней скрюченными и не всех интересовали её умелые пальцы. Точное подобие Тины, Тиса привлекала внимание многих мужчин и не чуралась их общества. Некоторым приходило в голову, что за деньги она готова оказать им не только лечебные услуги, и они осаждали её избу с весьма откровенными предложениями. Ошибка Тисы заключалась в том, что кое-кому она пошла навстречу, и об этом скоро стало известно остальным. Всех же принимать она не могла и не хотела. По зову жены Отану пришлось за неё заступиться. Тиса сочла в порядке вещей пококотничать и с ним, он чудом не поддался и зарубил на носу, что Тиса – непростая штука. Оказалось, Тина всё про неё знает и даже не упрекает. Это обстоятельство

²⁹ Рант – оборонительная галерея на внутренней стороне стены

покорбило Отана. Он отчитал жену и решил, что на том дело и закончилось, однако Тиса ничего не поняла и при случае снова повела себя с ним совсем не как с мужем родной сестры. Отан не сдался и честно рассказал обо всем жене. Надеялся, что теперь-то она порвет с Тисой, и они заживут в мире и согласии. Каково же было его негодование и возмущение, когда обнаружилось, что Тина по-прежнему благоволит к сестре и нисколько не ревнует мужа. Она даже не оценила его честности. Тогда он решил ей изменить, но у него ничего из этого не вышло. Работавшая вместе с женой в «Лихом воробье» разносчица Нида так и не позарилась на него, хотя однажды ему удалось выманить её на свидание и признаться в обуревавших его плотских желаниях. В ответ ему было сказано, что он не на ту напал (хотя он не напал, а просто обнял её одной рукой за податливую талию), а невинные поцелуи, пусть и в губы, ничего ровным счетом не значат. Ему бы смекнуть, что Нида ждет от него более весомых предложений и никогда не откажется от лишних силфуров, однако он проявил наивность и послушно снял осаду. Нида проговорила, Тина все узнала, закатила ему нешуточный скандал, а ещё через день заявила, что они запирают дома и переезжают на постой к богатому торговцу оружием и устройтею новых состязаний «кровь героев» по имени Ротрам, которому понадобилась хорошая стряпуха, поскольку, с одной стороны, тот любит поесть, а с другой, вынужден быть избирательным, так как его частенько мучают боли в желудке. Тиса ехала с ними. Будет делать там то, что лучше всего умеет: ублажать грубых воинов, поддерживая в них боевой дух. Тина выразилась, конечно, не так, но Отан вслух перевёл её слова, за что получил звонкую пощечину и восхитился непоследовательностью любимой жены. Если бы они с сестрой были разного возраста или хотя бы не походили друг на дружку как две капли воды, он бы давно смирился и стал таким же спокойным, каким был до свадьбы. А так его постоянно преследовало чувство, будто все здешние обитатели потешаются над ним, потому что, общаясь с открытой для всех и каждого Тисой, они легко могут себе представить, что перед ними вовсе не она, а его Тина, такая же милостивая, стройная и нежная. То, что это именно так, он знал не понаслышке. Однажды сестры подшутили над ним, и он к стыду своему не смог их отличить. Подобное баловство Тина почему-то изменой не сочла.

– Ты ведь думал, что находишься со мной, – только и сказала она тогда, одарив его хитрой улыбкой.

И вот три дня назад после ужина он снова завел с ней неллицеприятный разговор по поводу себя, её и их любимой во всех отношениях сестры, на что Тина надула губки и велела ему перестать пороть чушь и, если он хочет пользоваться благами её общества, заткнуть ревность себе в одно место. Как раз за тем ужином он заметил, что она слишком долго задерживается у стола напротив этого выскочки, Бокинфала, бывшего писаря, неизвестно за какие подвиги оказавшегося в доме Ротрама. Когда он поставил ей это на вид, она топнула ножкой и заявила, что имеет право разговаривать с кем угодно и когда угодно и что его дурь ей не указ. Насчет дури она переборщила, и Отан не сдержался и наговорил лишнего. Теперь он в этом раскаивался и не мог как следует заснуть, а поздний приход с улицы совсем не желанного соседа окончательно испортил ему настроение.

Что если он ходил к Тине? Она жила в главной избе, а не на женской половине, где баня, но какая разница? Ротрам же не будет следить за своими стряпухами и их друзьями и родственниками. В своем доме он разврата не потерпит, но разве не он придумал, чем занять Тису? Может статься, что и Тине дополнительное дело подыскать решил. Тэвил! Ну почему он не сдержался? Сейчас спал бы с женой и плевать хотел и на её сестру, и на новых соседей.

Он прислушался. Сосед ворочался. Видать, вспоминает, как ему недавно было хорошо. Тэвил! Тэвил! Сам Отан в баню старался не ходить, умывался как следует по утрам. Правда, он недавно прослышал, что Тиса теперь хозяйничает там не одна, что у неё появилась новая товарка да к тому же рыжая, из дикарок. Вот это правильно! Пусть дикарские выродки этим промышляют. Они лучшей участи не достойны. Должны знать свое место. Мужики, правда,

отзывались об этой Шори с восторгом. С Тисой в его присутствии не сравнивали, но он прекрасно знал, о чем они думают. Ну и пусть! Во всяком случае, кроме него, ни у кого тут жены нету. И он совсем не худший из бойцов. Завтра он всем им это докажет. Особенно Бокинфалу. Красавчик решил, будто он главный. Эх, жаль, что луками здесь нельзя пользоваться! Точности Отану не занимать. Надо бы Ротраму при случае подсказать. Состязания на точность могут быть ничуть не скучнее рукопашных поединков и боев на мечях. Уж он бы это доказал! Не зря же именно ему доверяли самые сложные караулы на башне, когда требовалось все вокруг видеть и в случае чего – стрелять наверняка.

Утомленный подобными мыслями, он заснул, и ему приснился ужасный сон. Будто с той стороны Бехемы на них надвигается громадное чудище. Такое огромное, что спокойно ступает в бурные воды длиннющими ножищами и нисколько не проваливается. А ножищ у него не то шесть, не то ещё больше. Тельце высоко под облаками. Одним словом, паук. Задел он ненароком замок лапой, стены так и осыпались. А он не замечает, что-то пищит громовым писком и дальше прётся. Отан же сидит на башне где-то посреди Пограничья и наблюдает. Потому что стрелять и кричать бесполезно. Пауцищу все видят, а сделать ничего не могут...

– Вставай, приятель!

Это был улыбающийся сосед по коморке, Валбур.

– Ща, – буркнул Отан, укрываясь с носом одеялом.

Валбур не собирался дважды его упрашивать. С него хватило храпа этого увальня, который не давал ему всю ночь как следует выспаться. Он даже слышал, как храп прервался стоном и затих до утра, наступившего слишком быстро.

Рэй стоял при входе в залу и встречал каждого сильным рукопожатием. Он заглянул в глаза Валбуру и кивнул, вероятно, увидев в них то, что ожидал. Сам же Валбур ощущал, что услуга, оказанная ему давеча на женской половине, не прошла даром. Обычно, когда навозишься да натаскаешься за день, утром спину ломит и ноги заплетаются. А тут в ногах упругость, в голове ясность, в плечах и спине – приятная крепость. Он тепло поздоровался с Бокинфалом и поделился своими новыми ощущениями.

– Я вот тоже считаю, что иногда женщины могут нам пригодиться, – усмехнулся тот. – Хотя и здесь главное – не переборщить. Идём-ка разомнемся.

Поскольку Рэй не стал утруждаться лишними речами и призывами, они выбрали себе место подальше у стены, Бокинфал поднял толстое и короткое бревно, обитое по концам железом, гладкое, без ухватов, пристроил на сгибах локтей, встал напротив Валбура, присел, крикнул и бросил. Валбуру пришлось отступить на шаг, однако бревно он поймал, тоже принял на предплечья, выдохнул и откинул обратно. Через какое-то время, после десятка таких бросков у обоих гудели ноги, ломило спину и не разгибались руки.

– Ну что, пошли к твоей Тисе? – Валбур поставил бревно на основание и прищурился, слизывая с верхней губы пот.

Бокинфал показал жестом, чтобы тот помалкивал. Едва ли их, конечно, кто услышал: все занимались примерно тем же, громко кряхтели, стонали и подбадривали друг друга.

Несколько раз за утро Валбур поглядывал на палку Рэя, воткнутую в пол и показывающую своей тенью, сколько ещё времени осталось до конца разминки. Казалось, тень никуда не движется, решив над всеми поиздеваться.

Сейчас, когда Валбур уже знал большинство присутствующих, он отметил, что все они отличаются отменной силой. Тот же Бокинфал, потный и блестящий, с налитыми мышцами, совсем не производил впечатления бывшего писаря, скорее кузнеца, причем далеко не средней руки. Трое или четверо собрались в центре залы и устроили состязания, кто больше раз поднимет себе на плечи здоровенное бревно и присядет с ним. В итоге победил не кто-нибудь, а его сосед Отан, причем среди спорщиков был сам Гаррон. Похоже, тут один другого стоил.

Умывание и обед ничем от вчерашних не отличались. Только Тиса, вернее, Тина почему-то явно избегала мужа, а тот настойчиво делал вид, будто занят разговором с Логеном. Бокин-фал демонстративно отсел подальше и стал слушать, что ему говорит вечно словоохотливый Дэки, а Валбуру в собеседники достался Авит.

Юноша, похоже, почувствовав родственную душу, снова излил на Валбура теперь уже во всех подробностях горестную историю расставания со своей возлюбленной, которая поддалась мерзким чарам зачистившего к ним фра'нимана. Валбур слушал вполуха и встрепенулся лишь тогда, когда Авит назвал её по имени – Эша.

– Полненькая такая? Глазастая? – переспросил он, вспоминая жену Буллона, с которой познакомился в гостях у Феллы.

– Глазастая – да, пожалуй, так можно сказать, – удивился Авит. – Но не полная. Скорее, худая.

– У неё ещё коса тугая, вокруг головы уложенная.

– Случалось...

– А давно это было? Ну, размолвка ваша?

– Ничего себе размолвка! Она меня бросила, будто ничего между нами не было. На денежки позарилась. Так ты что, видел её?

– Её, не её, не знаю, а вот одна Эша мне точно знакома. Только она полноватая и замужем вовсе не за фра'ниманом, а за свером.

– Никогда не думал, что имя Эша пользуется успехом, – заметил Авит. – Неужели это все-таки она? Когда ты её видел?

– Да дня два назад. В тот самый день, когда меня в каркер заграбастали.

– Может, это она и была, только... – Авит невесело задумался. – Полная? Может, она ребенка ждет... Но почему свер?

Валбур видел, что разговор режет собеседника по живому, и пытался сменить тему, однако тот лишь вздыхал и продолжал беречь свои душевные раны. Валбуру вспомнилось, как Авит сам ему рассказывал, что произошло это прошлой зимой, и он невольно обратился мыслями к своей единственной по-настоящему возлюбленной, которую схоронил уж зим десять как, но так не мог позабыть до сих пор.

Её звали красивым именем Лана. Они были близки недолго, она была слишком молода, неопытна, но быстро изучила язык любви и всем своим естеством обещала ещё много зим полных радости и счастья, когда случилось то, что случилось: на празднике, куда они специально приехали из туна, чтобы развлечься, один охотник вывел к народу настоящего живого медведя, которого, как он рассказывал, ему удалось похитить из берлоги ещё крохотным медвежонком. Медвежонок вырос, научился выделывать всякие потешные проказы, а заодно набрался сил и наглости. В тот день, вероятно, охотник то ли забыл его как следует покормить, то ли решил наверстать упущенное потом, в качестве награды за выступление перед толпой. Только медведь посреди представления угрожающе зарычал, дернулся в сторону, легко вырвал из рук хозяйина веревку, за которую тот его придерживал, и бросился в самую гущу не успевших ничего понять людей. Кончилось это досадное происшествие большой бедой: Валбур оглушил медведя ударом поправшей под руку оглобли, почти раскроив ему череп надвое, но зверь успел ранить его в плечо, оставив на совсем не добрую память глубокие следы трех когтей, а Лана с перекушенной шеей упала замертво, чтобы больше никогда уже не встать и не приласкать своего спасителя. Медведя вскорости закололи, охотника тоже покалечили на славу, но Лану было уже не вернуть. Теперь она покоилась под раскидистой березой на опушке Пограничья неподалеку от их туна, а он, Валбур, как ни в чем не бывало сидел сейчас среди мало знакомых ему драчунов и думал о другой девушке, Фелле.

– Слышишь, чего я говорю? – ткнул его как раз в раненое плечо Авит.

– А?

– Заснул что ли? Я говорю, пошли, наши уже уходят, дела делать пора.

– Да, пошли...

Однако сегодня у него все выходило ещё хуже, чем накануне: несколько раз противники как следует съездили ему кожаными кулаками по физиономии, Логен очень ощутимо долбанул ребром щита по левому бедру, Эгимон чуть не выколочил глаз мечом, а Рэй, решивший встряхнуть обленившегося, как ему показалось, бойца, безжалостно намял бока увесистой дубиной. Правда, Валбур после этой взбучки пришел в себя и обрушил-таки всю свою накопившуюся злобу на учителя, которому в итоге пришлось останавливать бой и превращать свое очевидное отступление в шутку. Так что вечером, сидя на кровати, Валбур даже принимал поздравления зашедшего к нему по-соседски Бокинфала, хотя предпочел бы, не раздеваясь, вытянуться под одеялом и попытаться заснуть.

Появившийся на пороге Отан, завидев гостя, нахмурился, развернулся и ушел.

– Думает, я его женушку тискаю, – пожал плечами Бокинфал без тени сожаления. – Кстати, не отказался бы. Давно хочу сравнить её с сестричкой.

– Не говори ерунды...

– А что такого?

– У нас бы за такие словеса тебе мигом твое достоинство укоротили.

– Как хорошо, что я никогда не жил в туне!

Разговор не клеился. Бокинфал делал вид, что этого не замечает, и продолжал давать своему задумчивому собеседнику советы:

– Тебя почему сегодня Логен достал? Потому что ты ногу слишком сильно выставляешь. Нельзя этого делать. Рэй что говорит? Что когда ты с оружием и противник с оружием, бить надо не в тело ему и не в голову, а по тому, что он сам тебе подставляет, то есть по рукам и ногам. Это закон, если хочешь. Ты, судя по всему, на кулаках привык тягаться, а там да, самое простое – дотянуться до морды и вдарить как следует. Тут все тоньше. Похитрее надо быть. Не то на фэлде совсем тяжело придется. Руби сразу по рукам. Ушел от атаки – и сразу по рукам!

Бокинфал встал в стойку и показал с невидимым мечом, что имеет в виду. Валбур не сдержал улыбку.

– Но при этом и о себе нельзя забывать. Обрати внимание, особенно когда щит держишь. Все, что выступает дальше твоего щита, обрубается только так. Поэтому за ногами следи внимательно. И за его, и за своими. По его бей, а свои не подставляй. Когда ты с оружием, тем более с мечом, шаг должен быть короткий. Вот смотри!

Он прошелся по комнате, забавно, но определенно со знанием дела, быстро подволакивая заднюю ногу к передней.

– Ну-ка теперь ты попробуй.

– А чего тут пробовать...

– Давай, давай, походи!

Валбур неохотно поднялся и изобразил так, как понял. Получилось по-дурацки, однако Бокинфал остался доволен.

– Вот это запомни и больше не делать глупостей. Руки и ноги. Вперед, назад. Так, уже лучше! Хорошо. А если я на тебя мечом сверху? Что ты делаешь? Посмотри, что ты делаешь! Ты голову и плечи убираешь, а зад отклячил. И что получится? Его тебе одним махом обрубят. Бедра убирай в сторону, бедра! Если уберешь с пути меча бедра, плечи и голова сами уйдут.

Бокинфал говорил дело, причем на ошибки он указывал простейшие, а потому Валбур только и мог что удивляться, как он сам до этого не додумался. И почему Рэй обходил эти важные мелочи вниманием.

– Вперед чем нужно идти? Ну-ка атакуй меня! Опа! Сейчас я тебе только что руку отрубил. Ещё давай! А тут я тебя снизу ловлю. Считаю, подбородка у тебя уже нет.

Они сражались на невидимых мечях, производя со стороны весьма странное впечатление. К счастью, за ними никто не наблюдал.

– Почему я всякий раз успеваю до тебя дотянуться, а ты до меня – нет?

– Это ещё доказать надо...

– Если я тебе завтра утром это докажу, до «крови героев» ты не доживешь. Так почему? Думай?

– Иди ты...

– Потому что ты атакуешь не мечом, а либо ногой, либо рукой, либо, того хуже, головой.

Они у тебя вперед идут, а должно что идти? Меч! Остриё!

– Мне замах нужен...

– Пока ты будешь свой замах делать, я тебя в лицо уколою или кисть отсеку. Ну пусть не отсеку, так хоть порежу. И тогда тебе уже не до замаха будет. Поэтому меч – твой друг. И он должен идти впереди тебя. Всегда. Куда он, туда и ты. А не наоборот.

– Понятно.

– Надеюсь.

– Зачем ты мне всё это рассказываешь?

Бокинфал опустил воображаемое оружие и выпрямился.

– Не хочу, чтобы тебя волокли с фэлда за ноги.

Валбур сел обратно на кровать.

– Так ведь там, вроде, не убивают...

– Вроде – правильное слово. Это правило такое есть. Ротрам его придумал. Только кто про него будет помнить, когда на тебя меч со всей дури летит? Тут уж, братец, не до правил. На фэлд мы выходим, чтобы выживать. Так и знай. И не заблуждайся. Я уже кишками чувствую, что к этому все идет. Пока там народ разве что изувечить могут. Но ведь «кровь героев» – это только нам кажется, что для нас придумана. А на самом деле, если хочешь знать, для толпы. Отвлекает и развлекает. Поди плохо. Да ещё с очень хорошей выгодой для тех, кто за всем этим стоит. Так что помяни мое слово: она будет очень быстро перерождаться в то, что угодно толпе. А толпе угодно зрелище. Настоящее зрелище. И смерть – вот самое интересное, что мы любим. Разве не так?

– Не думал как-то...

– Ты побледнел?

– Тэвил! Да пошел ты!

Бокинфал только рассмеялся.

– Лихие времена наступают в Вайла'туне. И мы должны быть к ним готовы во всеоружие. Так что, может, оно даже и хорошо, что мы тут все встретились. Авось вместе будет проще выкручиваться.

– Это ты о чем?

– Да так, мысли разные одолевают, – неопределенно пожал широкими плечами бывший писарь. Его раскосые серые глаза ещё больше сузились. Откинув длинные пряди со лба, он смотрел на Валбура спокойно и выжидательно, словно готовился отразить новый вопрос.

Однако Валбур молчал. Ему вспомнился сон, который приснился под утро. Будто отправились они все дружно в Пограничье, плутали зачем-то, плутали, а потом наткнулись на странного человека в странном жилище. Не то гнездо на высоких жердях, не то башня посреди леса, только добраться до него было непросто, хотя он и не сопротивлялся как будто. А когда они, наконец, проникли к нему, Валбур обнаружил, что это он сам и есть, то есть он и есть тот отшельник...

– Ладно, пошел я, – вывел его из задумчивости голос Бокинфала. – Тиса сегодня занята, так что отдохнуть как подобает не получится. Значит, будем тупо отсыпаться. Давай, брат. Готовься. Завтра я тебя под орех разделаю.

Они обменялись крепким рукопожатием, и Валбур остался ненадолго один. Лег, как хотел, не раздеваясь, и закрыл глаза.

Через некоторое время вернулся Отан. Пробурчал что-то невразумительное себе под нос и скоро уже привычно храпел.

А вот Валбуру спать расхотелось. Последние слова бывшего писаря не давали покоя. Протяжённые времена кто только ни говорил. Сколько он себя помнил, всегда кто-нибудь понуро восклицал, что раньше, мол, было лучше, а будет ещё хуже. Это уже стало обычной присказкой. Причем каркающему всегда хотелось верить, хотя, если разобраться, ничего уж такого страшного не происходило. А то, что происходило, всегда и всеми воспринималось как обычный ход вещей. У них в туне вообще на все смотрели отдаленно, а запрягали, как говорил Фирчар, не спеша. Ну сгорела в Пограничье застава. Беда, конечно, но ведь такое всегда могло случиться. Глупо думать, будто можно сесть голым задом на муравейник и тебя никто не укусит. Ну поплатился не весть за что Ракли, потеряв и трон и, быть может, голову. Так кто его просил так высоко забираться? Сам полез дрова ломать. За что и получил причитающееся. Ну сбежал его сын-наследник сотоварищи. С кем не бывает. Как его бишь, Локлан, кажется? Говорят, у него девица-молодуха появилась из пленных шеважа. Грех не умыкнуть. Тем более что папаша явно против таких шашней был. Правда, говорят, что он не просто сбежал, а на ту сторону Бехемы подался, но так этого доподлинно никто не знает и не узнает, скорее всего. Да и невелика разница: что в Пограничье пытаться схорониться, что на дно пойти. И там, и там жизни нет. Нельзя из Вайла'туна просто так взять да сбежать. Никогда ничего хорошего из этого не получается. Да и мало кто пробовал. О некоторых вон даже легенды слагали, вроде древнего героя Адана, жившего зим за сто до Дули и погибшего при переходе через Бехему. Хотя ничего героического в такой дурацкой смерти по собственной глупости, в общем-то, нет. Так что как бы то ни было и что бы ни происходило, у них в туне обычно лишь хмыкали да кривились, не отвлекаясь от дел куда как более насущных. Вероятно, только он, Валбур, иногда на полном серьезе подумывал о том, что творится за всеми этими пограничьями да бехемами. В туне было хорошо и уютно, но как-то все же тесновато. Хотелось больше простора, воздуха, новых лиц, новых ощущений. Сейчас, по прошествии нескольких дней вдали от дома, он имел возможность сравнить то, к чему невольно стремился, с тем, что выпало на его долю пережить. Стоило ли оно того? Стоило ли оказываться здесь, в чужом ему мире, наполненном странными людьми, сумбурными мыслями и упоительными соблазнами или было бы лучше и надежнее вернуться в срок домой и зажить дальше прежними заботами, как ни в чём не бывало?

Он перевернулся на другой бок.

И всё-таки, что сделано, то сделано. В туне, если разобраться, его ничего не держало. Заветная береза на опушке? Не каждый же день ему туда ходить. И никто её без него там не срубит. Как стояла неизвестно сколько, так и будет стоять. Лана первая бы его простила. И не просто простила, а наверняка отправилась бы следом. Она любила все новое и неизведанное. Она бы точно его поддержала. Конечно, тогда не могло бы быть и речи, чтобы рисковать, как теперь выясняется, жизнью в кровавых боях с себе подобными и тем более навещать по ночам прелестных созданий. Но лучше уж тун вдалеке, чем погибель в реке, как говорили старики и как теперь начинал он понимать, имея в виду, скорее всего, погибель в стремнине жизни.

Он снова перевернулся, лег на спину и уставился в потолок, на котором играли отбрасываемые невидимыми факелами тени.

Наверное, если подумать, то всё выходило так, как и должно было. Обед в «Лихом воробье», драка на глазах у Ротрама, встреча с мальчишкой-попрошайкой, ещё одна драка, встреча с Феллой, заточение, освобождение, вынужденное согласие приехать сюда. Все это складывалось в связную цепь неожиданных событий, цепь настолько связную, что невольно хотелось не рвать её и бежать без оглядки, а проследить, куда именно она тянется. Или откуда.

Он снова уперся мыслью в красивое лицо Феллы и почувствовал, что тяжело задышал. Какой бы близкой и доступной ни была Тиса, а Фелла всё же казалась ему во сто крат милее и желаннее. Не потому ли, то она по-прежнему оставалась для него недосыгаема? Или, быть может, потому, что сейчас она была не просто далеко, а неизвестно где? И неизвестно с кем. Молодая женщина, которая каким-то образом живет вдвоем с младшим братом, пусть даже вынуждено, однако очевидно ни от кого не зависит, самостоятельна в своих решениях – это вызывало у Валбура невольное восхищение перед ней, сопряженное с волнением и грустью. Грустью – потому что она показывала всем своим видом, что может обходиться без посторонней помощи, а значит – ни в ком не нуждается. С волнением – потому что её самостоятельность давала право на надежду и одновременно лишала её, пресекая те нехитрые способы, которыми обычно мужчина имел возможность повлиять на выбор женщины.

Он попытался представить себе, что было бы, если бы ему удалось остаться с ней один на один. Хотя бы поговорить. Открылась бы она ему? Стала бы вообще разговаривать? На своем дне рождения она вела себя весьма просто, никого не обделяла вниманием, но и не выделяла. Даже этот выскочка Кендр, приятель Биртона, не вызвал у неё такого отращения, на которое рассчитывал он, Валбур, на дух не переносивший подобных навязчивых типов.

Полный переживаний, он незаметно для себя погрузился в сон, а проснулся оттого, что его трясли за плечо. Открыв глаза, увидел склонившегося над собой человека, но лица его разглядеть не смог: слабый свет проникал лишь от факелов снаружи. Выходит, на дворе ещё ночь.

– Что стряслось?

– Где твой сосед?

Валбур сел и понял, что перед ним Рэй.

– Спит...

– Его там нет. – Силуэт махнул рукой в сторону кровати, очевидно, пустой.

– Тогда откуда мне знать? Я, кажется, задремал. А что случилось? Нельзя было?

– Тина убита.

– Что?!

Рэй понял, что теряет время, резко повернулся и вышел.

Сон как собака языком слизнула.

Поскольку он заснул, так и не раздевшись, Валбур в два прыжка нагнал учителя и молча последовал за ним, растирая щеки, чтобы окончательно прийти в себя. Кто-то уже ходил по дому, кто-то тихо ругался, разбуженный и не понимающий, что происходит. Под лестницей стояли Гаррон, Дэки и Логен и о чем-то переговаривались.

– Мы тут все обшарили, – сообщил Дэки, обращаясь к Рэю. – Его нигде нет.

– Это точно он, – пробурчал Логен, сталкивая перед грудью могучие кулаки. – Тэвил! Найти и прикончить гада!

– Ротрам уже знает? – поинтересовался Гаррон.

– Ротрам в отъезде, – огляделся по сторонам Рэй. – Будем разбираться без него.

– Но не без меня, – сказал только что зашедший с улицы Бокинфал. Одет он был совсем не по-зимнему, растрепанные волосы прикрывали лицо, и он машинально сдвигал их, не понимая всей бессмысленности этих попыток. – Все-таки я здесь не только для «крови героев».

Никто не стал выяснять, для чего он тут ещё может пригодиться, но Валбур заметил, как Рэя от этого заявление передернуло.

– Я уже послал за Биртоном, – продолжал Бокинфал. – Такие вещи решаются сообща. Отана не нашли?

– Кто его видел вчера последним? – поинтересовался Дэки. – Валбур, ты?

– Не знаю. Я видел только, как он пришел, лег и сразу почти захрапел.

– Дождался, когда я уйду, – добавил Бокинфал.
– Почему? – Рэй смотрел на него с нескрываемым вызовом.
– Его и спрашивай. Откуда мне знать?
– Отан подозревал, что кто-то спит с его женой, – сказал Гаррон.
– Отан подозревал всех, – уточнил Бокинфал.
– Если это он и если из-за ревности, то на месте Отана я бы прикончил одного из нас, а не бедную Тину.

– Ему виднее, – хмыкнул Логен.

– А что Тиса? – спросил Валбур.

Все переглянулись.

– Наверняка уже знает, – заверил Бокинфал. – Я её пока не встречал, но, похоже, в избах уже никто не спит. Рэй, почему ты на меня так смотришь?

– Ты точно не видел Отана?

Валбур не до конца понимал всех этих разговоров. Прислушиваясь и присматриваясь, он думал о том, что сейчас перед ним складывается очередное звено той самой цепи, о которой он размышлял перед сном. Вероятно, это странное убийство тоже не просто так. Оно – очередной шаг в его жизни на пути неизвестно к чему. Это не значит, конечно, что несчастную женщину убили из-за его здесь появления, но, с другой стороны, раз оно произошло, в этом должен быть какой-то скрытый смысл. Да и Отан был его соседом. Неужели он настолько ревновал свою жену?

– Рэй, что тут у вас происходит?

На пороге стоял Биртон. Его близко посаженные глаза при свете факелов напоминали горящие угольки. Он был явно зол на тех, кто вытащил его из теплой постели и по чьей вине ему теперь предстоит разобраться в вещах, которых могло бы и не быть, если бы кто-то оказался чуть-чуть более проникательным и расторопным.

– Привет, Биртон. Ничего хорошего. Тина была найдена мертвой у себя на кухне. Её закололи. Ударили ножом прямо под сердце.

– Кто нашел её, ты?

– Ко мне с этим известием прибежал Шилох.

– Значит, он? Что он делал на кухне в такое неподходящее время?

– Я не стал его расспрашивать, – признался Рэй. – Не до того было. Мы побежали к ней, и я все сам увидел...

– Нож нашли?

– Ножа не было.

– Прекрасно, прекрасно! Труп есть, кто его нашел – мы точно не знаем, орудия убийства тоже нет, но мы почему-то уверены, что это нож, так? И кто же её убил?

– Подозреваем Отана, её мужа. Он пропал.

– Превосходно! Убийцы тоже нет. Ротрам будет доволен. Отличное настроение накануне «крови героев». Молодцы!

– Мы-то здесь при чём? – Валбуру стало неловко оттого, что их всех одним махом обмазали грязью и пустили под подозрение. – Я точно знаю, что никого не убивал.

Биртон прищурился, но ничего возражать не стал. Хотя вполне мог бы. Имел право. Если бы не он, едва ли Валбур сейчас стоял бы здесь и изображал на заспанном лице обиду. При этом, сиюсь вспомнить, что ему снилось перед пробуждением.

– Где мальчишка? – бросил Биртон.

– Дэки, приведи-ка Шилоха, – распорядился Рэй.

Как ни странно, юноша не послал его куда подальше, а быстро крутанулся своим кряжистым телом на месте и выскочил из избы с таким видом, будто только и ждал подобного приказа. Лишь факелы взмахнули оранжевыми языками.

– Вы тут совершенно не при чем, – как ни в чем не бывало продолжал Биртон. – Но вот незадача: убийства у нас пока ещё, к счастью, такая редкость, что подобное недоразумение может очень легко подорвать добрую славу хозяина дома, Ротрама, и закончиться тем, что никого из вас просто-напросто не допустят до фэлда.

Последние слова он чуть не прокричал в лицо Валбура, уже смекнувшего, что сейчас лучше помалкивать. Биртон повернулся к Бокинфалу:

– Ты что скажешь?

– Найдем Отана – найдем убийцу, – пожал тот плечами. – Последнее время я наблюдал за ним и видел, что он с каждым днем становится всё более раздражительным. Они с женой явно не ладили. Ночью он предпочитал нашего друга. – Бокинфал улыбнулся Валбуру. – Хотя мог бы спать с ней, если бы пожелал. По-моему, Ротрам ему в этом не стал бы мешать.

– У него были причины подозревать её в чем-то? – Биртон сейчас совсем не походил на того изнеженного и беззаботного молодого человека, каким Валбур помнил его по первой встрече. – Бокинфал, я тебя спрашиваю!

– Она хорошо готовила, – улыбнулся тот. – В её стряпню всякий мог влюбиться.

– И она была как две капли воды похожа на свою сестру.

– Думаю, Ротрам это прекрасно понимал, когда брал к себе их обеих.

– Ты на что намекаешь?

– Вы меня прекрасно поняли. – Бокинфал оглядел окружающих, призывая их в свидетели. – Лично мне бы тоже не слишком понравилось, если бы точная копия моей жены только тем и занималась, что общалась с не слишком одетыми мужчинами, которым нужно было либо расслабиться, либо, наоборот, набраться сил. Только я бы жену пожалел.

Валбур определенно понял Бокинфала и, кажется, понял даже больше, чем тот намеревался сказать. Вероятно, потому, что сам думал об этом после того достопамятного вечера в бане. Едва ли кто-нибудь, кроме мужа одной из них, мог найти внешние отличия между обеими девушками.

Он не успел додумать до конца эту мысль, как на пороге появился растерянный и заплаканный мальчуган в сопровождении Дэки.

– Выкладывай, – сказал Биртон, ничуть не смягчая раздраженного тона. – Как все произошло?

– Я не знаю, – пролепетал Шилох, стаскивая шапку и поправляя приунывший чуб. – Я не видел...

– Я догадываюсь, что ты не видел, как её убили. Но ведь что-то ты видел, раз обнаружил её первым. Говори.

– Я... я помыл посуду и пошел спать. Как всегда. Но не заснул, потому что у меня заболел живот...

– Переел, видать, – понимающе заметил Логен, но шутка не получилась.

– Что было дальше?

– Ну, я оделся и пошел на улицу. Когда справлял нужду, услышал на улице голоса. Один был похож на голос Тины. Второй мужской.

– Только два?

– Кажется, да... Я не прислушивался. Они негромко говорили. Я их и услышал-то только потому, что они прошли мимо того места, где я... сидел. Но видеть я их не видел.

– Что потом?

– Я не придал этому значения. Мало ли кто по двору ночью ходит.

– Это было возле бани? – решил уточнить Бокинфал.

– Да нет, я бы туда не дошел... Недалеко от кухни. Когда я возвращался, то заметил, что из-под закрытых ставен пробивается свет. Кто-то был на кухне. Мне это показалось довольно

странным. Обычно я ухожу оттуда последним, как и в тот вечер, и закрываю за собой двери. До утра. Открывает их часто сама Тина. Открывала...

– Понятно. Дальше. – Биртон положил руку на плечо Шилоха, давая понять, что доверяет ему.

– Я попытался заглянуть под ставни, но ничего не увидел, – продолжал мальчуган слегка окрепшим голосом. – Я бы не придал этому значения и пошел к себе, но тут услышал изнутри крик. А потом кто-то как будто упал. Я очень испугался, но не сразу, а когда добежал до дверей и вошел.

– Двери не были закрыты?

– Нет, они закрываются только снаружи. Я сразу наткнулся на Тину. Она лежала так, как лежит сейчас, на спине, а под ней была кровь... много крови. Она уже не дышала.

– И кроме неё, ты никого там не заметил?

– Я был так напуган... Я решил поначалу, что мне всё это снится. Но я думаю, что если бы там ещё кто-то был, я бы обратил внимание. Нет, там никого не было, Вита Биртон.

– И что ты стал делать дальше?

– Я позвал на помощь...

– Ясно. Замечательно! Судя по этому рассказу, Тина сама заколола себя, крикнула и, падая, умудрилась выбросить нож так, что его до сих пор никто не нашел. Бокинфал, есть идеи?

– А ты не помнишь, Шилох, кто первым прибежал на твои крики? – поинтересовался бывший писарь с таким видом, будто только и ждал, когда Биртон предоставит ему слово.

– Вот они, – указал мальчуган на Дэки и Гаррона, стоявших позади Рэя, который невольно посторонился.

– Поясните, – повернулся к ним Бокинфал.

– Сегодня была наша очередь дежурить, – ответил Гаррон и добавил: – Мы никаких криков не слышали.

– Но вы ведь слышали, когда он позвал вас на помощь?

– Да, его мы сразу слышали и спустились, – поспешил пояснить Дэки. – Гаррон имел в виду, что мы не слышали криков до этого.

– Спустились? Это откуда? Опять вдвоем торчали на крыше?

– Вита Биртон, мы как раз менялись постами. Гаррон до того, как вы и хотели, стоял у ворот, а потом зашел ко мне, чтобы смениться. В этот момент...

– Я ничего такого не хотел, – снова повысил голос Биртон, почему-то смотревший теперь в упор на Рэя. – Я сказал, что так должно быть. Двое на воротах, один на крыше. Кто был третьим?

– Сегодня их было двое, – ответил за подопечных Рэй. – Должен был быть ещё Нол, но ему прилично досталось за день, и я его пожалел.

– Почему не заменили на другого?

– Упущение...

– Хорошо, потом отдельно об этом поговорим. Так что увидели вы, когда спустились с крыши на кухню?

– Шилоха и Тину. Больше никого. Потом прибежала Тиса с той рыжей девицей. Было много крови. Тиса попыталась привести Тину в чувство, но было ясно, что это уже бесполезно. Мы оставили их и побежали будить остальных. Дальше вы всё знаете.

– Негусто, – заметил Бокинфал.

– На кухне есть, где спрятаться? – поинтересовался у Шилоха Биртон.

– Нет, она слишком маленькая для этого. Шкафы все забиты посудой. Нет, нельзя.

– Но там же есть выход в залу, где все едят, если мне не изменяет память.

– Да, но там тоже никого не было.

– Ты проверял?

– Вита Биртон, на кухню нельзя пройти, не миновав залы.

– А кухонное окно было закрыто ставнями, – задумчиво произнес тот. – Ладно, пошли сейчас туда и все осмотрим на месте. – Он остановился при выходе. – Мне понадобятся Рэй и Бокинфал. Остальные могут отправляться спать.

– А дежурство? – удивился такому обороту Дэки.

– Уже ни к чему. Пошли.

Валбур посмотрел на друзей. Гаррон был явно не в своей тарелке. Дэки взялся за перила лестницы, но не спешил подниматься следом за Логеном. Когда Шилох и трое остальных вышли на улицу, он состроил обиженную мину и саданул по деревяшке кулаком.

– Опять из нас сделали дураков! Говорил же тебе, не надо было соглашаться на дежурство вдвоем. Рэй нас подставил.

– Он себя подставил, не понял что ли? – огрызнулся Гаррон. – Не надо было такой шум поднимать. Сказали бы ему только, и всё. Пусть бы сам принимал решение. В отсутствие Ротрама он ведь за главного. А тут понабежали, понимаешь!

– Мы никакого шума не поднимали.

– Ага, тогда откуда бы взялась Тиса с рыжей?

– Но мы не шумели! Это у Шилоха голос, когда он орет, мертвого разбудит.

– Тину он не разбудил... Ты куда? – Вопрос Дэки относился к Валбуру, который накинул на плечи лежавшее возле двери покрывало и собрался последовать за остальными.

– Пойду тоже гляну.

– Учти, от Биртона лучше сейчас держаться подальше, – предупредил Гаррон.

Однако Валбур его не послушался и поспешил через двор туда, откуда теперь не доносилось ни одного звука, но где трепетало на ветру больше факелов, чем в остальных местах.

Дверь была открыта, и он вошел в знакомое помещение, где не так давно они все трапезничали. Голоса слышались из закутка, отделявшего залу от кухни. Туда он никогда прежде не заглядывал.

Кухня оказалась больше, чем он предполагал, и гораздо просторнее, чем можно было судить по рассказу Шилоха. Здесь толпилось много всякого люда, которого он если и видел раньше, то только мельком. Это была прислуга, жившая тут же, в главной избе. Общий гул перекрывал голос Биртона. Он призывал всех собравшихся сохранять спокойствие и, самое главное, держать язык за зубами, если они не хотят потерять место под крышей.

Попробуй, удержи их языки, думал Валбур, разглядывая собравшихся и замечая стоящую в стороне Тису, которую, по-отечески прижав к себе, обнимал Бокинфал. Двоих-то от лишней болтовни не отвратишь, а тут их с добрый десяток. Ну да Биртону виднее. Может, они и вправду его послушают. А не послушают, так напугаются. Кому ж охота на улице оказаться. Тем более после таких хором.

Шори, рыжая подруга Тисы, была здесь же. Она стояла поодаль от всех и смотрела на Валбура. Он кивнул ей. Она отвернулась.

Тело лежало где-то там, среди народа, на полу, и он счел неуместным пробираться к нему и рассматривать. Тем более что картина произошедшего уже начинала медленно, но верно вырисовываться у него в голове.

– Ты что тут высматриваешь? – спросил Бокинфал.

Он уже перепоручил Тису заботам кого-то другого и теперь с серьезным видом ждал ответа.

– Думаю.

– Хорошее занятие. Поделишься?

Валбур поднял взгляд от пола под ногами и посмотрел на собеседника.

– Не знаю, как у вас, а у нас в туне, в том месте, где кухня, обычно делают подвал.

– И у нас...

Бокинфал машинально взял себя за подбородок и быстро вошел прямо в толпу. Валбур увидел, как он о чем-то переговаривается с Биртоном.

– Все расходитесь! – велел тот, когда суть сказанного стала ему ясна. – Выведите женщин. Тело пока оставьте, где лежит. Все, все выходите! Шилох, тебя это тоже касается. – Он кивнул Валбуру. – Ты останься.

Теперь они стояли посреди опустевшей кухни втроем.

– Я бы хотел ещё кое о чем спросить мальчика, – сказал Валбур, внимательно рассматривая Тину.

Девушка лежала на боку, глаза закрыты, красивые руки вытянуты чуть вперед, ноги поджаты, как будто она крепко спит, не обращая внимания на посторонних и факелы. На ней была задравшаяся до колен простенькая льняная рубаша, поверх которой пестрел фартук.

– Думаю, он рассказал нам всё, что знает, – ответил за Биртона Бокинфал, хотя и без прежней уверенности в голосе.

– Если я не ошибаюсь, – присел Валбур на корточки за спиной покойной, – он сказал, что услышал с улицы крик, но не сказал, был ли это крик женщины или мужчины.

– Разве? По-моему, это само собой подразумевается.

– Посмотри-ка вот сюда. – Валбур указал на что-то пальцем. Оба его слушателя наклонились, пригляделись, но ничего необычного не заметили. – Фартук не завязан.

– Такое иногда с убитыми бывает, – невесело усмехнулся Биртон.

Валбур молча взял фартук за тесемку и встал. Фартук оказался у него в руке.

– Теперь понимаете?

– Кухонный фартук стряпухи, – многозначительно заключил Бокинфал.

– Постой, – махнул рукой Биртон, переводя взгляд с фартука на тело. – Ты хочешь сказать, что он не был надет?

– Её им накрыли, – кивнул Валбур, снова присаживаясь на корточки. Теперь и остальные последовали его примеру. – Вот, смотрите. Что я и предполагал. – Он указал на подол платья, на котором явственно проступало темноватое пятно. Бокинфал, тебе это ни о чем не напоминает?

– А должно?

Валбур выпрямился, аккуратно положил фартук на соседнюю табуретку и заглянул за массивный стол для разделки мяса.

– Если не ошибаюсь, это ход в подпол, – сказал он, указывая на крышку люка с железной скобой. Рядом с ним виднелись размазанные следы крови. – Думаю, Отана мы найдем там. И орудие убийства тоже.

Биртон и Бокинфал ошарашено переглянулись. Один наклонился и потянул за скобу, а второй сунул в отверстие факел и долго что-то молча там разглядывал.

– Как ты узнал?!

– Он там?

Биртон встал на ноги и жестом показал Бокинфалу, чтобы тот убедился сам. Бокинфал последовал его примеру и через мгновение издал удивленное восклицание.

– Тэвил! Валбур! Поди-ка сюда!

При свете факела внутри люка был хорошо виден земляной пол, на котором, раскинув руки, возле самой лестницы лежал никто иной, как Отан, из левой ключицы которого торчала блестящая костяная рукоять кухонного ножа.

– Ты хочешь сказать, что Тина убила мужа, а потом убила себя сама? – Биртон смотрел на Валбура одновременно с едва сдерживаемым восторгом и страхом.

– Скорее, наоборот, – вмешался догадавшийся Бокинфал: – Он убил её в приступе ярости, а потом убил себя сам. Валбур, ты молодчина!

– Боюсь, что нет...

– Я точно тебе говорю! У тебя мозги варят будь здоров! Биртон, согласитесь!

– Я не про себя, – покачал головой Валбур. – Тина не убивала себя. Она сейчас жива и здорова, и думает, что мы ничего так и не узнаем.

– Тина?! А это кто тогда?

– Её сестра, Тиса.

– Ты в своем уме? – Бокинфал аж попятился.

– Да, я в своем уме. А она – в своем платье. – Валбур снова присел на корточки возле тела, взялся за подол и подставил под свет факелов темное пятно. – Вспомни. Когда мы с тобой зашли в баню в прошлый... в последний раз, Тиса встретила нас со свечой в руке. Я почему-то обратил на это внимание. А ещё на то, что свеча капала ей на подол. Это её платье. И это – Тиса.

На кухне наступило долгое молчание.

– Однако... – первым заговорил Биртон, ни на кого не глядя. – Выходит, он из ревности убил не жену, а её сестру, которую имел полное право, мягко говоря, недолюбливать за её свободное поведение. Остается только радоваться тому, что Ротрам в итоге не потерял такую замечательную повариху.

– Которая, оказывается, совершенно не против, чтобы её звали Тиса вместо погибшей сестры, – добавил Бокинфал, вспоминая ту, кого только что утешал. – И это как-то не вяжется одно с другим. Ещё и потому, что теперь совершенно непонятно, зачем, убив не жену, а её сестру, он убивает и себя. Другой бы на его месте, возможно, даже радовался бы.

– А этот фартук вам ничего не говорит? – спросил Валбур, всячески сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, настолько явственно перед ним обрисовалась картина произошедшего здесь. Однако он понимал, что не должен так откровенно радоваться превосходству над своими новыми друзьями, один из которых, к тому же, эдель. А эдели, как известно, в большинстве своем заносчивы и горделивы. – Зачем Отану понадобилось закрывать тело свояченицы фартуком, чтобы все казалось, будто убита именно Тина, а не Тиса?

– Вопрос интересный. – Бокинфал переглянулся с Биртоном, который тем временем начал спускаться по ступеням в подпол. – И сдаётся мне, что ты уже знаешь ответ.

– Наша ошибка в том, что мы доверились рассказу Шилоха и считаем, что здесь до него были только убийца и жертва.

– Хочешь сказать, он врёт? – уточнил Биртон, от которого над полом теперь торчала одна голова.

– Вовсе нет. Он сказал лишь то, что видел и слышал сам. По его словам, в кухне никого, кроме убитой, не было. Об Отане в подполе он понятия не имел. Точно так же он мог не знать и о том, что из кухни мог быть и другой выход.

– Через подвал? – догадался Бокинфал.

– Не знаю. Я тут никогда раньше не был. Но, судя по всему, это самый удобный путь для бегства. Найдем проход, выйдем на того, кто в этом виноват.

Они по очереди спустились в подпол и, перешагнув через труп Отана, огляделись. Высота потолка позволяла держать факелы почти на вытянутой руке над головой. При их свете стало видно, что всё пространство заставлено перегородками и столами, на которых покоились сыры, вяленые свиные окорока, большие глиняные горшки, бутылки, горы сухих фруктов на просторных блюдах, одним словом, всё, что могло пригодиться для богатой трапезы и нуждалось в холоде.

Они тщательно обследовали стены. Недолгие поиски увенчались успехом: под кожаной занавеской был обнаружен проход, достаточно просторный, чтобы по нему, пригнувшись, мог идти взрослый человек.

Биртон настолько проникся происходящим, что горячо пожал Валбуру руку. Честно говоря, Валбур и сам от себя не ожидал подобной прозорливости. Правда, ему и прежде удавалось распутывать всякие нехитрые головоломки, связанные с пропажей тех или иных вещей

у соседей, с гибелью добродушной коровы, за которой ухаживала все семейство его друга Фирчера, и разные похожие житейские дела, но чтобы составить в единое целое столь разрозненные сведения и наблюдения – это ему приходилось делать впервые.

Они прошли по коридору шагов тридцать, если не больше, по прямой. Затем был резкий поворот налево и ещё примерно столько же. Представляя себе застройку дома Ротрама со стороны, Валбур убеждался, что чутье снова его не подвело.

В конце коридора их ждала преграда в виде деревянной дверцы. Валбур, шедший первым, громко постучал в неё кулаком. Никто не отозвался. Он постучал снова. Прислушались. С той стороны послышались, скорее всего, женские голоса. Там как будто спорили о чем-то.

Факелы чадили и хотелось на свежий воздух.

Валбур ударил в дверь ладонью. Ещё раз. Ещё.

Снаружи отдернули засов. Дверь приоткрылась. Валбур, не дожидаясь, когда её откроют перед ним полностью, поддал плечом и чуть не сбил с ног перепуганную Шори.

Здесь тоже был подпол, не такой большой, как под кухней, однако вполне вместительный, чтобы в нем нашли пристанище не только бутылки с какими-то пахучими маслами и напитками, но также всевозможные веники из трав, связки корней, какие-то расшитые одежды из кожи и мешковины, и даже небольшое количество оружия в виде мечей, шлемов, коротких палиц и нагрудных доспехов.

– Ну, здравствуй, красавица. – Бокинфал крепко взял девушку за локоть. – А где твоя новая подруга?

Шори испуганно хлопала глазами и только поглядывала в сторону открытого люка над лестницей.

Биртон, который тоже уже сообразил, что к чему, в три прыжка взбежал по ступеням, и Валбур услышал женский вскрик.

– Она здесь!

– А где же ей ещё быть? – усмехнулся Бокинфал.

Когда они выбрались из люка и оказались в жарко натопленной комнате, очень похожей на ту, где прошлой ночью их подвергли незабываемому массажу, Валбур увидел Биртона, который нависал над забившейся в угол Тисой, точнее, Тиной.

– Мы всё уже знаем, – говорил он громко и уверенно. – Так что не трать наше время и не отпирайся.

– Что вам нужно? Мою сестру убили!

– Интересно, кто же?

– Я не...

– Валбур, объясни ей. – Биртон повернулся, и на его лице читалась не только просьба пролить свет на происходящее, но и собственное неподдельное любопытство.

Он ещё до конца не понял, подумал Валбур и неторопливо присел на лежанку. Снова захотелось спать.

– Шилох рассказал нам, что вы с Шори первыми прибежали на его крики. Но баня находится слишком далеко от кухни. Наше жилье на таком же расстоянии, однако, когда мы ночью вышли на улицу, то ничего не услышали, хотя на кухне, сама знаешь, народу было много, и все шумели. Вот почему я... вот почему мы поняли, что ты должна была знать о произошедшем заранее. Где Шори?

Бокинфал подтолкнул потрясенную девушку вперед. Растрепанная и напуганная, она ещё больше нравилась Валбуру.

– Ты знаешь, кто это? – Он указал на гневно сверкавшую глазами Тину.

– Тиса...

– Да. Она...

– У вас в подполе всегда дверь в подzemелье закрыта?

– Да...

– Значит, сегодня ночью она разбудила тебя стуком оттуда и сказала, что случилось нечто страшное.

– Ну да, она сказала, что убили её сестру.

– В этом она не соврала. – Валбур повернулся к Тине. – Зачем ты это сделала?

– Что ты такое говоришь! – попыталась возмутиться девушка.

– Ты убила Тису. А потом убила мужа и бросила умирать в подвале. Он нам все рассказал.

– Отан?!

Валбур многозначительно посмотрел на своих друзей.

– Да, перед смертью. Ты недостаточно глубоко всадила нож. Повторить, что он сказал?

Она молчала. Было видно, как дрожат её руки, когда она попыталась привести в порядок волосы.

Все ждали.

– Что со мной будет? – Тина подняла бледное даже в отсветах факелов лицо на Биртона.

– Тебе был задан вопрос, на который ты не ответила, – спокойным голосом сказал тот. – Зачем ты это сделала?

– Он мне изменял. С ней. Я не могла больше терпеть.

– Ты лжешь! – вырвалось у Шори, которая как будто только сейчас поняли, что к чему. – Её муж... твой муж никогда сюда не ходил! Она была твоей сестрой! Но вот Тиса говорила мне, что ты ей завидуешь. И что как-то раз даже предлагала поменяться местами, мол, все равно никто не заметит. Я думала, она просто пошутила. А теперь вижу, что вы не поменялись только потому, что она не умела так же хорошо готовить. – Она прибавила что-то на своем грубом дикарском наречье и брезгливо отвернулась.

На Тину было больно смотреть. Слушая дикарку, она на мгновение вспыхнула от ярости, после чего сделалась ещё бледнее, чем прежде.

– Может быть, ты поначалу не собиралась её убивать, – снова взял слово Валбур. – Вы разговаривали у неё на кухне, она с тобой не соглашалась, спорила, а тебе на глаза попался нож. Их там много. И ты схватила его и пырнула Тису. В это время к вам зашел Отан, которому тоже было о чем поговорить с женой. Не знаю, принял ли он тебя за неё или нет, но у тебя оказалось достаточно времени, чтобы усыпить его бдительность и нанести хороший удар. Вероятно, если бы не его появление, ты бы не только успела прикрыть сестру своим фартуком, но и поменяться с ней одеждой. Отан умер сразу. Нам он ничего не сказал. Зато крикнул, и этот крик услышал оказавшийся поблизости Шилох. Ты успела только столкнуть Отана в подпол и скрыться следом. На полу возле люка мы видели следы его крови. Остальное нам поведала Шори.

– Твою дальнейшую судьбу пусть решает Ротрам, – продолжил Биртон. – Моё дело – рассказать ему, как всё было. Благодаря смекалке и наблюдательности нашего друга я смогу это теперь сделать в лучшем виде. А уж как он распорядится, я только догадываюсь.

Тина рванулась с места, думая спастись отчаянным прыжком. На ней была грубая домотканая рубаха, которая не порвалась, когда Бокинфал крепкой рукой ухватил её за шиворот и запрокинул к себе. При этом действовал он не грубо, как будто даже с удовольствием.

– Не торопи события, подружка. Ты смело зарезала двоих, так что не бойся и теперь. Окажись я на месте Ротрама, обязательно выпустил бы тебя на фэлд потягаться с мужчинами. Вот потехи то бы было! А уж денег за такое любопытное зрелище можно было бы урвать...

Как ни удивительно, его бредовая идея нашла отклик у вернувшегося на следующий день торговца оружием. Об этом Валбуру не без гордости сообщил сам Бокинфал, когда перед сном зашел к нему в опустевшую комнату и по-хозяйски улегся на покрывало бывшей кровати Отана.

– Ротрам решил не отдавать её на судилище.

– Как он воспринял произошедшее? – Валбур сидел напротив и при свете одинокого факела, закрепленного при входе, вычищал тонкой палочкой грязь из-под ногтей.

– На удивление спокойно. Признаться, я ждал от него бури, а он только выслушал внимательно нас с Биртоном и поинтересовался, знают ли правду остальные.

– А они знают?

– А ты говорил?

– Мне-то зачем болтать?

– Ну вот и нам незачем. – Бокинфал прикрыл глаза. – Плохо только, что одним махом мы лишились и вкусной жратвы, и ласковых объятий. Шори ещё куда ни шло, худо-бедно справится, а вот Тину на кухне никто не заменит.

– Я могу готовить.

– Не сомневаюсь. Ты, похоже, всё умеешь делать.

– Велика сложность – голодного накормить!

– Ротрам себе по вкусу стряпух ищет, если ты ещё не понял.

– А как же он раньше без Тины обходился?

– По тавернам, видать, ходил. Так ведь нас-то туда всех водить больно жирно. Вот и нашел Тину, когда открыл свой виггер'гард.

– Чего-чего?

– Виггер'гард. Говорят, это Рэй такое название придумал.

– Обитель воинов? – Валбур с сомнением прислушался к звучанию нового слова. Что-то в нем было. – Кстати, а самому Рэю от него не досталось?

– А за что? Вот если бы оказалось, что это Отан виноват, не сносить ему головы. Когда Ротрам по-настоящему зол, может за милу душу выгнать взашей. Но Биртон передал ему твой рассказ, а по нему выходит, что Отан – тоже жертва. Рэй если в чем и виноват, так только в том, что плохо его учил, не сумел себя защитить. Так на Отана никто бы ставку никогда и не делал. Его тут из-за жены держали. Одним едоком меньше. Думаю, Ротрам именно так рассудил.

– Так что теперь с Тиной будет?

Бокинфал лег на бок и подставил под голову руку.

– А что обычно бывает с теми, кто убивает родича?

– Ну, способов учинить праведный суд много, – заметил Валбур, вспоминая на самом деле совсем не многочисленные случаи из жизни своего туна. – Смотря какая вина доказана. Если гибель без злого умысла наступила, то за это могут просто прогнать и дом отобрать со всем имуществом. А если убил кого с умыслом, то пощады ждать не приходится: либо в Пограничье уведут да к дереву накрепко привяжут и там оставят, либо родне убитого казнь перепоручат, либо ещё чего надумают. У вас тут такие же, небось, уклады.

– Похоже на то. Могут, правда, ещё в Бехему с мешком земли на шее скинуть. Тоже приятного мало.

– Я слышал, у вас специальные палачи, кажись, на такой случай водятся...

– Не будешь же сам руки марать. Есть палачи. Им за это неплохо платят, а они берут на себя чужую совесть.

– Вообще-то я думал, что это все брехня...

– Куда там! До недавнего времени они разве что при замке служили, под прямым началом Ракли вершили суд. – Бокинфал сел. – А сейчас, как я понимаю, им в замке уже тесно. Недавно целую свору на казнь повели, вроде тех, с которыми ты в таверне схлестнулся. Так я троих палачей насчитал. Всем работёнка нашлась.

– И что их, прям принародно жизни лишали? – поразился Валбур.

– Ну да, чтоб другим неповадно было. Только похоже, всё навыворот выходит. Жестокость ещё никому на пользу не шла. Одних казнили, так им на смену ещё столько же, если не больше пришло. Скоро все друг дуга передадим.

– Тину тоже казнят?

– Я же сказал, что Ротрам не так глуп, чтобы отдавать её на судилище. У нас тут народ понятливый обитает, тихий, лишнего говорить не станет, так что, может, сами миром всё порешим. Отана, думаю, никто из родичей, если таковые где и есть, не хватится. Глядишь, все забудется. Но с другой стороны, он не может просто так это убийство, тем паче двойное, ей спустить. Наказание будет, вот увидишь.

– Может, и правда на фэлд выпустит?

– Чтобы её там на потеху толпе в крошку порубили? Сомневаюсь.

– Надеюсь, ты прав. Мне бы тоже этого не хотелось. Если разобраться, она это устроила из-за того, что не просто сестре завидовала, а сама хотела на её месте оказаться. Значит, могла бы нам в этом качестве пригодиться.

Они тихо засмеялись, вспоминая каждый своё.

Наутро все их сомнения прояснились. Причём самым неожиданным образом.

Ротрам появился на утренней разминке, понаблюдал некоторое время за происходящем, подозвал Рэя и о чём-то с ним поговорил. Когда он ушел, Рэй поманил к себе Бокинфала и Валбура и велел им умываться, как следует одеваться, в смысле, потеплее, и выходить на улицу, где их будут ждать по важному делу. Подробности он не сообщил. Вероятно, рассудил, что такие умники, как они, должны сами обо всем догадаться. Однако когда Валбур вышел на крыльцо, поправляя на голове меховую шапку, чтобы не задул за шиворот поднявшийся ещё со вчерашнего вечера ветроган, вид запряженных двумя понурами лошадьми крытых саней, явно не тех, на которых он несколько дней назад прибыл сюда среди ночи, поверг его в легкое изумление. Ротрам в длинной шубе стоял рядом с пригнувшимся под тряпичным навесом кучером, в котором они узнали Биртона.

– Поедете с ним, – сказал он. – В Айтен’гард. Доставите её в целости и сохранности. Биртон всё знает. Ваше дело быть при них. На всякий случай.

– Разумеется, – ответил Бокинфал, не моргнув глазом, словно им только что предложили лишний раз сходить в баньку. – Довезем в лучшем виде.

– Надеюсь, вернетесь засветло. У нас ещё много дел и мало времени.

– Айтен’гард? – удивился Валбур, когда они забрались под затвердевший на холоде полог и сели на мягкую солому. – В Обитель Матерей? Я правильно понял?

Сани тронулись.

Вместо ответа Бокинфал склонился над большим кулем, скрючившимся у дальнего борта, и, приподняв накидку, продемонстрировал собеседнику испуганное лицо Тины.

– А вот и наш драгоценный груз.

Валбур наблюдал, как он разворачивает куль, обнаруживая, что девушка лежит в нем связанная по рукам и ногам да ещё с кляпом во рту. Вид у неё был какой-то вызывающе-жалкий.

– Теперь всё понятно, – размышлял вслух Бокинфал, проводя рукой по её густым волосам. – Ротрам решил отдать тебя на перевоспитанье этим затворницам. Что ж, думаю, ты должна быть ему благодарна: могло быть гораздо хуже. Я знавал людей, которые за измену, а тем более за убийство умудрялись тоже миновать судилище и расправлялись с жертвами сами, отрубая им руки, ноги и лишь потом – голову. Очень неприятная смерть, надо сказать. Тебе повезло несравненно больше. Хотя я не слишком много знаю про тамошние порядки. Но надеюсь, что ты выживешь и мы ещё встретимся – за столом или в жаркой баньке.

Тина слушала его, широко раскрыв глаза и постанывая под кляпом. Похоже, с прошлой их встречи она смирилась со своим положением и больше не сопротивлялась судьбе.

Бокинфал потрепал её по щеке и повернулся к Валбуру.

– Ну что, развяжем её? Не то ещё заболит на холоде.

Не дожидаясь ответа, он достал из голенища добротного мехового сапога нож с коротким лезвием, перевернул Тину на живот и полоснул по веревке, сдавливающей её руки за спиной.

– Так-то лучше.

– Ты когда-нибудь бывал в Обители Матерей? – спросил Валбур, замечая, что ноги пленницы приятель умышленно оставляет связанными.

– Мне за ненадобностью. – Бокинфал потрогал кляп, затянутый у девушки под затылком. – А ты?

Валбуру про Айтен’гард приходилось только слышать. Некоторые называли его «вторым замком», имея в виду, что снаружи Обитель Матерей была такой же неприступной, как белый замок на высоких скалах. Кем именно были эти Матери и чем они занимались вдали от посторонних глаз за высокими стенами, все лишь догадывались, хотя ничего не было известно наверняка. Да и никто этим, похоже, не интересовался. Женщины – из робости. Мужчины... мужчинам всегда казалось, что Матери прячутся и прячут своих юных питомиц именно от них, а потому воображали себе тамошнюю жизнь как тун, полный женщин, а значит – пленительных пороков и соблазнов. Говорили разное. Одни, мол, что в Обители выращивают опытных хорен для потребностей тех, кто правит в замке. Другие – что на самом деле там только тем и занимаются, что справляют какие-то сугубо женские культы героинь, то есть героев в женском обличье, которых прошлое вабонов знало гораздо меньше, чем героев-мужчин, однако незаслуженно забыло. Третьи рассказывали, что на самом деле Айтен’гард – место, где женщин учат сражаться и убивать и что если настанет время давать отпор тем же шеважа, они все как одна придут на помощь жителям Вайла’туна и одним своим видом разгонят рыжие орды. Кстати, эта мысль недавно посещала Валбура, когда Бокинфал назвал их нынешнее пристанище виггер’гардом.

– Вы что это там надумали? Отпустить её хотите? – Биртон теперь сидел боком по направлению к движению и краем глаза следил за происходящим под навесом. От ветра его лицо стало розовым, и вообще он сейчас производил впечатление человека, вполне довольного жизнью. – Убежит – вам догонять.

– Не убежит, – заверил его Бокинфал. – Ты ведь не убежишь, моя красавица?

Тина отрицательно покачала головой и что-то пробубнила в кляп.

Валбур наблюдал, как Бокинфал приблизился к ней поближе, но вовсе не для того, чтобы помешать побегу, который, действительно, выглядел невозможным, если учесть обращенное на неё внимание спутников и связанные ноги, а чтобы обнять её за хрупкие плечи и прижать к себе правой рукой.

– Как жаль, что приходится вот так везти тебя неизвестно куда и непонятно зачем! Сказала бы мне раньше, что хочешь на место сестры, я бы что-нибудь придумал.

Тина подняла протестующий вой и отвернулась.

– Только не говори, что была вынуждена занять место Тисы. Вероятно, муж тебя потому и недолюбливал, что подметил в тебе это желание. Каких только женщин по жизни ни встречал, а все вы одним мёдом мазаны. Всем мужицкого внимания хочется да побольше и почаще. Разве не так?

– Чего ты к ней пристал? – буркнул Валбур, который сейчас не испытывал никаких лишних чувств, кроме жалости. – Лучше скажи, почему нас послали, а не кого другого?

– Почему? – Бокинфал потрепал Тину по бледной щеке. – Наверное, решил, что раз мы её нашли, нам и расхлебывать.

– А с сегодняшней подготовкой как?

– Не смей меня. Неужели ты думаешь, будто за неделю из тебя тут настоящего бойца сделают? По своему опыту могу сказать: если каждый день биться да советы умные слушать, кое-что у тебя начнет получаться разве что к концу зимы. Конечно, если дотянешь. Не бросишь или увечий не получишь. А до тех пор всё это так, суета и самообман. Так что днём больше, днём меньше, какая, Тэвил, разница!

А ведь он прав, подумал Валбур. С чем я к Ротраму пришел, с тем на «кровь героев» и явлюсь. Разве что к мечу и щиту чуть попривыкну. Вместо копья я палку неплохо знаю, а уж на кулаках, выходит, я чего-то да стою. Может быть, в первый раз пронесёт. Главное не покалечиться сильно...

– Биртон, а что ты-то с нами поехал? – спохватился Бокинфал, продолжая ласкать пальцами лицо Тины. – Неужто у Ротрама кучеры повывелись? Или он никому больше не доверяет?

– И поэтому тоже, – оглянулся тот, жмурясь от снега. – А ещё потому, что в Обитель Матерей вас без меня не пустят.

– А тебя, хочешь сказать, пустят?

– Посмотрим. Обычно пускали.

– Ну ты даешь! – присвистнул Бокинфал. – Это за какие же такие подвиги?

Он не договорил. Биртон громко выругался, дернул поводья, сани накренились и все сидевшие в них повалились на борт. Бокинфал при этом умудрился прижать Тину ещё крепче.

– Смотри, куда идешь! – крикнул Биртон женщине, выскочившей из-за дома прямо под копыта разбежавшихся лошадей.

– А ты смотри, куда едешь! – ответила та, поправляя стянутый на глаза платок, чтобы глаза не слепило снегом. – Разогнался тут! Проваливай давай, пока я соседей не кликнула.

Как ни странно, наглый возница не стал пререкаться, махнул хлыстом, и сани заскользили дальше с прежней скоростью.

Вероятно, по важным делам спешит, подумала женщина, провожая сани хмурым взглядом до ближайшего поворота. Носятся тут всякие, как угорелые! Наразводили лошадей и рады. А нам теперь из дому не выйти без оглядки. Надо будет Шелте сказать, чтобы за Локланом присматривала в оба. Малец вот-вот ходить начнет, на привязи не удержишь. Как же быстро они растут! Поди вчера только Шелта животом хвасталась, а вот уже какие мысли ей в голову лезут...

Она подхватила со снега оброненный от испуга мешок и двинулась узкой тропкой между притихшими под снегом избами.

Добравшись без приключений до дому, она толкнула плечом калитку и с удивлением обнаружила, что Шелта не только ходит в столь неподходящую погоду по двору, рассыпая просо по кормушкам для залетных птиц, но и оставила корзинку с сыном под низеньким навесом ближайшего сарая.

– Ты в своем уме? Не видишь, снег какой валит!

– Тише, Мев, – с улыбкой ответила девушка, стряхивая белую пудру с очередной кормушки. – Он не хотел спать без меня в доме. А тут сразу закимарил. Не разбуди...

Мев не дала ей договорить, оборвав на полуслове нежным поцелуем. Шелта отняла губы, облизнула нижнюю и хитро посмотрела на подругу из-под миленького капюшона своей новой шубейки, которую недавно преподнесли ей в подарок посыльные из Обители Матерей.

– Ты меня смущаешь.

– Мне казалось, тебе это нравится.

– Да, но... Как сходила?

– Обменяла всё, что нужно. Одно из яиц по дороге треснуло, но они его тоже взяли. Две буханки были прямо из печи. По-моему, ещё и сейчас теплые. Не хочешь перекусить?

– Ты ступай, я сейчас приду. Мне тут кое-что доделать надо.

Поняв, что на самом деле подруга вышла из дома по нужде, которую они здесь справляли в маленьком уютном сарайчике в дальнем углу сада, отделенного от остального двора обычно колючими, а сейчас просто занесенными снегом кустами, Мев кивнула и пошла в тепло.

Когда на заставе погиб их муж, дозорный по имени Хид, она думала, что жизнь на этом заканчивается. Но вот наступила зима, которой в здешних местах принято побаиваться, а им с Шелтой становится вдвоем все лучше и лучше. Куры и всякая живность тучнеет и размножа-

ется, давая столь необходимые средства к существованию, излишки соседи охотно обменивают на то, чего в избытке у них, денег, силфуров этих, они в глаза не видят, а потому их жилище обходят стороной всякие толстомордые *ана'хабаны*, которых в народе чаще называют *фра'ни-манами*, то есть «отбирающими», Локлан-младший растёт и крепнет, а теперь вот откуда ни возьмись на помощь пришли самозванные сестры из самого Айтен'гарда, Обители Матерей. Конечно, возникли они не просто так, а потому что в свое время, не так давно, Шелта и Мев оказали им, как выяснилось, важную услугу: приютили на некоторое время под своей крышей одну, видать, серьезную старушку, которой прямо перед их домом какие-то лихие люди чуть не отрубили руку. Старушка, как ни странно, выжила, пошла на поправку, и несколько дней назад за ней явились четыре не слишком разговорчивые женщины с целой маленькой подводой и гостинцами из Обители Матерей. Там были и теплая одежда, и вкусная еда, и даже забавные деревянные игрушки, которыми теперь любил забавляться Локлан, когда просыпался и не требовал есть. Старушку они увезли с собой, а на прощанье передали слова какой-то Корлис, которую между собой называли Матерью Черной башни, или Сваратор'айтен, мол, если Шелте и Мев что понадобится, пусть смело стучат в ворота Обители, и им всегда помогут. Подруги посмеялись между собой, однако на всякий случай имя неизвестной Матери запомнили. Никогда ведь не знаешь, как повернется жизнь. Кто бы мог подумать, что совсем рядом с ними чуть не произойдет смертоубийство. Подобные ужасы, говорят, становились не редкостью в Малом Вайла'туне, где всегда было, чем поживиться, но ведь здесь-то живут простые люди, *фра'ни-маны* – и те гости не частые, а вот поди ж ты, и тут порой жути всякие творятся. Один только сегодняшний полоумный возница чего стоил!

Она сняла шубу и валенки в натопленной прихожей, поменяла оплавленные свечи в старом железном канделябре и прошла в одну из двух комнат, служившую заодно и кухней. На стол, на котором не так давно лежала раненая старушка, она аккуратно выложила вкусно пахнущее содержимое мешка и приоткрыла слюдяную ставню, чтобы поглядеть, с чем там мешкает Шелта. Та склонилась над корзиной и что-то нашептывала Локлану.

То, что Хид погиб на заставе, которая одной из первых подверглась нападению лесных дикарей, теперь представлялось Мев даже к лучшему. Если бы он вернулся домой и увидел, какого сына родила Шелта, он бы явно не обрадовался и заподозрил неладное. В пику сородичам Хид отличался почти рыжими волосами, которые на всякий случай по привычке скрывал под всевозможными шапками и колпаками, чтобы его не принимали за шеважа. У Шелты волосы были соломенными по цвету и мягкими на ощупь. Так что их сын должен был унаследовать либо то, либо другое, а он родился сперва с темным пушком, который вскоре сменили белёдые локоны, ничуть не обещавшие стать рыжими или соломенными. Такие волосы были у его настоящего отца, теперь уже печально известного Локлана, сына недавнего правителя Вайла'туна, а ныне его главного пленника – Ракли. Локлан же старший, ни разу не видевший своего сына и, вероятно, совершенно позабывший о существовании самой Шелты, говорят, пустился в бега да не один, а вместе с новой любовницей, причем дикаркой, и не куда-нибудь, а через никому доселе не покорявшуюся Бехему. Тел до сих пор не нашли, если и искали, так что Локлану-младшему в любом случае придется расти без отца. Зато у него будут две любящие матери, которые не дадут ему почувствовать себя брошенным и одиноким.

С Шелтой у них всё складывалось как нельзя лучше. Когда был жив Хид, они просто дружили, поверяя друг другу всякие женские тайны, а потом сами собой сблизилась, стали вместе вести нехитрое, но требующее постоянного участия хозяйство, и постепенно сошлись настолько, что потеряли интерес к окружавшим их немногим соблазнам. Одно время к Мев повадился захаживать неженатый сосед, молодой парень, почему-то решивший, что она ему не откажет. Шелта в ту пору носила раздувшийся живот и по большей части лежала, так и её не обошел вниманием другой сосед, причем женатый и промышлявший на всю ближайшую округу врачеванием. Мужчины заходили к ним в избу сперва чуть ли не по-хозяйски, потом

с оглядкой, потом – жалкими просителями, пока, в конце концов, ни поняли, что к ним тут вежливо безразличны. Мев полюбила Шелту, а Шелта – Мев. И никаких соперников, никаких выяснений отношений, никаких измен и скандалов. Скромная женская любовь двух близких подруг в тихом месте в перерывах между каждодневной суетой по хозяйству. Обеих это устраивало, обе как-то сразу к этому привыкли.

– Идите в дом! – крикнула Мев и закрыла окно, чтобы не застужать комнату.

Она разжигала печь, когда из прихожей донесся смех проснувшегося Локлана и воркованье Шелты.

– Я сегодня чуть под сани ни попала, – принялась рассказывать Мев, расталкивая кочергой потрескивающие дрова. – Можешь себе представить? Когда это было, чтобы у нас под окнами даже летом телега за день проезжала, а тут сани, зимой да на полном ходу! – Перехватив обезпокоенный взгляд, добавила: – Я в порядке. Испугом отделалась. Но ты только вообрази! Это куда ж так нужно нестись, чтобы людей давить? Совсем стыда у этих богачей не осталось.

– Им стыд за ненужность, – согласно вздохнула Шелта и грустно улыбнулась повизгивающему от удовольствия сыну.

О своем Локлане думает, угадала Мев. Не идет он у неё из головы. Особенно теперь, когда его образ у неё все время перед глазами.

– Не будешь его кормить?

– Не просит пока. Значит, рано ещё. – Шелта села к столу и повертела в руках мягкую ржаную буханку. – Может, и нам хлеб печь начать? Гляди, какой хороший получается. А это что? – Она взвесила на ладони маленький узелок.

– Сладости Локлану, – виновато улыбнулась Мев.

– Балуеть ты его слишком. – Шелта осторожно развязала узелок и достала два слипшихся леденца. – Оставим до праздника.

– До какого это?

– День Рилоха. Забыла?

– Так он уже на днях.

– Вот и я думаю, что ничего с ними за это время не станется, – согласилась Шила, убирая леденцы обратно так, чтобы не заметил малыш. – А это что? Мясо? Послушай, зачем? У нас же у самих есть.

– Неудобно было отказаться. И потом это тетерев. Я давно хотела суп из него сделать. У тебя же в хозяйстве нет тетеревов.

– Курицей бы обошлись.

– Да ладно тебе! Ты иногда мне мою мать напоминаешь. Та тоже предпочитала одно и то же с утра до ночи есть, когда отца дома не было.

Они улыбнулись друг другу. Размолвки между подругами происходили редко. Мев даже считала, что они специально иногда предпринимают попытки поругаться, чтобы тем отчетливее ощутить потом, в какой идиллии живут. А ещё её временами посещали мысли о том, что будь Хид в добром здравии, всё могло бы быть совсем по-другому...

Обедали, как всегда, все вместе. Мев черпала из миски наваристый суп и наблюдала, как Шелта аккуратно намазывает себе маслом ломоть хлеба, стараясь не задеть Локлана, который пристроился у её красивой полной груди и дремал, то и дело просыпаясь и, не открывая глаз, начинал сосать и сопеть.

Своих детей у Мев не было. Брат Хида, как и он сам, оказался бесплодным, виной чему, если верить семейным преданиям, была их неудачная попытка в детстве перейти зимой через замерзший канал по льду. Лед не выдержал, и мальчишки провалились в ледяную воду. Их чудом спасли проходившие мимо дровосеки с длинными жердями, которые по чистой случайности несли на ближайшую стройку. Благодаря жердям ребят удалось вытащить довольно быстро, однако оба потом долго ещё болели и, как оказалось, не без последствий. Мев подо-

зревала, что рано поселившаяся в её будущем муже простуда в конце концов и сгубила его. Умирал он тяжело, в постоянном кашле и мучениях, так что когда всё в один не самый прекрасный день закончилось, она даже удивилась, как в доме может быть тихо. Дом мужа Мев продала хорошим людям и, приняв приглашение Хиды, который в очередной раз собирался отправиться на заставу в Пограничье, переселилась к ним. Шелту она знала и любила давно, ещё когда братья были в добром здравии и частенько вместе ездили на рынок или справляли праздники. Переезд к Хиду означал, что по традициям вабонов она становится его второй женой. Мев была на несколько зим старше Шелты и ни на что ровным счетом не претендовала. Шелта же к тому времени уже была в положении, так что в итоге Хид не стал обижать её и ни разу до самого отъезда не притронулся к Мев. Вероятно, не только из любви к Шелте, но и потому, что решил, будто в отличие от брата сможет обрюхатить и её, а тогда обеим женщинам без него будет особенно трудно. Обычно служба на заставе длилась от начала зимы до начала, а то и до середины лета, так что Хид рассчитывал вернуться прежде, чем в их семье случится пополнение. Шелта не хотела его отпускать, словно чувствовала скорое несчастье, однако Хид, разумеется, даже не слушал её, поскольку труды на заставе всегда неплохо оплачивались, а он считал, что особенно теперь должен взять на себя роль их кормильца. Вообще-то Хид был сыном кузнеца и мог бы неплохо зарабатывать, если бы пошел по стопам отца, однако ещё в юности его увлекло ратное дело, и он, как рассказывала потом Шелта, долгое время учился владению мечом у очень странного человека по имени Тэрл. Этот Тэрл, если верить Шелте, был настоящим карликом, но каким-то уж больно умелым, особенно что касалось оружия и драк. Хид мог целыми днями пропадать на ристалищном поле перед замком, где Тэрл учил его и таких же, как он, новобранцев всяким боевым премудростям, причем настолько небезуспешно, что за не слишком долгий промежуток времени он полностью переродился из человека, который по рождению должен делать оружие, в человека, который им пользуется. По крайней мере, так это поняла Шелта. Она также поняла, что её муж не собирается возиться на кузне, которая после смерти брата, наоборот, любившего железо, молотки и печной жар, могла перейти ему по наследству. Сейчас там доживал свой век их отец, старый мастер Хоуэн, который в свое время выковал меч тому самому карлику, Тэрлу. Оставшись без кормильцев, они с Шелтой раньше иногда по привычке навещали к нему в гости, чтобы отвлечь от горьких мыслей и как-то поддержать, а он дарил им всякую полезную кухонную утварь и однажды рассказал, что этот Тэрл, оказывается, был за что-то неожиданно изгнан из замка, но не пропал, а пошел в гору и сделался чуть ли не аолом в одном из дальних тунов. Рассказал он это затем, чтобы объяснить, почему готовится к странному поступку: оставить кузню, забрать только самое необходимое и перебраться к старому приятелю, который, как он надеялся, будет рад его видеть и, наверное, даст кров и работу. Хоуэн был стар, а теперь ещё и одинок, но былая сила пока не покинула его, и он мог где угодно пригодиться. Кроме того, насколько знала Мев по рассказам мужа, Хоуэн некогда входил в круг избранных кузнецов, которые не просто скупали металл на рынке и ковали из него нужные вещи и оружие, но имели прямой доступ к руде, искони добывавшейся на шахте где-то вниз по течению Бехемы. У них, как и у строителей, был свой так называемый *самод*³⁰, куда входили и кузнецы, и рудодобытчики, и литейщики, которые превращали руду в удобные заготовки для наковален. Когда она попыталась недавно заговорить об этом с Хоуэном, тот только рукой махнул и сказал, что весь их сомод новые хозяева замка растащили по кусочкам, теперь каждый за себя, и только между ними, стариками, продолжают оставаться негласные договоренности о взаимопомощи.

Сегодня они с Шелтой как раз думали навеститься к нему в гости, показать Локлана, о рождении которого он догадывался, но ещё ни разу не видел, а заодно поговорить о будущем. Если он и в самом деле готовится отправиться невесть куда искать новое счастье, было бы

³⁰ Нечто вроде гильдии

неплохо, если бы он оставил кузню им. Нет, конечно, ни Шелта, ни она не смогут там трудиться, но и зачем им, когда такое хорошее и удобное место можно неплохо продать. Сейчас они без силфуров прекрасно обходятся, но деньги обладают тем удобным свойством, что их необязательно сразу же тратить, а можно копить и тратить потом, по мере надобности. Те, что она выручила от продажи их с мужем избы, до сих пор хранились у неё в надежном месте, о котором не знала даже Шелта. Зато если нужно было сделать подруге или её сынишке подарок, который просто так не выменяешь на десяток-другой куриных яиц, можно было взять пригоршню блестящих серебряных монет и отправиться на рынок, где с утра до вечера торговали всякими вкусоностями и интересностями.

Когда Локлан устал есть и заснул, Мев приняла его из рук Шелты, наклонилась и нежно поцеловала грудь подруги. Та улыбнулась ей, но поспешила запахнуться. Днем она стеснялась их близости и только с наступлением сумерек слегка расслаблялась и превращалась в ту Шелту, которую любила Мев. Иногда, правда, Мев казалось, что Шелта лишь подыгрывает ей, тогда как на самом деле ей нужна вовсе не она, а какой-нибудь мужчина. И не какой-нибудь, а такой, чтобы заменил ей Хиду, а Локлану – отца. Поэтому когда Шелта первой заговорила об избе, которую собирается покинуть Хоуэн, Мев решила, что она хочет заполучить её вовсе не для последующей продажи, а для себя – чтобы иметь пристанище, куда сможет перебраться (или отослать её, Мев), если встретит того, кто её полюбит. Как-то она даже завела с Мев разговор о том, что той тоже было бы неплохо подумать о новом замужестве, поскольку до старости ещё далеко, а жизнь не должна пройти зря, без мужа и детей. Где-то глубоко внутри Мев и сама это понимала, однако слова подруги покоробили её. До сих пор им было хорошо вдвоем, но раз Шелта так говорит, это значит, что она не до конца с ней искренна, когда ласкает по ночам и шепчет милые признания в ответ на страстные поцелуи.

– Ну что, ты к Хоуэну идти не передумала? – поинтересовалась Мев, возвращаясь из спальни на кухню и наблюдая, как подруга моет посуду и горшки, оставшиеся ещё с утра.

– Вообще-то нет. Он всегда был легок на подъем. Дальше тянуть не стоит: прозеваем его уход, и ищи потом. – Шелта вытерла руки о передник. – А почему ты спрашиваешь? Не хочешь?

– Отчего же? Я, ты знаешь, редко меняю свои мнения. Кузня хорошая, изба прекрасная, жаль будет это всё в чужие руки отдавать. Он это должен понимать. И, я надеюсь, обрадуется, что мы присмотрим за его домом. Никто ведь не знает, чем его замысел кончится. А вдруг его там никто не ждет, и он только зазря дров наломает?

– Он говорил, что ждут, – пожала плечами Шелта.

– Сегодня ждут, завтра не ждут. Никогда нельзя наперед загадывать. Вспомни, какие у тебя самой радостные мысли с Хидом были. – Она осеклась, заметив боль на лице подруги. – Кстати, ты слышала, что Закра говорит?

– По-моему, она только и делает, что говорит. Сомневаюсь, что она даже во сне молчит. Она меня пугает.

Закра была известной на весь Вайла'тун врачевательницей. Лучше неё никто не мог ни болезнь дурную выгнать, ни ране помочь затянуться. Причем, рассказывали, что, в отличие от прочих лекарей, она не столько травами и отварами орудует, сколько руками да заговорами. Зим она видела на свете невесть сколько, говорят, троих мужей пережила, причем двое последних были гораздо её моложе, и окончательно сошла с ума совсем недавно, когда на неё что-то нашло, и она начала во всеуслышанье пророчествовать. Причем, что самое жуткое, её брехня, в конце концов, почти всегда оказывалась правдой.

Всем была памятна прошлая зима, когда Закра стала говорить про волосы. Разумеется, про рыжие. Как она их только ни называла: и «врагами людскими», и «пламенем пожарным», и «огнём очищения», и «красными птицами перемен». Эти слова вспомнили, когда в Пограничье вспыхнула и погибла первая застава. Погибла от рыжих дикарей, научившихся управ-

лять смертоносным огнем. И правда: с тех пор жизнь в Вайла'туне постепенно, но неукротимо начала меняться, причем далеко не в лучшую сторону.

Потом Закра сочинила заунывную песенку о том, как куры сгоняют петуха с насеста, заклеывают до смерти и долго не могут решить, кому занять его место. Только все над ней посмеялись, раз – из замка приходит слух, что Ракли перестал быть правителем, а кто теперь вместо него – никому толком не известно. Поговаривают, что их там даже несколько.

И бегство сына Ракли, Локлана, отца Локлана маленького, она точно предсказала, когда носилась между избами и всякому встречному задавала один и тот же вопрос: «Ты уже попрощался с сыном?». Конечно, может быть, она вовсе не его имела в виду, но когда люди из замка принялись разыскивать Локлана по всем закоулкам, Закра перестала об этом спрашивать.

Ещё у Закры была внучка, Кади, которая вроде бы тоже обладала её лекарскими способностями, но при этом оставалась совершенно не сумасшедшей, а очень даже симпатичной и милой, правда, на сегодняшний день уже недоступной для многих бывших воздыхателей, поскольку её очень резко и настойчиво взял под свою опеку один из не самых бедных жителей Вайла'туна, оружейник, точнее, торговец оружием по имени Ротрам.

С ним Мев знакома, к счастью, не была, однако видела на рынке пару раз и ничего уж такого особенного не заприметила. разумеется, Кади было виднее, но вот и соседи считали, что тут явно не обошлось без подкупа. Ротрам всегда жил один, жен и детей не имел, но ведь мужчин никогда толком не разберешь. На старости лет, вместо того, чтобы остепениться, отгрохал, говорят, не избу, а хоромы, нагнал туда всякого сброда, дал в руки оружие, какого у него всегда в избытке водилось, и заставил учиться им пользоваться, чтобы потом выставить на каком-то побоище, о котором в Вайла'туне в эти дни не говорил только немой. Мол, на день Рилоха оно должно состояться. Где-то недалеко от рыночной площади. Мужики местные уже во всю денежки копили. Потому что кто-то пустил слух, будто там можно будет делать ставки на того или иного бойца и в случае его победы получить навар с тех, кто ставил на проигравшего. Делать им нечего!

– Так что говорит Закра? – вывел её из задумчивости голос Шелты.

– Ну, сама я не слышала, – под села Мев к столу и подперла подбородок рукой, любуясь молодостью и статностью подруги. – Но рассказывают, что она давеча вышла на один из мостов через канал, перегородила дорогу и, раскинув руки, ну, знаешь, как она обычно делает, стала сперва просто скулить и завывать, а потом бухнулась на колени и затараторила так, что никто её понять поначалу не мог. Вроде бы, мол, что замку считанные дни стоять осталось, что грядет буря-ураган, который сметет его со скалы в Бехему и наступит конец.

– Интересно, кому? – Шелта спокойно поставила очередную миску торцом на полку и опять провела ладонями по влажному подолу.

Последнее время при упоминании Бехемы ей приходил на память её любимый негодяй и изменник, её Локлан, которому она однажды, всего однажды имела неосторожность уступить и который перевернул с ног на голову всю её последующую жизнь. Их встреча в то злопамятное лето была совершенно случайной, он появился на празднике одетым под простого фолдита, а она только-только распрощалась с Хидом и пошла туда лишь потому, что этого захотелось Мев. Мев вообще часто вела себя как девочка, несмотря на то, что старше Шелты на добрый десяток зим. Локлан показался им обоим парнем хоть куда. Он быстрее многих бегал с полными ведрами, умело бился подушками, сидя на бревне, отчаянно танцевал и красиво водил хороводы, а за столом от пуза ел, отчаянно пил, не пьянея, и все время находил поводы для шуток. Кто бы мог подумать, что это сын самого Ракли, правителя замка! Она так им увлеклась, что отбросила всякие предосторожности и даже не обратила внимания на хмурого пожилого мужчину, следовавшего за Локланом тенью. А если и обратила, то не подумала, что у обычных фолдитов редко водятся охранники. Он нравился ей потому, что в нем она видела всё то, чего не находила в вечно озабоченном Хиде, которому в тот раз явно не терпелось убраться на свою

заставу. Сейчас-то она понимала, что он неуютно чувствовал себя дома, куда не мог привести семейного уюта, связанного для Шелты с появлением детей. Вероятно, именно в безумной надежде стать, наконец, матерью она и пошла за Локланом, когда тот нашел её через несколько дней после праздника и пригласил покататься на лошадях. Его появление, тайна его происхождения, вид огромного коня, на которого ей предстояло взгромоздиться, и по-прежнему хмурый провожатый так странно повлияли на неё, что она не смогла отказать и совершила самую большую в своей жизни ошибку, которая стала для неё самой большой в жизни радостью. Потеряв в итоге одного Локлана, она получила другого, маленького и хорошенького, который теперь всегда был при ней и который никогда её не предаст.

– Закра и ещё кое-что сказала, – продолжала между тем Мев. – Закончив тараторить, она взяла полную пригоршню снега, растерла его по лицу и стала громко ныть, что, мол, вот так она оплакивает всех тех, кому не суждено дожить до следующей зимы. Потому что буря придет не одна, а в сопровождении целого стада лошадей, на которых будут сидеть верхом, как она выразилась, «наши бывшие братья из дальней лощины». И что мы снова с ними объединимся кровью, и что крови хватит на вторую Бехему. Как тебе это понравится?

– Жуть какая-то... Может быть, у неё там на мосту живот разболелся? – улыбнулась Шелта.

– А мне от этой истории не по себе, – призналась Мев. – Если бы кто другой сказал, я бы тоже внимания не обратила, но Закра только прикидывается сумасшедшей. Просто она видит то, что мы не видим, и слышит то, что мы не слышим.

– А я вот слышу, что он проснулся, – встрепенулась Шелта и поспешила к захныкавшему сыну.

О последнем пророчестве Закры Мев размышляла всю дорогу домой. Оттого и под сани чуть не угодила, что задумалась. Не так давно, неподалеку от Вайла'туна, там, где в карьере добывали глину, произошла нехорошая стычка между строителями и какими-то странными всадниками, которые, по рассказам, были здоровенного роста, с головы до ног в доспехах, а на шлемах имели причудливые украшения в виде разноцветных ленточек. Стычка вышла кровавая, досталось и тем, и другим, но в итоге непрошенных гостей удалось обратить в бегство. Кто это был и зачем появился, никто доподлинно не знал. Те, что их видели, уверяли, будто это точно не дикари. Да и кто бы спорил, поскольку лошадей у шеважа отродясь не водилось, а тех, что попадали к ним в руки от убитых или раненых вабонов, они, говорят, сразу же забивали до смерти и съедали, не представляя себе иного применения подобным животным. О том, чтобы кто-то мог навестить к ним в гости из краев совсем отдаленных, вабоны по простоте душевной задумывались редко. Им вполне хватало опасной близости рыжих соседей да недавно появившихся рассказней о ещё одном всаднике, узкоглазом, в широкополой шляпе, который появился однажды на краю Пограничья и чуть ли не в одиночку помог тамошнему туну справиться с нападением вконец обнаглевших дикарей. Так что вообще-то могло быть всякое, ибо дурное, как говорится, ищет дурь, а больное – хворь. Однако Мев, привыкшей думать и рассуждать обычным манером, всё-таки не верилось, будто кроме них и шеважа в округе ещё кто-то есть. Правда, говоря «округа», она понимала, что дальше, наверняка, что-нибудь да находится, а там, глядишь, и ещё кто-нибудь живет, но долго удерживаться на этой мысли она не умела – пугалась и соскакивала на более привычное, замкнутое, соседское. Иногда её это саму даже раздражало. Ведь и в старые времена ходили сказы о том, как к вабонам в гости являлся некто чужой из неведомых земель, расположенных чуть ли не за Бехемой. Взять хотя бы того же Мали-силача, человека огромного роста и с чёрной кожей. В детстве Мев любила слушать про него всякие небывальщины. Потому что живо представляла себе этого гиганта и с удовольствием боялась. Позднее она решила, что ничего такого на самом деле нет и не было, успокоилась и стала взрослой женщиной, уверенной в себе и в мире вокруг, а тут поди ж ты, опять дурь да страхи начинаются.

– Заснул? – спросила она вошедшую Шелту с неподвижным сыном на руках.

– Что-то он последнее время часто просыпаться стал, – тихо сказала та и присела к столу. – Раньше, помнишь, его спокойно можно было одного даже оставлять.

– Что поделаешь, растёт, наверное.

– Или чувствует что-нибудь, – задумчиво вздохнула подруга. – Дети лучше нас всегда всё чувствуют.

– Любишь ты каркать!

– Ну так что, одеваемся? Идем к Хоуэну?

– А Локланчик? Ты его так и понесешь?

– Почему? Накрою теплым и отнесу? В первый раз что ли?

Они последнее время часто спорили, как правильно одевать малыша в холод. Мев боялась, что если его не укутать как следует, то он простудится. А если укутать, то он проснется, разревется и наглотается холодного воздуха. Поэтому считала, что выносить его на улицу стоит уже выпавшегося и бодрого. Шелта же находила, что мягкой подкладки на дне корзины и теплого одеяла сверху вполне достаточно, чтобы он спокойно проспал всю прогулку, не проснулся и ни от жары, ни от холода, ни от невозможности пошевелиться, и таким образом не начал кашлять. Побеждала обычно Шелта.

Вот и сейчас она проверила, все ли в корзине лежит правильно и гладко, закрыты ли все щелки, уложила в неё причмокивающего сына, накрыла двумя толстыми одеяльцами и сделала подруге знак, чтобы та тоже собиралась.

Когда они вышли на улицу, снег уже прекратился. Зато день перевалил за середину, и стало темнеть. Мев больше всего не любила зиму даже не за мороз и резкие ветра, а именно за то, что день делается слишком коротким, и не успела ты проснуться, как пора ложиться спать.

Обменявшись ничего не значащими приветствиями с соседским семейством, в полном составе занятым разгребанием снежных заносов на своем дворе, подруги направились в вечное плутание между налезавшими друг на друга заборами и отдельно стоящими избами. Никто уже не помнил точно, когда и кем Вайла'тун застраивался, однако в том, где и какие стояли дома, прослеживалась внятная мысль.

Ближе к замку, который отсюда даже не был виден за крышами, располагались либо избы, напрочь лишенные дворов, либо, наоборот, можно сказать, здоровенные дворы, застроенные сразу несколькими избами. Первые принадлежали знатным людям, которые больше не видели смысла в том, чтобы выращивать что-либо своими руками, поскольку любую еду и всякую необходимую мелочь можно было без труда купить, если походить по рыночной площади, а ещё лучше – послать туда за покупками своего человека. Во вторых жили не просто знатные, но слишком богатые вабоны, которые могли позволить себе такую роскошь, как собственная маленькая крепость, надежное уединение, застава в самом центре человеческого леса. Немногие из них заводили во дворах огороды. Они тоже предпочитали жить на всем готовом и использовали дворы под застройку – банями, никчемными беседками, собственными кузнями, стойлами для лошадей и прочими излишками.

Дальше них от замка располагался круг смешанных жилищ. Здесь попадались и отдельные избы, хозяева которых либо не могли позволить себе иметь двор, либо были так стиснуты соседними домами, что только мечтали о нём, и избы с хозяйством, как у Мев с Шелтой. Но в последнем случае весь двор обычно занимал огород или сарай с живностью, позволяя владельцам с них кормиться – или напрямую, или с продажи излишков.

Постепенно пространства становилось больше, домов меньше, но селились тут уже те, кому так или иначе не повезло в жизни и кто был не прочь, чтобы о нем забыли. Главным образом, то были бывшие виггеры, получившие за долгие зимы службы какие-нибудь увечья, из-за чего их разжаловали и отправили восвояси, или не слишком желаемые в Вайла'туне оди-

нокие старики, случайно пережившие своих родных, или всевозможные малоприятные для знакомства отбросы жизни вроде предпочитающих праведным трудам нескончаемые кружки крепкого крока или нехитрый промысел воров и прочих лихих людей.

Наконец, на далёких окраинах Вайла'туна обитали те, кто, по твердому убеждению Мев, были жителями самыми важными, без которых невозможно было представить себе ни рыночную площадь, ни жизнь вообще – трудолюбивые фолдиты, с рассвета до заката возделывавшие земли. Либо собственные, если они занимали всей семьей отдельный торп, либо общие – если вместе с другими семьями жили в туне. Она сама родилась в уединенном торпе, правда, с тех пор, как вышла замуж и уехала, домой не возвращалась, не особо скучала, а вспоминала о родных редко и безрадостно. На то были свои причины, о которых она предпочитала не распространяться.

Зиму вабоны не любили. Не любили настолько, что отмеряли время от одной до другой, всякий раз надеясь на то, что этот период станет длиннее. Иногда им так и казалось, но частенько зима задерживалась надолго, а снег исчезал лишь под потоками ледяных дождей и порывами промозглого ветра, принося мало удовольствия и продлевая тоску по теплу. Правда, в зиме и дождях было и хорошее: случалось меньше пожаров. Дома в Вайла'туне, особенно здесь, вне Стреляных Стен, стояли настолько тесно, что полыхни одна изба, дунь посильнее ветер – и в головешки превратятся все соседние постройки вместе с их незадачливыми обитателями. Большие пожары, к счастью, последнее время случались редко, однако зарекались против них никто не брался, а потому мокрые бревна всегда внушали надежду на то, что всё обойдется, даже если сосед ненароком подпалит свое жилище.

Кузня Хоуэна находилась позади на зависть просторного двора, принадлежавшего его доброму приятелю, гончару по имени Ниеракт. Не так давно этот самый Ниеракт взял и пропал, как сквозь землю провалился. Ни Хоуэн, ни соседи понятия не имели, куда он подевался. Ниеракт в один прекрасный день просто ушел куда-то, никого, даже своего подмастерье, толстяка Шилоха, не предупредив, и больше не вернулся. Шилох этот, мальчишка сообразительный, не будь дурак – подался в услужение к тому самому оружейнику Ротраму, о котором Мев недавно думала в связи с его нежной дружбой с внучкой прорицательницы Закры. А в прошлый раз, когда она одна, без Шелты, проводывала Хоуэна, по соседскому двору безцельно маялось с десятков коней – зачем-то пожаловали мерги из замка. Они там что-то явно искали. Зашли даже к Хоуэну справиться, не знает ли он, куда подался его приятель-гончар. С тех пор Хоуэн и засобирался прочь с насиженного места.

Сегодня двор был пуст, а конские следы засыпал снег.

Подруги обошли изгородь с той стороны, где чья-то заботливая рука разгребла сугробы, миновали наглухо закрытые изнутри двери сарая, откуда некогда вел торговлю сбежавший гончар, и Мев, передав Шелте корзинку с Локланом, которую бережно несла последний отрезок пути, толкнула плечом покосившуюся калитку.

– Дома, – сказала она, указывая взглядом на вьющийся над трубой слабый дымок.

– Всегда он еле-еле топит, – буркнула Шелта. – Не продрогнуть бы там.

Однако опасения её были напрасны. Кузня, занимавшая большую часть избы, а заодно пристройку, приспособленную под нужды склада инструментов и хранилища заготовок и готовых изделий, встретила их приятным запахом сосновых углей и редким теплом. Обычно, как правильно заметила Шелта, Хоуэн так уставал за день от жара из топки, что в жилой комнате старался не зажигать очага без особой надобности.

– Я сегодня чувствовал, что вы мне наследника моего принесете, – потирая большие заскорузлые ладони, сказал Хоуэн, отворяя перед гостями дверь в сени и отступая к стене. – Заодно решил помыться на дорожку.

Как и его сын, Хоуэн был невысок ростом, но широк в плечах. Некогда рыжая, как у Хида, шевелюра, не потеряв ни одного волоска, после известий о гибели последнего сына просто

перекрасилась, став почти белоснежной. Перехватив ручку корзины жилистой рукой, старик легко поднял ношу к глазам, приподнял одеяльца и заглянул внутрь.

– Не похож, – без малейшей толики удивления или сожаления заявил он и улыбнулся. – Хид тоже поначалу на меня не походил.

– Так мы вам помешали? – спохватилась Шелта, бывавшая тут реже, чем Мев и потому не так хорошо знавшая повадки хозяина.

– Вы мне не можете помешать. – Хоуэн бережно поставил корзину на большой сундук у стены и охотно помог женщинам снять шубы. – Вы – всё, что у меня осталось от моих сыновей. Нет, не можете помешать, – повторил он, распахивая обе двери: одну – в кузню, другую – в жилую часть дома. – Хотите туда, хотите сюда. Можете посидеть с дороги, а я пока покажу ему мои молотки.

С этими словами старик вынул удивленно таращившего на него глазенки внука, прижал к себе и, не слушая возражений матери, шагнул туда, откуда несло сладковатыми запахами металла, сажей и потом.

Шелта взволнованно посмотрела на Мев, но та только плечами пожала и успокаивающе кивнула. Несмотря на весь свой внушительный вид, Хоуэн мухи не мог обидеть, а уж ручного ребенка и подавно. Вскоре они услышали залиvistый смех Локлана и добродушное покашливание деда.

– Теперь ты видишь, что зря переживала? – сказала Мев.

– В смысле?

– Он никому кузню не отдаст, кроме нас. У него теперь есть наследник.

Они заглянули в дверной проём и увидели, как Хоуэн держит перед Локланом здоровенный молот, а малыш одной рукой цепляет деда за седую бороду, а другой колотит по твердой поверхности и хохочет от удовольствия.

– Идем. – Мев тронула Шелту за плечо. – Нехорошо тепло выхолаживать.

Они зашли в уютную жилую часть избы и стали греть над очагом окоченевшие на морозе руки.

Мев нравилось бывать здесь. Хоуэн схоронил жену две зимы назад, однако всё тут было настолько чисто и опрятно, что казалось, женская рука никогда не покидала этого дома. Хоуэн, при всей своей открытости и внешнем добродушии не слишком-то доверял людям, и потому даже помощников и подмастерьев не заводил, считая, что настоящий хозяин, а тем более кузнец, обязан делать всё сам. Сыновья пошли не в него, предпочитая перекладывать заботы по дому на жен, а он не чурался никаких дел, сам готовил, сам стирал и даже частенько мыл полы, чего, что греха таить, не любили делать ни Мев, ни Шелта.

– Чем я могу его покормить? – осведомился вскоре появившийся на пороге Хоуэн. – Парень явно поднабрался силенок в дедовской кузнице и проголодался.

– Боюсь, что ничем, – улыбнулась Шелта, принимая посерьезневшего сына. – Он у нас ещё молочный.

– Ну а вы, хозяйюшки, что будете? – Старик махнул рукой в сторону стола, на котором стояли словно заранее поджидавшие их блюда, накрытые чистыми полотенцами. – Может, кроку хотите? Я это запросто, по-домашнему.

– Мне, увы, нельзя, – вздохнула Шелта. – А то мы с ним вместе опьянеем.

– А я, пожалуй что не откажусь, – решила Мев, чтобы поддержать собеседника. Она прекрасно знала, что не прогадает: крок старик варил отменный.

Когда они удобно устроились за столом, не на лавках, а на отдельных добротных и тяжелых стульях с высокими спинками, которые, по словам Хоуэна, давным-давно вырезал из дуба для своих родителей он сам, Шелта деловито обнажила правую грудь и стала кормить Локлана, то и дело отвлекаясь и принимая участие в их беседе.

– Всё-таки решили податься к вашим сотоварищам? – начала с прямого вопроса Мев.

Хоуэн отхлебнул из кружки, принялся к тыльной стороне кулака и кивнул:

– Охота на старости зим полезным быть. Там я нужнее. Здесь-то уж и люди нормальные перевелись. Сами, небось, видите, что творится. При Ракли ещё хоть какой порядок был, а теперь, чувствует мое сердце, совсем уродства безпробудные начинаются. – Он помолчал, словно собирался с мыслями и решал, стоит ли говорить о том, что на душе. – Когда это такое было, чтобы на своих же охоту затевали все равно что на шеважа каких-то! Ты вон, Мев, помнишь, небось, как у Ниеракта, соседа моего, в прошлый раз мерги по дому рыскали. Он так с тех пор и не появился. И я знаю, почему. – Старик понизил голос почти до шепота. – Он мне весточку переслал. Пишет, что лихие дела вокруг начинаются. Его чуть было ни убили, а теперь рыскают повсюду и выслеживают. Его самого и его дружков, с которыми я не так чтобы знаком, но слышал про них и знаю, что они вовсе не те, кого в чем-то злом подозревать можно. А раз так всё повернулось, видать, плохи те, кто им на хвост сел. Пишет он, что в замке дикие люди завелись. В том смысле, что теперь сын может запросто отца порешить, чтобы славу его себе забрать, и всякое такое. – Он почти с удовольствием посмотрел на потрясенные лица женщин. – А вы ещё спрашиваете, пора ли с мест сниматься? Я бы и вам, дочки мои, настоятельно посоветовал, по меньшей мере, ухо остро держать, а того лучше – двигать при первой же возможности за мной следом. Ты, Мев, сама знаешь, что на окраинах наших, хоть и снова опасно стало, да только там всегда легко понять, где друг, а где враг. Там и защититься, если что, можно понашенски.

– А почему это кроме вас никто про это не знает и не думает? – решила уточнить вечно во всем сомневающаяся Шелта.

– Глупый люд, – ухмыльнулся старик, подмигнув пушистому затылку внука. – Либо не смотрят, либо смотрят, но не видят, либо смотрят и видят, но не понимают. Так всегда было, есть и будет. Спит народ.

– А вы, значит, проснулись?

– И тебе советую.

– Закра вон тоже беды всякие пророчит, – заметила Мев. – Говорит, война большая идет.

– Закра твоя брешет, – спокойно возразил Хоуэн. – А я дело говорю. Уходить подальше отсюда надо. Знаю, что далеко не уйдешь, а все ж таки идти – не на зад у сидеть. Глядишь, зима минет, а там и поглядим. Может, решитесь? Что вы тут теряете?

– Ничего не теряем, – легко согласилась Шелта.

– Всё теряем, – прервала её Мев. – Мы только-только как следует на ноги встали. Думаете, легко без мужей обходиться?

Старик ничего ей не ответил и только как следует приложился к кружке. Хотя на столе было много съестного, он ни к чему не притрагивался, подвигая блюда поближе к гостям.

– Мы и за вашим домом присмотрим, – попыталась рассеять неловкость Мев. – Всегда будет куда вернуться.

– А ему пригляд не нужен. – Хоуэн хитровато прищурился. – Я его в надежных руках оставляю.

– Благодарю, – начала было Шелта.

– Кузница не простаивать, – продолжал старик. – А Ротраму сейчас оружие позарез понадобилось. Знаете его?

Женщины переглянулись.

– Знаем...

– Ну, тогда мне вам и рассказывать нечего. Он хороший оружейник, да и человек, похоже, неплохой. Давеча от него ко мне кузнец один приходил. Бывший, правда. Торни его зовут. Ему и передам.

– То есть? Навсегда что ли?

– Зачем же навсегда? Сколько понадобится. Я этого Торни ещё мальчишкой помню. Он с Хидом моим одно время дружил.

– Это не тот ли Торни, – потеряла лоб Мев, – который, говорят, богачом стал и недавно на канале избу купил?

– Тот самый. Сам ко мне пришел. Оно и верно, большой шишкой заделался. Рассказывал, будто выиграл всё это на какой-то «крови героев» или как оно там у них называется. Теперь вот Ротраму, говорит, помогает с заказами на оружие. Кузни присматривает. А моя – любо-дорого! Тут и меч можно выковать, и проволоку для кольчуги любой толщины потянуть, и шлем, какой хош, выгнуть. А вы что приуныли?

То ли он действительно не понимает, что Шелта собиралась к нему въехать, то ли понимал и потому теперь издевается, подумала Мев. Хитрый старик! Видать, смекнул, что у нас ему по-семейному деньжатами на жизнь в каком-то там туне не разжиться, вот и отдал свое добро на сторону. Ну да от нас не убудет. Как-нибудь без кузни жили и ещё проживем. Ну, хитрец!

– Когда отправляетесь? – спросила она вслух.

– Да вот поутру и побреду.

– Что, пешком?

– А что такого? Если с первыми лучами выйти и нигде не останавливаться, то, глядишь, затемно, но на месте буду.

Скатертью дорожка, думала Шелта, отнимая сына от груди и поворачивая раскрасневшимся личиком к улыбающемуся деду. Хид весь в тебя пошел. Ему тоже дома не сиделось. Вот и доходился. Ещё наглость имеет нас собой звать. Внука прикидывается, что любит. Любил бы, не отдал дом первому встречному. Сам ко мне пришел! Знаем, как сам. Наверняка воспользовался своим положением, пустил молву, да и сбагрил кузню тому, кто больше за неё предложил. Иного и не ожидала. Пора прощаться...

– Уже уходите? – засуетился Хоуэн, когда через некоторое время Шелта встала из-за стола и забрала из его рук описавшегося Локлана. – Может, переночуете?

– Нет, мы и так у вас засиделись, – поддержала подругу Мев. – Вы ещё как будто не собирались.

– Да мне и собирать-то нечего, – отмахнулся старик. – Посидите ещё. Вон вода в кадке. Умой малыша ею.

– Так это вы, значит, что, на горбу завтра все свое орудие кузнечное похрячете? – предположила Мев, в голосе которой внимательный слушатель наверняка уловил бы злорадство.

– Отчего же? Всё тут в основном и останется. – Хоуэн помогал Шелте, держа под мышки визжащего малыша. – Я в Торни уверен. Он умеет этим пользоваться. У них в туне, куда я иду, сказывают, такого добра немало. Так что им там важнее мои руки, а не молоток.

– И связи, полагаю, – добавила Мев, отправляя в рот вкусное печенье со стола.

– Ну, тут уж чего не отнять, того не отнять, – хохотнул в бороду Хоуэн. – Те из наших, кто не поддался на подношения и угрозы, ещё могут постоять за себя. Пока в наших руках много железа. Если понадобится, направим его на тех, кто мешает нам жить.

– Загадками говорите. – Шелта обтёрла сына чистым полотенцем и положила на сундук пленать. – Затеваете что ли что?

– Я-то нет, но вообще могу вам под большим секретом сказать, что да, когда добрые и храбрые люди собираются вместе, жди перемен.

– Хорошо, когда ваши перемены происходят где-нибудь подальше, – нахмурилась Мев, которой не терпелось удалиться восвояси. – Мы в Шелтой живем просто, никого не трогаем, и нас, надеюсь, никто трогать не будет.

– Я бы тоже этого вам желал. Но боюсь, что теперь не то время, чтобы кому-то удалось отсидеться. С оружием в руках больше возможностей выжить.

– Или получить стрелу между ребер.

– Но зато понятно, за что. А так люди сегодня гибнут лишь потому, что не желают проснуться.

– Вы это уже говорили, вита Хоуэн.

– И готов снова повторить! Пускай вашим оружием будет не лук или кинжал, а внимательность и проницательность. Тогда вы хоть заметите, когда начнет происходить необратимое.

– Что происходит?

– Необратимое. Я это так называю.

– Вот Закру не любите, а говорите, как она.

– Я не говорил, что не люблю её. Вы вон тоже, небось, её любить не спешите. Да и за что её любить или не любить? Старуха как старуха. Только по мне так брешет много. А вот людей, которые молотят, сами не зная что, я не люблю. Может, все-таки пойдете со мной? – Хоуэн наблюдал за внуком, и теперь в его выцветших глазах читалась грусть.

Шелта хотела было что-то ответить, но Мев поспешила её прервать, сказав:

– Поближе к шеважа? Нет уж, благодарствуем. Нам таких соседей как-то за ненадобностью. – Она встала. – Пойдем мы, пожалуй. Надеюсь, свидимся ещё. Вы говорили, у Тэрла в туне будете?

– У него самого. Я ему когда-то неплохой меч выковал. Уж он-то точно старика не обидит. Пошли что ли? – Он растеряно огляделся, словно ища, чем бы задержать гостей. Уже в дверях добавил негромко: – Вы меня простите, если что?

– Если что? – не поняла Мев.

– Ну, что кузню на сторону отдал. – Хоуэн откашлялся. – Так оно все-таки полезнее для всех будет.

– Да мы не... – смутилась Шелта.

– Знаю, знаю. Будто невдомёк мне, зачем приходили. – Он потрепал Шелту по волосам и подмигнул Мев. – Стар да не глуп. Ладно, берегите себя и его. Ишь ты темень уже какая!

Закрыв за гостями дверь, Хоуэн, не теряя времени, стал торопливо собираться. Ни о какой помывке уж и речи не было. Развлекли они его, но и отвлекли нещадно. Теперь бы не опоздать.

Он наскоро оделся, запер тяжелый входной засов, прошел через сени в кузницу и вышел через боковую дверь, накинув на железные колки несколько хитрых кожаных петель. Воровать не обворуют, но беречься не помешает. Ниерактовскому хозяйству эвон как досталось. Не хранил бы свои сбережения в потайном месте, мерги за здорово живешь все бы растащили, пока дом обыскивали. Своим гостям он, разумеется, не сказал, что в весточке от Ниеракта была ещё и просьба забрать надёжно спрятанные в поясном мешке силфуры и прихватить с собой, когда он решится отправиться к Тэрлу. Хоуэн без труда нашел под половицами соседской избы означенный мешок и теперь носил на себе, под шубой и рубахой, привыкая к приятной тяжести. Собственные деньги он решил покамест не брать, поскольку, во-первых, в туне они едва ли ему пригодятся, а во-вторых, он все-таки не беглый гончар Ниеракт и ещё надеется сюда вернуться, когда понадобится.

Петляя между избами, Хоуэн спешил на собрание сомода. Кто знает, быть может, последнее на его веку. Нужно было напоследок повидаться со старыми во всех отношениях друзьями, раздать необходимые указания, выслушать напутствия и лишь тогда, с успокоенной совестью, отправляться в путь, который, в чем Мев была права, предстоял долгий и непростой.

Кстати, разговаривая с ней, он слукавил. В том, что Торни пришел к нему. На самом деле, прошлый сомод постановил, что Хоуэн, уходя, должен передать всё свое хозяйство именно ему. Потому что за последнее время, не без помощи Ротрама, Торни превратился во влиятельного кузнеца и хозяина уже двух кузнечных дворов и одной плавильни. Хоуэн знал ещё его отца, рукастого мастера, бравшегося за любую самую сложную ковку, кроме оружия. В отличие от него Торни с детства оружием бредил, а потому, едва научившись держать молот, стал

бегать от отца по соседним кузням, где ему всегда были рады, помогать и перенимать искусство, и довольно скоро у него стало неплохо получаться. Изготавливая мечи, наконечники для стрел и копий, луковицы для палиц и затейливые шлемы с кольчугами, Торни не преминул всё это испытывать собственноручно да так поднаторел, что в итоге оказался весьма неплохим воином, как показали недавние состязания между бойцами за деньги. «Кровь героев»... К героям Торни уж точно себя не относил. Хоуэну он по-прежнему нравился своей простотой и открытостью, правда, бремя навалившихся забот делало некогда словоохотливого и разбитного парня более собранным и серьезным. Тем охотнее Хоуэн вверял ему свое хозяйство.

Он прошел через ворота в Стреляных Стенах, где его хорошо знали и даже не окликнули, миновал несколько проулков и вышел на широкую дорогу, изгибающуюся вдоль канала. Только тут он спохватился, что, подгоняемый мыслями, идет напрямик к Торни, тогда как сегодняшний сомод собирался вовсе не у него, а в доме самого Ракли. Напрасно он делал этот крюк. Теперь наверняка опоздает. Ну да делать нечего.

По пути его нагнала красивая девушка, в которой он без труда признал сладкозвучную певунью Феллу, в свое время скрасившую им не один сомод. Рядом с ней шел вприпрыжку её маленький брат Том, которому Хоуэн однажды подарил железного виггера-свера собственной работы.

– Какими судьбами, вита Хоуэн? – искренне обрадовалась нечаянной встрече Фелла, поправляя вязаной варежкой сползшую на лоб такую же вязаную шапочку, которая очень ей шла. – Помнится, вы собирались далеко отсюда быть.

– Всё-то ты помнишь, шалунья, – с удовольствием похлопал он девушку по изящной спинке и наклонился к Тому. – Не потерял вояку-то моего?

– Не твоего, а моего, – уточнил малец. – Ты мне его отдал. Никуда я его не потерял. Он с нами живёт.

– Том! – воскликнула Фелла.

– Ну что!

– Как ты говоришь?

– Вот и славно, что не потерял, – выпрямился Хоуэн. – Значит, тебе можно доверять заботу о друзьях.

– Ещё как можно! А у тебя таких виггеров ещё есть? В смысле, больше нет?

– Том!

– Того я специально для тебя сделал. – И добавил, вспомнив вопрос Феллы: – Как раз завтра поутру отправляюсь. Рад был нашему знакомству. Эх, был бы я помоложе...

– Вы и так ещё хоть куда, – рассмеялась девушка, явно привыкшая к подобному обращению.

– Вы случаем не к Ротраму направляетесь? – поинтересовался он, только сейчас замечая, что она держит за спиной мешок, в котором лежит что-то плотное и легкое. – Если я не ошибаюсь, это твои линги?

– Они самые. Как вы догадались, вита Хоуэн? Насчет Ротрама. – Она уже шла рядом, оглядываясь на подотставшего брата.

– Значит, нам по пути, – оживился старик.

– А вы разве тоже где-то тут живете?

– Если бы! Просто забрел в ваши края по ошибке. А не забрел бы, тебя бы не повстречал. Как поживаешь, красавица? Всё песни складываешь?

– Да уж их у меня поднакопилось столько, что как-то за ненадобностью. – Белизна шапочки только подчеркивала золотую, почти рыжую красоту длинных волос Феллы. – Мне тут ещё недавно несколько новых напели, так что сочинительство я покамест забросила.

– Кто же это тебе напевает? Ухажёры, небось?

– Их у неё хоть отбавляй! – нагнал их шмыгающий носом брат. – Один хуже другого.

– Том!

– Лучше Валбура у тебя никого нет.

– Я уж как-нибудь сама разберусь, хорошо?

Хоуэну почему-то вспомнились его мертвые сыновья, и промелькнула мысль, что если бы не жена, слишком рано состарившаяся по собственному желанию, он родил бы ещё и дочь, она бы всё ещё жила и вот так же, как Фелла, разгуливала сейчас по Вайла'туну, радуя глаз встречным мужчинам.

– А ты не рановато к Ротраму идешь? – поинтересовался он. – Раньше ты вроде бы к самому концу наших посиделок приходила.

– А я и не тороплюсь. Это вам поспешать надо, вы, думаю, опаздываете.

– Да, вот... Запомню, что мы нынче не у Торни. – Он тронул девушку локтем. – Глянь, что это он на тебя так пристально уставился?

Они как раз собирались сворачивать с широкой дороги, огибавшей канал, в тесный проулок, а сутулая фигура торчала впереди. Дырявая улыбка на ухмыляющимся лице показалась Хоуэну чем-то знакомой, но не настолько, чтобы вспомнить.

– Тэвил... – вырвалось у Феллы. – Это один мерзкий фра'ниман, который никак не отста-нет от нас с Томом.

– Я его не боюсь, – подбоченился её брат, но как-то не очень уверенно. – Валбур ему уже раз навалил хорошенько, ещё отвесит.

– Том, не дразни его! – Она торопливо закрыла лицо мальчишки варежкой, чтобы тот не успел показать язык. – Пошли быстрее.

– Что ему надо? – посерьезнел Хоуэн. – Домогается?

– Ну да, до денег. На днях тут Тома побил...

– Ага, попытался! Потом сам не обрадовался.

– Помолчи, сделай милость! Твой Валбур сам знаешь, где теперь из-за тебя.

– Из-за тебя! Он, между прочим, в тебя влюбился, а не в меня.

– Том!

Фра'ниман просто стоял, оскалившись беззубым ртом и не предпринимая никаких попыток приблизиться, так что Хоуэн подтолкнул девушку вперед в проулок, пропустил следом за ней брата, а сам на всякий случай пошел сзади.

В молодости ему приходилось драться, но с тех пор минуло уже немало спокойных зим, да и не благодарное это занятие – валить прислужников замка. У них всегда водятся соглядатаи, готовые чуть что прийти на помощь, а если твоя вина будет доказана, гадостей не оберешься. У него был один знакомый ткач, который отказывался платить гафол и ходил гордым голубем, пока однажды к нему ни нагрянули несколько таких вот сутулых и рукастых и ни утащили на разборки не то в замок, не то напрямиком в каркер. Вернулся бедный ткач не скоро, ничего про свои злключения рассказывать не стал, но с тех пор платил, как все, исправно.

Сзади за ними никто вроде бы не увязался. Проулок был узкий. Хоуэн снял шапку, чтобы лучше слышать в окружавшей их темноте, однако никаких лишних звуков не долетало. Только снег под ногами поскрипывал.

– Том, а кто этот Валбур, которого ты так расхваливаешь?

– Мой хороший приятель. Видел бы ты, как он этому уроду надавал! Он вроде твоего виггера-свера, только не в доспехах и без оружия. Но здорово бьет!

– Его этот Улмар со своими людьми прямо из моего дома за это умыкнули.

– За ними такое не залежится...

– У меня как раз полно гостей в тот вечер было. Так никто даже не посмел вступить. Можете себе представить?

– Могу. Эти фра'ниманы теперь явно силу набирают. – Он хотел было рассказать про злополучного ткача, но передумал. – Как, говоришь, его зовут? Улмар?

- Урод! – подсказал Том.
- Да, Улмар. Вы с ним знакомы?
- Нет, но думаю, что где-то его видел.

Они миновали неприятный проулок и вышли на свет факелов, озарявших одну из немногих широких дорог в этой части Вайла'туна. Дорога должна была привести их напрямик к дому, вернее, поместью Ротрама.

- А ты Валбура знаешь? – поинтересовался Том.
- Нет, кажись. А что?
- У него, как у тебя, руки здоровенные, но только он ещё и как моя сестра петь умеет.

И на инструментах разных играет. А ты петь умеешь?

Фелла махнула рукой на прямого брата и даже не стала его укорять за невежливость.

– Пою, как и все, – сознался Хоуэн, продолжая поглядывать по сторонам. – А играть нет, не играю. Когда-то была у меня дудка, но я её сломал. Надавил слишком сильно, она и треснула.

Чутье его не подвело.

Не прошли они и десяти шагов по освещенной, но уже опустевший в столь неурочный час дороге, как слева, из-за угла избы им наперерез, правда, вразвалочку, вышли двое. Высокие, в длинных плащах и с капюшонами, надвинутыми ниже глаз, отчего вместо лиц видны были только бороды. Хоуэн машинально оглянулся, и заметил, что чуть позади, на сей раз справа, при свете факелов к ним также не спеша приближается ещё одна пара в капюшонах. Улмара среди них не было, он прятался где-то в тени, но это обстоятельство утешало мало. Хоуэн был безоружен и стар, а противников было четверо, и под полами плащей у них наверняка скрывалось что-нибудь длинное и острое.

Фелла оторопело попятилась. Она ещё не видела, что происходит сзади.

Хоуэн удержал её за плечо и, стараясь придать голосу уверенность, сказал:

– Не останавливайся. Идём дальше.

Он рассчитывал на то, что впереди, справа, в их улицу вливалась ещё одна, почти такая же широкая, куда можно было бы свернуть. Зачем? Это уже другой вопрос, на который у него пока не было ответа. В любом случае, если намерения незнакомцев окажутся решительными, а сомневаться в этом не приходилось, лучшей защитой будет спасение бегством. Наступавшие спереди отсекали им прямую дорогу к Ротраму. Значит, можно попробовать уйти вправо. Это куда лучше, нежели поодиночке нырять в узкие проулки между избами. Он не подумал о том, что преследователям простор только облегчит задачу. Не подумал потому, что испугался. И за себя, и за девушку, которая невольно никла к нему, отказываясь слушаться и идти вперед...

Не растерялся один только Том. Пользуясь тем, что люди в капюшонах не спешили, уверенные в своей безнаказанности, он со всех ног припустил как раз туда, куда собирался бежать Хоуэн, но только при этом он ещё и заорал во все горло:

– Караул!! Грабят!!

Что он такое кричит, мелькнуло в голове у Хоуэна. Народ нынче пуганый и на такой призыв едва ли бросится на помощь. Если хочешь, чтобы люди высыпали на улицу, надо вопить «Пожар!». Однако Том уже был слишком далеко, чтобы его услышать, а сам Хоуэн кричать почему-то не спешил. Не то от страха, не то от затаившейся где-то в глубине гордости в присутствии красивой спутницы, которая вправе была ожидать от него более мужественных действий. Он толкнул её себе за спину и развернулся боком так, чтобы видеть приближающуюся парочку справа и одного из налетчиков слева. Четвертый, сыпля проклятьями, бросился наперерез Тому. Мальчишка чудом вывернулся, метнулся в сторону, и чуть было ни угодил под полозья вылетевших из-за поворота саней, запряженных двумя дымящимися рысаками. Фелла вскрикнула. Том успел прыгнуть вперед, в пространство между задними ногами коней

и саними, его преследователь замер по эту сторону, а сани занесло, и они резко остановились, подняв снежные брызги и отгородив охотника от его жертвы.

Сани были крытые, вроде повозки.

Когда они встали, навстречу человеку в капюшоне, машинально выхватившему из-под полы не то короткий меч, не то длинный кинжал, с подножки соскочили двое добрых молодцев внушительного роста. Один был широк в плечах и серьезен. Другой – длинноволос и улыбчив.

– Чего к мальцу пристаешь? – поинтересовался длинноволосый.

– Не лезь не в свое дело, – вызывающе бросил капюшон, оглядываясь на торопливо приближающихся приятелей. Все трое тоже перестали таиться и повытаскивали оружие.

Про Хоуэна и Феллу нападавшие на время забыли. Они безошибочно поняли, что сперва нужно разделаться с подоспевшей откуда ни возьмись помощью, а уж дрожащего старика с перепуганной девицей можно оставить на закуску.

– Кажется, нам предлагают размяться, – весело заметил длинноволосый, и крикнул, обращаясь к невидимому пока вознице. – Биртон, подбрось-ка чего-нибудь поострее!

Если бы Фелла стояла ближе, она бы услышала знакомое имя и поняла, что они спасены. А так она лишь прижималась к Хоуэну и смотрела во все глаза на происходящее.

Тем временем возница не заставил себя просить дважды, и из саней под ноги смельчакам упали две тонкие жерди.

– Это всё? – поинтересовался Бокинфал, бросая взгляд на Валбура, который, казалось, даже не заметил оружия, так пристально он рассматривал троих противников.

– Недостаточно? – удивился Биртон, показываясь из-за откинутого полога. – Их же всего трое.

Капюшоны слышали их странный разговор, но выводов никаких не сделали. Они, вероятно, слишком уверовали в свои силы, услуги их были щедро оплачены, а ростом они ничуть не уступали ни этому волосатику, ни его угрюмому собрату. Проявлять решительность было для них обычным делом. Тем более при численном перевесе. Потому что кучер вовсе не спешил присоединиться к двоим товарищам.

Бокинфал со знанием дела крутанул палку над головой, и она послушно загудела, сбивая на лету неторопливые снежинки.

– В прошлый раз, – громко проговорил Валбур, обращаясь к противникам, – я из-за таких, как вы, загремел в каркер. С тех пор я поклялся, что никогда не буду оставлять вас недобитыми. Поэтому у вас сейчас есть два выхода. Можете убрать ваши ножики и уйти, как если бы ничего не было. Или напасть на нас. Но тогда я вам обещаю, а мои друзья подтвердят: живым не уйдет никто.

В этот момент откуда-то из-за дальних изб раздался охотничий свист. Капюшоны переглянулись, словно не веря своим ушам. Потом развернулись и почти бегом один за другим скрылись в ближайшем проулке.

Кто-то ухватил Валбура за ноги, да так сильно, что он чуть не повалился. Наклонившись, он сгреб в охапку восторженного Тома.

– Фелла! – кричал мальчишка. – А что я тебе говорил! Он жив и здоров! Иди сюда, глупая! Погляди, кого я тебе снова нашёл!

– Вижу, мой подарок пришелся вам в пору, – смущенно улыбнулся Валбур, когда Фелла, забыв про старика, подбежала к ним и остановилась в нерешительности, не зная, что сказать в качестве благодарности и с кого начать.

– Приветствую, – по-будничному кивнул ей Бокинфал, отчего сразу стало ясно, что они знакомы. – К нам что ли?

– Что ли к вам...

– Валбур, как ты от этих идиотов выкрутился? – продолжал тем временем шуметь Том. – Мы с сестрой думали уже идти тебя разыскивать. А ты тут сам объявился. И снова нас спас! Как я рад тебя видеть! Фелла, ты рада его видеть?

– Рада, – честно призналась девушка и на мгновение остановила взгляд больших глаз на смущенном лице фолдита. – Как вам удалось выпутаться? Мы не...

– Я тебе потом эту интересную историю расскажу, – сказал Биртон, выглядывая со своего места и делая знаки старику, чтобы тот тоже подошел. – Или ты думала, что твои друзья все беспомощные.

– Биртон! – обрадовалась Фелла, и Валбуру показалось, что даже больше, чем ему. – Так вы тоже к Ротраму?

– Ну, разумеется? Мы и так в дороге подзадержались. Так что не давайте нашим усталым коням остыть, садитесь, места всем хватит, добросим вас. На сомод что ли? – уточнил он, узнав Хоуэна.

– Я уж думал, что вместо сомода попаду нынче прямоком в объятия Квалу... – пробурчал кузнец. – Вовремя вы, ребята, подросли.

– Я бы Квалу не стал поминать, – заметил Бокинфал, помогая Фелле взобраться на сани. – Она не из наших.

– В каком смысле? – поинтересовался Валбур, перебрасывая через борт смеющегося Тома.

– Потом как-нибудь расскажу. Есть догадки, – неопределенно ответил бывший писарь. – Ну что, все сели. Биртон, трогай!

Оставшийся отрезок пути до дома Ротрама они на все лады обсуждали произошедшее. Фелла рассказала, что нападению людей в капюшонах предшествовала их встреча со всё тем же неуёмным Улмаром, который уже однажды оставил её без честно заработанных денег, потом побил Тома и в конце концов стал причиной неприятных воспоминаний Валбура о каркере. Заслышав это, Валбур предложил повернуть назад, отыскать его где-нибудь там, среди изб, и раз и навсегда покончить с этим вопросом.

– Потом мороки не оберешься, – резонно заметил Биртон, прислушивавшийся к их разговору.

– Ну и Тэвил с ним! Зато он от Феллы отстанет.

– Если ты вознамерился его укокошить по-настоящему, замок это так не оставит.

– Не обязательно, – возразил Бокинфал, открыто любуясь сидевшей напротив девушкой. – То, что он сейчас делает, этот ублюдок затеял из корысти, а вовсе не по воле замка. Судя по его дружкам, вам грозила серьезная опасность. А это уже выходит за все дозволенные рамки.

– Сейчас много что за рамки выходит, – согласился Валбур, вспоминая собственные недавние приключения. – И если не положить этому конец сразу, зараза разрастётся.

– Поворачиваем? – подытожил Бокинфал.

– Нет, – ответил Биртон, продолжая править санями и не оглядываясь. – Ротраму я сам всё расскажу. Тогда и решим, что делать. А пока нас ждут. Так что, друзья мои, придется потерпеть.

– Я знаю, где он живет, – заговорчески сообщил Том, наклонившись к уху Валбура.

– Кто?

– Улмар. Я его однажды выследил. Давай как-нибудь вдвоем туда проберемся и избавим от него мою сестру.

– Шептаться нехорошо, – напомнила Фелла.

– Хорошо, – согласился Том. – Могу сказать при всех, что ты теперь в этих варежках и шапке, которые тебе Валбур подарил, чуть ли не спать ложишься.

Девушка всплеснула руками и попыталась ухватить Тома за воротник, мужчины дружно рассмеялись, все, кроме Валбура, который понимал, что краснеет, и от того краснел ещё сильнее.

– А я и не знал, что вы знакомы, – пришел ему на помощь Бокинфал.

– Ещё бы, – вздохнул продолжал Том, отбиваясь от сестры, – ведь это из-за нас его тогда схватили и куда-то уволокли. И теперь мы оба рады, что он снова на свободе. Правда, Фелла?

Девушка махнула рукой и тоже засмеялась, не глядя на Валбура.

– Как любят говорить многие мои знакомые, – сказал Бокинфал, – Торлон тесен.

– Так оно и есть, – согласился Хоуэн. – Окажись это не так, мы бы сейчас валялись в снегу с дырками в брюхе.

– А то бы ты с ними не справился! – подзадорил старика Том.

Хоуэн покачал головой.

– Прошло моё время. Одного бы ещё, может, отбил как-нибудь, но остальные трое меня бы точно уложили. Непростое это дело. Дратся надо, пока молод. Когда ты стар, остается только думать.

– Думать не мешает всегда. – Бокинфал выглянул из-под навеса. – Подъезжаем.

Сани въехали в раскрывшиеся перед ними ворота, за которыми в темноте виднелись фигуры двух стражей. Снова можно было почувствовать себя в безопасности. Остановились лишь перед самым крыльцом центральной избы. Их никто не встречал. Вероятно, сомод и вправду уже давно начался.

– Вы ступайте ужинать, – распорядился Биртон, обращаясь к Бокинфалу и Валбуру, – а я покамест провожу наших гостей. И пусть накроют на меня тоже – я скоро к вам присоединюсь.

– Я пойду с ним, – сказал Том, цепляясь за руку смущенного друга. – Фелла, когда будешь уходить, забери меня, ладно?

– Что-то я очень сомневаюсь, что вам сегодня стоит возвращаться домой, – заметил Биртон. – В любом случае, я потом переговорю с Ротрамом, и мы решим, что делать. Думаю, вы пока останетесь тут.

Фелла перехватила взгляд Валбура. В нем ожила надежда, и девушка смело приняла его и ответила улыбкой.

Хоуэн с интересом наблюдал за ними исподтишка и думал, что юная красавица явно не равнодушна к своему двойному спасителю. Уж слишком она это тщательно скрывает. Наверняка он ей весьма симпатичен, и перспектива провести ночь под одной крышей представляется многообещающей им обоим. Парень, правда, крайне стеснительный, судя по всему, из простаков, быть может, даже из фолдитов, но если надумает проявить настойчивость, определенно своего добьется. Везёт молодым! Всё-то у них ещё впереди. А нам, старикам, остается только дрожать от страха: как при виде вооруженных грабителей, так и при виде прекрасных дев с синими глазами. Сейчас, при свете факелов, они кажутся частицами зимнего неба...

– Идем, – оборвал он сам себя и взял Феллу под локоть. – Инструмент не забыла?

– Смотри, чтобы мне потом не пришлось тебя искать, – предупредила она брата, оглядываясь уже с порога.

– Найдешь Валбура – найдешь и меня, – многозначительно ответил Том и помахал ей рукой.

Хоуэн бывал у Ротрама лишь однажды, когда тот приглашал его и ещё нескольких доверенных кузнецов обсуждать возможности дополнительных заказов оружия для нужд замка. Хоуэну та встреча была памятна тем, что до неё он, по рассказам общих знакомых, представлял себе Ротрама человеком крайне независимым, если не сказать своимравным, далеким от Ракли настолько, насколько может быть далёк человек, промышляющий тем же, что составляет основу тамошней власти. Но Ракли к тому времени уже не стало, вместо него теперь в замке распорядились его бывшие военачальники, и им оружие надобилось в ещё больших

количествах. Можно подумать, в Вайла'туне ни с того ни с сего прибавилось виггеров, способных с ним обращаться! Но кузнецы знали Ротрама хорошо, слов на ветер он отродясь не бросал, так что не верить ему, когда он называл точные количества шлемов, кольчуг, мечей, накопников для стрел и арбалетных дротиков, причин не было. Тем более что и платил он всегда исправно и в срок.

В тот раз они тоже сидели в одном из покоев этого высокого терема, бревенчатые стены которого тогда ещё пахли свежесрубленной древесиной, горячей глиной очага и душистыми грибами попеременно с развешенными для просушки травами. Ротрам ведь не сразу богачом заделался. Говорят, он был родом чуть ли не из фолдитов, но сумел найти своё место в жизни и вот теперь пожинал плоды удачных решений. Из разговора за закрытыми дверьми стало понятно, что Ротрам не просто вхож в замок и даже в Меген'тор – его центральную башню, а имеет там прочные связи и высоких покровителей, которые дают ему возможности и хорошие деньги на оружии зарабатывать, и терема посреди Вайла'туна возводить. Раньше он если и принимал участие в заседаниях их сомоды, то далеко не во всех, и сидел скромно, поодаль от остальных, говорил мало, в основном слушал и, как правило, всегда соглашался. Однако, начиная с той достопамятной первой встречи под собственной крышей, Ротрам повел себя смело, по-хозяйски, так что вот уже второй или третий раз сомод собирался у него в новом доме. Хоуэн прошлые разы пропустил – то Хида, сына погибшего оплакивал, то болел, чего с ним прежде никогда почти не случалось. Так что, можно сказать, сегодня он явился сюда впервые. В качестве бывшего старейшины, или аола, как их называли в тунах.

Потому что теперь его место занял не кто иной как Торни, которому он заповедовал свою кузню.

Старейшиной Торни можно было назвать с большим натягом. В кузнечном деле он весьма поднаторел, этого у него было не отнять, однако аолами мастера становились не потому, что умели что-то делать лучше других, а потому что достигли определенного преклонного возраста и были ценны не только своими руками, но и наставлениями, опытом, за который и пользовались всеобщим уважением среди знающих людей. Торни же был ещё довольно молод и желание делиться опытом с другими из него исходило не слишком, однако он в какой-то момент тесно сошелся с Ротрамом, и тот недавно предложил выбрать старейшиной именно его. Вместо Хоуэна. Который как раз сказался больным, чтобы не показывать вида, будто расстроен. Собственно, он и не обижался. В свое время старейшиной его сделали, не спросив согласия, так что Хоуэн честно нёс это бремя без особого желания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.